

ВАЛЕНТИН БАДРАК

ВОСТОЧНАЯ
СТРАТЕГИЯ

Офицерский
гамбит

CF FOLIO

Восточная стратегия

Валентин Бадрак
Офицерский гамбит

«Фолио»

2011

Бадрак В. В.

Офицерский гамбит / В. В. Бадрак — «Фолио»,
2011 — (Восточная стратегия)

«Офицерский гамбит» – второй роман дилогии «Восточная стратегия», начатой романом — «Родом из ВДВ». Это первое художественное произведение Валентина Бадрака, посвященное курсантам Рязанского ВДУ. Старые друзья, выпускники Рязанского воздушно-десантного училища, снова на тропе войны. Полковник ГРУ Алексей Артеменко включен в состав российских резидентур на территории Украины. Он вместе с многочисленными коллегами из российских спецслужб ведет активную борьбу, направленную на смену внешнеполитического курса Украины, изменение облика государства. Он лично участвует в ряде операций против Украины, но со временем начинает сомневаться в правильности своего выбора. Полковник ВДВ Игорь Дидусь проходит две чеченские войны, участвует в конфликте России с Грузией. На его глазах разворачиваются противоречивые картины человеческих судеб. Безжалостная мясорубка перемалывает жизни рядовых россиян в глобальном проекте воссоздания новой империи. Каждый из двоих друзей своим путем приходит к выводу, что конфликт элит Украины и России искусственно перенесен на народы, а за поступки государственных деятелей расплачиваются рядовые украинцы и россияне.

© Бадрак В. В., 2011

© Фолио, 2011

Содержание

Пролог	5
Часть первая Проект «Империя»	10
Глава первая	10
Глава вторая	22
Глава третья	34
Глава четвертая	41
Глава пятая	44
Глава шестая	52
Глава седьмая	56
Глава восьмая	61
Часть вторая Столкновение волкодавов	64
Глава первая	64
Глава вторая	69
Глава третья	82
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Валентин Бадрак

Офицерский гамбит

ВЫПУСКНИКАМ РЯЗАНСКОГО ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНОГО
УЧИЛИЩА ПОСВЯЩАЕТСЯ...

Пролог

Если хочешь отдыха – веруй, если ты жаждешь истины – ищи.
Фридрих Ницше

(Москва, явочная квартира Главного разведуправления Генштаба РФ, апрель 2005 года)

Ключ в двери с синхронным металлическим хрустом дважды провернулся, нечаянно спугнув тишину и вечный полумрак лестничной площадки, и Виктор Евгеньевич, легко толкнув дверь вперед, повернулся со слащавой, пластилиновой улыбкой:

– Прошу...

«Как всегда, лаконичен и улыбчив, как будто учился у американских менеджеров по сбыту какой-нибудь мелкой, никчемной продукции», – подумал Алексей Сергеевич, толкая дальше тяжелую, очевидно со стальной пластиной, дверь и входя в такую же сумрачную, кажется несколько удивленную чьим-то визитом, прихожую. Виктор Евгеньевич ловко и по-кошачьи неслышно проник внутрь и щелкнул выключателем.

– Алексей Сергеевич, раздевайтесь, – сказал он, расплывшись в искусственной улыбке, когда дверь затворилась, – будьте, как дома. Даже проще.

Наконец-то Виктор Евгеньевич стал больше похож на себя, заговорил, подумал Алексей Сергеевич. Хотя какой он реальный, пожалуй, не знает никто. Разве жена... В ответ Алексей Сергеевич тоже улыбнулся, и тоже неестественной, не сердечной улыбкой, – посещение этого необжитого помещения не сулило ничего хорошего. За съемными, циклично меняемыми явочными квартирами всегда нависала тень неопределенности и смутной тревоги. На третий этаж они поднимались в полной тишине, и округлая спина Виктора Евгеньевича впереди во время молчаливого движения выглядела мрачноватым и даже зловещим предзнаменованием. В представлении Алексея Сергеевича его прямой куратор Виктор Евгеньевич Круг являлся в виде серии различных масок, чаще всего непроницаемых, недоступных для прощупывания даже ему, специально обучавшемуся заглядывать в чужие души. А может быть, у Алексея Сергеевича образ полковника Главного управления разведки Генштаба так затуманен из-за того, что тот не объект изучения, а прямой начальник? Может быть...

Они быстро, как будто куда-то спешили, скинули свои пальто, сверху влажные от растаявших на них снежинок, и прошли в большую просторную комнату.

– Не были здесь? – заботливо спросил Круг, и уже другая, победоносная улыбка отпечатавалась на его круглом лице.

К чему спрашивать, если и так знает, что он тут не мог быть. Очевидно, явочная квартира для специальных встреч со своими крышевиками. Но он тут не мог быть потому, что он нигде не мог быть без Виктора Евгеньевича. Полковник Круг, этот статный, всегда идеально выглядевший, отутюженный человек с короткой военной стрижкой и ласково поглаживающими окружающих глазами, был в течение последних лет его поводырем. Незаменимым посредником в отношениях с темным, подвальным, всемогущим миром. И Алексей Сергеевич по его поступкам, обрывкам фраз по сотовому телефону и принимаемым решениям вполне

догадывался, какой лукавый демон скрывается за бархатно-мягкой кожей его внешней оболочки.

– Не был, – так же учтиво ответил начальнику Алексей Сергеевич, с притворным любопытством оглядывая комнату.

– В таком случае обживайтесь. Пока я приготовлю некоторые формальности для встречи.

И с многозначительным ударением на последнем слове Виктор Евгеньевич исчез в проеме двери, предусмотрительно прикрыв ее за собой и как бы ненавязчиво ограничив перемещение Алексея Сергеевича.

Оставшись один, Алексей Сергеевич подошел к шкафу с книгами. На него смотрели ровные, красиво уложенные кирпичи, с монументальными именами классиков, отличаясь лишь переплетами да цветом краски для надписей. Ободок шкафа был в крапинках пыли. На стене напротив шкафа висела картина – странная, наводящая уныние фантасмагория в виде несуразной, плотно сплетенной паутины. Это и все остальное – угловатый, по-советски добротный диван, нелепые массивные кресла, тяжелые от пыли шторы с настоящей, едва видимой паутиной в дальнем углу, – выдавало отсутствие жильцов и безнадежную заброшенность жилища, отдавало казенщиной и затхлостью застоявшегося воздуха. Единственным приятным элементом очерствелого быта являлся изысканный журнальный столик со стеклянной поверхностью и изогнутыми оленьими ножками. Да еще пышный ковролин, пройдя по которому в мокрых, напоминавших о заснеженной мостовой, туфлях, Алексей Сергеевич озадаченно взглянул на оставленные следы. За этим занятием и застал его полковник Круг.

– Об этом не беспокойтесь, – музыкально промурлыкал он, как всегда явившись тихо и незаметно.

Да, разумеется, тут убирают, но редко, поскольку даже уборщица наверняка привозится своя.

– Давайте мы с вами немного поработаем над обстановкой, – Виктор Евгеньевич любил говорить намеками. В этот момент он окидывал затаившуюся комнату прищуренным взглядом дизайнера. Алексей Сергеевич не представлял, что именно намеревается сделать его шеф, но знал по опыту, что спокойное выжидание прояснит ситуацию. Всякий раз, когда полковник Круг говорил подобным образом, Алексей Сергеевич внутренне напрягался, потому что не знал, интерпретировать ли ситуацию как мелкую проверку, или же начальник говорит иносказательно просто по привычке. Порой его раздирало любопытство: а что, если Круг и дома так разговаривает?

– Столик переставим в центр, кресла... вот сюда... вот так... – приговаривал он, немного кряхтя, когда они вдвоем передвигали грузные, упирающиеся в пол кресла, – так... нормально.

Несколько вмятин на ковролине предательски сообщали о проведенной перестановке. Виктор Евгеньевич внес две бутылки минеральной воды. Потом блюдо с фруктами, маленькую тарелочку с орешками. Еще небольшое блестящее блюдо с печеньем. Сахарницу. Пепельницу.

И опять исчез, чтобы через несколько секунд вынырнуть в проеме с той же улыбкой и четырьмя стаканами для воды. Затем заварил свежего крепкого чаю и извлек откуда-то из недр шкафа четыре на удивление чистые чашки. Глядя на них, Алексей Сергеевич мимо воли подумал, что, верно, чашки парадные, которые достают не для каждой встречи. Да, встреча не рядовая, неординарная. После этой мысли он глубоко и несколько тяжеломерно вздохнул, несмотря на комичность разыгранной интерлюдии. Но все-таки забавно было видеть полковника ГРУ суесящимся...

– Из того, что мне известно о будущем разговоре, могу сообщить следующее: речь пойдет об очень конкретных задачах на ближайшее будущее. – Полковник Круг говорил, ловко нарезая лимон и то и дело поглядывая на своего подопечного. – И, если не ошибаюсь, задачи эти поставил Сам.

«Сам» – это кто? Начальник военной разведки России Корабельников или, может быть, сам Путин? Алексей Сергеевич с удовольствием задал бы такой вопрос. Но если уж невозмутимый Круг слегка нервничает, значит, что-то слишком серьезное, чтобы раньше времени соваться с вопросами. И от этой мысли Алексей Сергеевич до боли напряг мышцы ног, как будто хотел вдавить стопы в пол. Так незаметно для окружающих он снимал нарастающее напряжение. Вдруг раздался требовательный, хозяйский звонок в дверь. Круг радостно бросился открывать.

Не прошло и минуты, как дверь широко распахнулась, и в комнату широкими уверенными шагами вошел моложавый кряжистый человек с седыми, аккуратно уложенными волосами, зачесанными на прямой пробор, волевым, резко очерченным подбородком и кремниевыми глазами. Подбородок и скулы были украшены короткой профессорской бородкой, отчего его легко можно было бы принять за университетского профессора. Он решительно, как привык, прошел прямо через половину комнаты к спешно поднявшемуся со стула Алексею Сергеевичу и протянул руку.

– Анатолий Всеволодович, – рукопожатие было крепким и резким, глаза в это время вонзились в Алексея Сергеевича. На него хлынул поток холодного ветра.

– Полковник Артеменко Алексей Сергеевич, – коротко отрапортовал он в ответ, понимая, что это совершенная глупость. Ведь этот пришелец знал о нем гораздо больше, чем он сам. Но рапорт не изменил выражения лица высокого гостя.

После этого Анатолий Всеволодович, не колеблясь, прошел именно к тому креслу, которое готовил для него Круг, и, на ходу расстегнув пуговицы пиджака, утонул в его мягких просторах.

А Алексей Сергеевич теперь встречал второго вошедшего. Этот был выше первого на голову, более грузен, с выдающимся под пиджаком солидным брюхом. Ладонь его была большой и пухлой, и лишь где-то в глубине рукопожатия улавливалась грубая мужская сила. Он, вероятно, стеснялся своих, затянутых слоем медвежьего жирка, размеров при коротышке-начальнике, потому что голова его по большей части оставалась склоненной, словно сутулостью он намеревался скрыть богатырский рост. Большие и, как показалось Алексею Сергеевичу, мутные, широко посаженные глаза, с некрасивым бельмом на левом, санями прокатились по нему всему с некоторым любопытством и иронией. Второй рукой он придерживал раздутую от бумаг папку. Услышав скрипучий, невнятный бас этого человека, назвавшего себя Вадимом Вадимовичем, Алексей Сергеевич так же коротко отрапортовал.

Наконец, за большим силуэтом Вадима Вадимовича, усадившего себя на диван, показался подвижный и живой Круг, с умным и преданным взором, обращенным к Анатолию Всеволодовичу.

– Чаю?

– Пожалуй...

Виктор Евгеньевич разлил всем чаю, не спрашивая остальных, хотят ли они его. От Алексея Сергеевича не ускользнуло, что в присутствии приехавших людей Виктор Евгеньевич стал особенно галантен и предупредителен. И от понимания непреложности уже несколько чуждых ему законов субординации, совершенно не схожих с сапоговыми, армейскими и оттого более лицемерными, ему сделалось неприятно и немного стыдно.

– Включите телевизор, – бросил Анатолий Всеволодович короткое распоряжение.

Алексей Сергеевич удивился: даже в проверенной явочной квартире этот человек предпочитал перестраховываться. Фарс? Профессиональная привычка?

– Времени немного, сразу перейдем к делу, – начал Анатолий Всеволодович.

Все устремили взгляды на него, и Алексей Сергеевич видел теперь только дорогой в мелкий белый горошек темно-синий галстук штатского генерала и крупную, несуразно смотрящую

юся на его не лишенном благородства лице, выглядывающую из-за нечеткого края бородки родинку у левого угла губ.

– Алексей Сергеевич, мы детально проанализировали вашу предыдущую работу, особенно выполнение важных поручений в Алжире и во Франции, приняли во внимание ваши административные способности – я имею в виду создание фонда «Россия-2050». Есть мнение поручить вам новую, крайне важную, я бы сказал – жизненно важную для нашего государства задачу.

Анатолий Всеволодович на миг приостановился, так что все отчетливо слышали теперь только звонкий женский голос, который источал выпуклый экран старомодного телевизора.

– Речь идет об Украине. Причем особую ценность сегодня приобретает даже не информация – наш традиционный профиль, а влияние в пространстве наших интересов. Наша цель отныне заключается в изменении решений высших эшелонов власти других стран. Путем прямой вербовки или использования влиятельных в государстве персон вслепую взамен за реализацию их интересов – не важно.

При этих словах Алексей Сергеевич похолодел, что-то тяжелое и ужасное навалилось на него сверху, стало вероломно подступать к горлу и душить... Не может быть! Никак не может быть такого! Но внешне у него не дрогнул ни один мускул, ни одна жилка. А генерал продолжал, и его выпуклая, как пуговица, родинка опять зашевелилась от движения тонких, упрямых губ.

– Скажу прямо: мы начали терять страну, которая всегда играла ключевую роль для Руси, для всего славянского мира. Цели, намеченные новой украинской властью, вступают в резкое противоречие с нашими жизненно важными интересами. Они подрывают русский дух на всем континенте... – генерал опять сделал многозначительную паузу. – Одним словом, высшим военно-политическим руководством России принято решение о проведении активной работы с целью отказа Украины от продвижения на Запад и изменения режима. Нам нужно закрепить Черноморский флот в Крыму на веки вечные и вернуть заблудшую республику в фарватер нашей внешней политики... Короче, сорок семь миллионов зомбированных демократическим вирусом людей надо поставить в историческое стойло... И работа эта должна быть проведена филигранно.

Анатолий Всеволодович опять остановился, – он был напряжен и доволен собой. В том числе потому, так, во всяком случае, показалось Алексею Сергеевичу, что опасался завестись и проявить какие-либо излишние эмоции. От внимания Артеменко не ускользнуло, что генерал Лимаревский назвал Украину республикой. Анатолий Всеволодович между тем обвел присутствующих пылающим взглядом, в котором присутствовала энергия солнца, – если столкнуться с ним, то глаза неминуемо начало бы резать от невидимого света. После такого взгляда хочется отбежать на два-три метра и спрятаться за угол. То был даже не взгляд учителя, смотрящего на еще незрелых учеников. Взор вождя, невозмутимого и ничем не сдерживаемого, незамедлительно отправляющего организованные толпы на баррикады.

Вадим Вадимович большой пятерней вытер отчего-то взмокшую, покрасневшую лысину, а затем громко отхлебнул чаю из чашки, прижавшись к ее краю полными губами. Звук этот был по-русски убедителен. Алексей Сергеевич мельком взглянул на него и отметил, что широко распахнутые большие глаза с бельмом придавали ему нечто циклопическое, пещерное.

А Анатолий Всеволодович продолжил свой пространный монолог, оказавшийся длинным и утомительным. Пока генерал толковал о его, Алексея Сергеевича, личной роли и задачах в этой новой большой игре, мимо почему-то поплыли знакомые поля с налившимися колосьями пшеницы, большие хвойные лапы и крепкие остовы дубов, затем вдруг сияющие золотом купола Софии и Лавры, почти необъятное водное пространство Днепра, разлившегося когда-то по глупости инженеров. И почему-то мраморный бюст ухмыляющегося Сократа из Софиевского парка в маленькой, отсталой Умани, который он долго, с любопытством рас-

сматривал еще с отцом, крепко держась за его жилистую руку. Но потом из тумана миражей вдруг появилась родинка-пуговка и стала расти до невероятных размеров, расплываясь перед глазами, заполняя все пространство. Артеменко вернула к действительности заключительная фраза начальника.

– И наконец, самое главное: Украина, доверенная вам и вашим коллегам, стала участком борьбы номер один!

Суконная речь генерала Лимаревского еще некоторое время звучала в комнате. Но все, сказанное после, было уже не важно для полковника военной разведки Алексея Сергеевича Артеменко. Опытный офицер ГРУ все прекрасно понял: начинается новая война, готовятся грандиозные сражения нового типа, сокрушительные атаки, скрытые от неискушенного взора, начинается новый этап его карьеры и жизни...

Часть первая Проект «Империя»

Народ появляется тогда, когда возникает некая матрица, которая затем из столетия в столетие производит одни и те же психотипы, на основе уже единого этноса. [...] Создание единого русского народа в течение ближайших 10–20 лет – это реальность.

Александр Самоваров, один из идеологов развития русского национализма начала XXI века

Глава первая

(Киев, апрель 2006 года)

1

Стояли ватные от теплой влаги последние дни украинского апреля 2006 года, и Алексей Сергеевич, который уже добрых месяцев восемь болтался между двумя столицами, явно упивался душистой пряностью города на Днепре. Откровенно говоря, переезды не доставляли ему особых неудобств: во-первых, все было основательно продумано, добротнo организовано и полностью оплачено; а во-вторых, невзыскательность, инфантильное спокойствие и какое-то провинциальное добродушие Киева его умиляло. Киев после агрессивной толкотни Москвы был невыразимо уютным, и это всякий раз вступало в диссонанс с привычной помпезностью и футуристическими настроениями первого города советской империи. Тихие ритмы умиротворяющей колыбели славянства и навечно застрявшая между Подолом и Печерском христианская смиренность наполняли Алексея Сергеевича неумоимо притягательным спокойствием, как будто он попал в детский парк с многочисленными, соблазняющими глаз качелями. Снятая за старым Ботаническим садом довольно респектабельная квартира с высокими потолками и стильной мебелью его более чем удовлетворяла, – она с легкостью выполняла функцию и офиса, впрочем пока почти не посещаемого. Но вместительные и дорогие по местным меркам апартаменты являлись частью программы захода в страну, – его могучее ведомство не жалело средств на соответствие правилам игры. Официально, как исполнительный директор набирающего обороты фонда «Россия-2050», Алексей Сергеевич Артеменко организовывал всевозможные, как он считал, глупости. За плечами уже был несусветный форум славянской дружбы, абсолютно ненужные ему деловые контакты и утомительные конференции в различных аудиториях. Он даже успел поучаствовать в финансировании некоторого околонучного заседания невнятных личностей, увенчавшегося презентацией каких-то малопонятных брошюр, во славу которых ему пришлось произнести диковатую хвалебную речь. Одним словом, он старательно исполнял предписания Центра: непрерывно создавал вокруг себя круги на воде, внешне безобидные, порой даже полезные, но в целом ничего не значащие. Он еще не дорос до публичной жизни, но и эта ее форма была совершенно не похожа на рыбу, чрезмерно молчаливую, которой он жил раньше. Конечно, система незаметно поддерживала его по всем возможным каналам, всеми возможными негласными средствами – алхимия образов с элементами частушечной бравады всегда была исконно русским коньком любой шахматной партии. Система дала ему входной билет через все те двери, до которых дотягивались ее длинные щупальца. А дотягивались они так далеко, что у полковника дух захватывало. Артеменко посещал приемы, организованные посольством в Киеве, но даже посол, а тем более атташе по вопросам обороны, не имели ни малейшего представления о реальной миссии руководителя какого-то

там российского фонда. Ему надо было, как у них говорили, «светиться», то есть быть на виду, при деле, чтобы свободно перемещаться и непринужденно знакомиться с десятками людей. Заботясь лишь о том, чтобы хотя бы один из нескольких десятков новых знакомых оказался тем драгоценным поводырем, который способен привести к исполнению главного, тщательно камуфлируемого, упрятанного за декоративной ширмой его муравьиной активности. Впрочем, это главное только-только начинало приобретать контуры полноценной тайной миссии, все еще слегка расплываясь в тумане паркетных встреч и декоративной имитации действительности. И потому слишком часто ничто не мешало ему наслаждаться воздухом дивного города на Днепре, растворяясь в его чарующей ауре богоугодного благородства. Хотя Киев Алексей Сергеевич любил еще со времен детских экскурсий, когда вместе с другими незадачливыми школьниками замороженно взирал на массивную гробницу Ярослава, на могущественно охватывающего взором горизонт Владимира-Крестителя, на святые мощи в душном подzemелье Лавры, только теперь стал относиться к городу осознанно, проникшись его встревоженной недавними событиями душой.

Сам Киев к появлению в нем Алексея Сергеевича пережил уже несколько этапов переосмысления, и оранжевый цвет минувшей революционной эйфории у слишком многих давно уже не вызывал безудержно восторженного ликования. Если первоначально он походил на поднятую с гнезда птицу, беспокойную и отчаянную, наделенную невообразимой решимостью, то теперь птица взгромоздилась на свое прежнее место, и лишь какие-то едва уловимые электрические вихри напоминали о витающей в воздухе тревожности. Артеменко не мог не отметить необратимых изменений массового сознания, однако не взялся бы дать произошедшему однозначную оценку. Он видел: там, где некогда был дремучий лес, теперь зияла пустота основательной, безжалостной вырубki. Демонтаж прежних устоев оказался для многих столь же болезненным, как кровохарканье; выплевывая свою психическую недостаточность и забитость, жители этого новоявленного государства никак не могли дотянуться до европейских канонов. Ситуацию усугубляла грубая сучковатость в действиях «оранжевой» власти, оказавшейся во всех отношениях не готовой к исполнению миссии. Ее идеализация очень скоро сменилась любопытствующим наблюдением за постылыми скандалами и разборками внутри власти, постепенно вырождаясь в вакуум интереса. Впрочем, жители Киева и всей Украины еще с упоением смаковали последнее чудо «оранжевой» революции – свободу слова. Но и тут интерес к политическим телешоу с одними и теми же лицами, назойливо примелькавшимся, точно большие, зловерные, невероятно активные мухи, к моменту приезда Алексея Сергеевича давно был переполовинен. Эти лица либо уныло, либо с экзальтированным воодушевлением обличали, клеймили позором, предупреждали, но... странным образом зловеще порочный круг оставался незыблемым. Никто ни за что не страдал, борьба обещаний, лозунгов и удачных публичных укулов никак не отражалась на жизни всей остальной страны. Политические силы и их электорат давно научились жить отдельно друг от друга, вынужденно пересекаясь лишь во время голосования, чтобы высечь очередную искру во вновь перепаханном сознании.

И все-таки Алексей Сергеевич находил на своей удалившейся родине какие-то смутные очаги просветления, неясного озарения, которое его, хрестоматийного космополита нового времени, радовали и забавляли. Когда он прошелся ранней весной по каштановому, с бесподобными запахами Крещатику, свернул на Прорезную, чтобы насладиться скульптурными композициями символов советского кинематографа, Киев показался ему новым европейским раем. Дух, витавший тут, был вовсе не похож на переброженный парижский или затхлый брюссельский. Он был даже чище вечно сумасбродного, пропитанного рогатой чертовщиной духа Амстердама. И уж конечно, полковнику Артеменко тут было уютнее, чем в проржавевшей, высокомерной Москве. Киев оставался городом, хотя уже непомерно большим и часто пыльным. Москва давно стала территорией, плотно заселенной человеческими массами. Киев он

застал врасплох, раздраженным от политики, тогда как остальная Украина все еще пребывала в состоянии сенситивной инерции. Но в Киеве он нашел нечто совершенно новое и непривычное: многоликость, многоголосие, многогранность взглядов. В Москве же все давно привыкли к трону, бронзовому лицу и к тому, что лицо это одно.

Алексей Сергеевич, перелистывая по утрам столичные таблоиды, часто мимоходом вспоминал инструкции, дивясь талантам кремлевских провидцев предвидеть ситуацию. Или, может быть, моделировать, программировать? Он пока не мог дать полноценный ответ на этот вопрос. Но с каждым днем становилось ясно, что сигнал действовать поступит со дня на день. Солнечный и беспечный, Киев уже созрел, чтобы стать его милым, притягательным пленником. Только одна мысль, спорадически всплывая, вызывала его досаду: в блистательном, но черством Париже с его претенциозными французами он хорошо знал, против кого он борется; в дымчато-сладком Киеве он не мог привыкнуть к необходимости столь глубокой инверсии. Профессионально следя за текущими событиями, Артеменко знал: вот-вот начнутся нехорошие перемены, рычание, озлобление, плевки, а ему так не хотелось думать об этом. Трафареты врагов на родине, пусть и бывшей, все-таки выходили нелепыми. Артеменко нередко размышлял об этом, наблюдая в сквере напротив сочно-красного университета за беспокойными и взъерошенными студентами, пытающимися поймать жизнь за узду. Он слушал непривычную украинскую речь и удивлялся: люди так быстро перестроились, так резво говорят на языке предков, как будто так было всегда. А ведь сам он, с детства используя для общения исключительно русский, даже не представлял, что украинским так естественно пользуется столь много людей. Он ясно видел, что даже сейчас Россия и Украина живут двумя разными, непересекающимися жизнями, как будто и не было той многовековой дружбы, о которой так шикарно, с пафосом было написано в школьных учебниках почившей эпохи. Два государства порой казались ему птицами, живущими на разных высотах. А иногда рыбами, обитающими на разных глубинах. А что будет, когда сменятся три поколения?! Невообразимо! Потому он принимал нынешние расхождения за нелепость. Недопустимое, странным образом случившееся отклонение, которое следует устранить. Он хотел видеть себя со стороны автомехаником, который будет отлаживать автомобиль с вмонтированной инородной системой. Но это удавалось не всегда. Убеждение самого себя, явление какой-то новой для сознания, тлетворной суггестии временами позволяло принять в сердце необходимость работы тут, а временами отказывалось. Возникали странные, непостижимые образы, съедающие его аргументы, с которыми постоянно приходилось бороться при помощи иных аргументов – шлагбаумов из полученных инструкций. Его отправили в качестве опытного лоцмана корректировать курс Украины, таинственным образом затерявшегося в тумане корабля, движущегося с неисправными приборами совсем не в том направлении. Хотя, по правде говоря, у него давно не было абсолютной убежденности, что и сама Россия движется правильным курсом, – уж слишком все было запутано даже для него, весьма осведомленного и компетентного спецслужбиста.

А что ж говорить о жителях какой-нибудь глубинки? После короткой поездки в Умань к матери, нескольких беглых бесед со старыми знакомыми, просто внимательных взглядов на блеклую, лишенную ярких мазков, а кое-где и откровенно слезливую картину провинциальной жизни, в голове Артеменко зрела сложная дифференциация происходящего. Она частенько подталкивала его к провокационной мысли, что результаты кремлевского воздействия принесут тут больше пользы, чем вреда... Мысль эта была туманной, нечетко оформленной, но зато она стимулировалась постоянными электрическими разрядами в виде распоряжений и задач от Центра. И Алексей Сергеевич пытался смотреть на Украину глазами генерала Лимаревского, а осязать руками выдающего инструкции неутомимого Виктора Евгеньевича. В самом деле, все, что было за пределами Москвы там и за пределами Киева тут, виделось ему одинаково козловатыми, горемычными суррогатами жизни, пусть и совершенно несхожими друг с другом. Впрочем, схожести имелись. И тут и там до беспамятства пили, живя в своем очень тес-

ном законсервированном мирке. Как отдельные семейства подслеповатых кротов, контактирующие, в лучшем случае, с соседними семействами. К концу апреля наэлектризованность стала возрастать, и Алексей Сергеевич мимо воли ощутил привычное напряжение надвигающегося действия. Как в театре, только он был среди актеров – то тенью одного, то тенью другого. Вот-вот он получит первое представление о своей новой миссии, хотя порой он и содрогался от боязни спутать Божье благословение с впрыскиванием в вену наркотического зелья...

2

...Наконец пришло конкретное задание Центра. Пребывание в старом, наполненном уморительными миражами кино закончилось так же внезапно, как и началось...

В Пуще-Водице была запланирована одна из тех особенно важных встреч, ради которых он, собственно, и находился в Киеве. «День, который кормит год», – бросил ему в аэропорту Виктор Евгеньевич перед тяжеловесным рукопожатием. Обычно тихий, приглушенный голос куратора на этот раз причудливой вибрацией раздвинул и заслонил характерный шум порта. Еще бы, подумал Алексей Сергеевич, сомнений нет. Впервые с начала проекта его выдернули в Москву столь резким рывком, и впервые на один день. Намечалась нерядовая встреча с руководством одной украинской политической силы, когда-то поднявшейся в заоблачные выси украинской политики, а ныне ослабевшей, пролетевшей мимо парламента и оттого готовой на очень многое ради возвращения хотя бы части былого влияния. Насчет людей, с которыми ему предстояло говорить, Алексей Сергеевич получил исчерпывающие инструкции, успел ознакомиться с несколькими стопками секретных донесений и даже просмотреть около десятка дисков с видеоматериалами о некоторых подробностях общественно-политической и частной жизни этих определенно известных в стране людей. Домой заскочить он даже не подумал и, только расставшись с Виктором Евгеньевичем, в вакууме между ожиданием посадки в самолет и взлетом ощутил неприятное и навязчивое жжение, переросшее в тягучее желание позвонить Але, сообщить, что он в Москве, и просто поговорить о неважных мелочах. Но, взяв свой сотовый, он вдруг передумал. Его мозг уже основательно перестроился на конкретную задачу, и Алексей Сергеевич теперь опасался искусственным переключением сбить эту настройку.

К моменту встречи полковник Артеменко ехал к людям, которых уже отменно знал, включая их смены настроений, склонности, привязанности – ну, в общем, все, что необходимо для выполнения задачи. Он отметил про себя безукоризненную сосредоточенность на предстоящих переговорах. Забитый автомобильными пробками город медленно плыл мимо его сознания в тонированном стекле, и он лишь машинально отмечал свое местонахождение. Только в одном месте, увидев на большом рекламном щите изображение крупным планом нового политика в национальной вышиванке, Алексей Сергеевич будто бы очнулся от своего транса. Это широкое мясистое лицо, очень похожее на характерный облик одного поющего на сцене университетского ректора, беззастенчиво зазывало в новую партию. Артеменко отметил про себя: ну и наплодилось же тут партий и кандидатов в лидеры. Один бездарнее другого. Винченко... Так, кто такой этот Винченко? Ах да, вспомнил. Ну как же, был министром, обыкновенная серая, примитивная личность, отягощенная шлейфом темных делишек... Разве можно народ считать проснувшимся от спячки, если такие полипы все еще собираются делать политику?! Уж лучше «Путинский призыв», и все строим, без возможности отклониться от маршрута, делать новую империю...

Ладно, вяжемся в бой, а дальше посмотрим, подумал он про себя, когда хлопнула дверца оставляемой им машины; в отражении слегка запыленного автомобильного стекла он увидел статного, по-военному подтянутого мужчину в добротном костюме, украшенном модным галстуком. Глаза этого мужчины показались полковнику Артеменко зоркими и проницательными. Как и было оговорено, он оставил свою машину на стоянке на Львовской площади, где его

ожидало ранее вызванное им же такси. Оно и доставило миссионера к людному месту неподалеку Бессарабского рынка, где, щедро расплатившись с водителем, он еще посидел некоторое время в салоне такси, пока не подъехал черный, как лесной ворон, большой японский автомобиль с затемненными стеклами и вызывающе блестящими поверхностями литых дисков. Он с мягкой ловкостью приостановился на подъеме бульвара, носящего имя великого Кобзаря, в том самом месте, где частенько ловкие гаишники ловят неискушенных столичных водителей, и Алексей Сергеевич тотчас покинул салон такси и переместился на заднее сидение джипа.

3

Когда джип чинно подкатил к высоким воротам одной из дач живописной Пущи-Водицы, что в пятнадцати километрах от украинской столицы, сидящий на переднем сидении мужчина с жидкой бородкой обернулся к Алексею Сергеевичу и услужливым тоном возвестил:

– Приехали, но вы не спешите выходить: когда машина заедет в гараж, я вас проведу, – и мужчина извиняюще улыбнулся.

Алексей Сергеевич ничего не ответил, только кивнул ему, что понял. Было в наружности его сопровождающего что-то неприятное, хитро-злорадное, доставшееся от затаившегося зверька, живущего среди более могущественных сородичей. И суетливые движения рук, и острое, как лисья мордочка, его лицо показались Алексею Сергеевичу приобретенной маской лакея, который долгое время находился в услужении и давно привык к этому. Водитель же, угрюмый сельский мужчина, возможно вырвавшийся в город на заработки и по счастливой случайности осевший у сильных мира сего в роли извозчика, за всю дорогу не проронил ни слова, поражая уравновешенностью, неразговорчивостью, необычайной плавностью вождения и толерантностью к дорожным собратьям. Последнее казалось совершенно необычным явлением для нервных, забитых двигающимся железом киевских артерий.

«Какая же великолепная тут природа», – подумал Алексей Сергеевич, выбравшись из автомобиля уже во дворе дома, окруженного почти трехметровым забором из красного кирпича. С восхищением щурясь на клонящийся за хвойные гривы сосен диск солнца, Алексей Сергеевич на миг отвлекся мыслями от цели приезда. Все тут уже утопало в густой листве, и только несколько громадных, похожих на атлантов, дубов на границе огороженного участка все еще стояли обнаженные, без зеленого одеяния. Они-то и сторожили это вместилище политических интриг от любопытных взоров. «Все, как и у нас, все ключевые вопросы решаются на дачах, в банях, на кортах, как бы невзначай, по пути». – Артеменко с наслаждением наполнил легкие лесным озоном и вдруг увидел, как прямо по краю забора мягкими, неслышными скачками понеслась белка. Маленький зверек на один миг беззаботно застыл в грациозной позе, выгнув и распушив хвост, и Алексею Сергеевичу почудилось, что белка нагло и бесцеремонно разглядывает его. «Вот бы жить в таком укрытом от глаз уголке, листая книги и издали наблюдая за тем, как мир потихоньку сходит с ума... – пронеслась шальная мысль, – но разве это возможно? Война миров, вечный конфликт идей и принципов...»

– Может быть, хотите закурить? Чаю или кофе? – Лисья мордочка оказалась на редкость предупредительной.

– Нет, спасибо, я не курю. А позже выпью чаю.

– Нам желательно в дом... – мягко настаивала наспигованная инструкциями лисья душа. Алексей Сергеевич не противился. Хотя ему хотелось насладиться дыханием живой природы, он понимал, что высокий забор не станет помехой, если начнут профессионально вести или его, или этих доморожденных политиков.

– У вас тут белки так просто по заборам прыгают, прямо как в Вашингтоне, – не удержался Алексей Сергеевич, подходя к невысокому, в несколько ступенек, крыльцу.

– Да что там Вашингтон, Вашингтон – жалкая копия нашего раздолбля. Зверья у нас, как в зоопарке. Вы бы видели, как беличий молодняк в горелки играет! Тут уж несколько поколений выросло без страха, потому и к людям на руки идут, берут орехи.

Алексей Сергеевич увидел, как разгладилось до этого сосредоточенное лицо его сопровождающего, как отразилась в нем, как в зеркале, разделенная радость искренней любви к природе и обнажилось на один миг инфантильное, детское выражение. Он осознал, что это и есть настоящее лицо без маски, которое тот тщательно ото всех скрывает и к которому имеет возможность возвращаться лишь в редкие мгновения. И наверняка все реже и реже, пока совсем не забудет и душа его не срастется с маской придворного лакея.

– Что ж, прошу вас все-таки, – и, словно очнувшись, провожатый указал на входную дверь.

Алексей Сергеевич покорно последовал в большой прохладный холл с высокими потолками, кожаной мебелью, невообразимым количеством картин на стенах и светильниками возле них. Нельзя сказать, что его сразила роскошь, скорее озадачил удручающий симбиоз богатства и безвкусицы. Чудовищное смешение стилей и направлений живописи сначала ошарашило, как будто он попал не в дом, а на склад, но затем у Алексея Сергеевича из ниоткуда возникла мысль, что эта дикарская экзотика неспроста. Может, тут зарыто золото партии, на стенах утомленно висят ресурсы, приготовленные на черный день? Может быть, он и ошибался, но эта забавная мысль развеселила его. В конце концов, если средние партийцы живут так, то, верно, лидеры общественного мнения могут поспорить с самим Лукуллом. Чему удивляться: агитаторы во все времена стоили дорого. Да и он сам, кажется, не бедствует. Разве какой-нибудь тульский инженер или выдающийся конструктор из Коломны мог бы рассчитывать на такие ресурсы, какие потребляет он? Разумеется, все это необходимо для большого государственного дела, потому и приходится жить по так называемому правилу понтов, иначе вряд ли чего-то можно добиться. И ему самому понравилось оправдание своему небедному быту, дополнительным растратам на комфорт и дорогую машину. В конце концов, он представляет великую страну, державу, почти империю, так что уж тут мелочиться.

В ожидании у висевших на стенах полотен пролетело не менее четверти часа. Какая-то миловидная и полная женщина лет сорока принесла ему горячий крепкий чай, как он просил. Оставила на столике сахарницу и небольшое блюдо с медом, источавшим нежный неистребимый аромат здорового цветения, напоминающий шаловливое детство и добродушного деда с пасекой, которому он помогал, отпугивая пчел специальным дымом... Наконец в окошко Алексей Сергеевич увидел, как, увлекаемые электрическим приводом, отъехали в сторону широкие профильные ворота и во дворе показался другой автомобиль, тоже джип, и тоже японский, только покрупнее, массивнее. Понятно, с затемненными стеклами. Как же все тут предсказуемо, как схоже на московские загородные тусовки. Но особенно – люди, убивающие наповал откровенным и комичным обезьяньим копированием друг друга.

Сначала водительская дверца распахнулась, и из машины незамедлительно выпало мужское тело, еще не раскисшее, хотя уже и не подтянутое. В это же время с другой стороны начало степенно выкатываться объемное женское туловище, которое было вовремя подхвачено за локоть неутомимым товарищем по партии. Да, не думал ты, Алексей Сергеевич, с какими людьми придется тебе общаться. И ведь правду говорили, что оруженосец нередко садится на водительское место. Очевидно, чтобы в дороге можно было обсудить деловые вопросы. С другой стороны, в их случае это довольно глупо, ведь тогда они давно на прослушке. Хотя и это вряд ли: кому они, в конце концов, нужны? Это же подыгрывающие на третьих ролях, они ни на что не претендуют в большой игре. Потому-то ему их и подставили – на обкатку...

Алексей Сергеевич машинально, прежде чем перед ним предстала Анна Георгиевна Овчаренко, зажигательная и, без сомнения, харизматичная ведьма-провокаторша, поставил чашку с чаем на столик, коротким интуитивным движением подтянул брюки, расправил

ремень, словно португеею на военной форме, пошевелил плечами и откинул их назад. Принял облик своего героя, которого должен был играть. Когда они вошли, мгновение Алексей Сергеевич пребывал в замешательстве: может быть, надо поцеловать даме руку – с целью ускоренного развития отношений. С барышнями так бывает: случайно попадаешь в их интимную зону, и можешь рассчитывать на неожиданный бонус на переговорах. Но какой-то глубоко сидящий внутренний голос настойчиво твердил ему, что перед ним не столько дама, сколько женщина-партия, женщина-лозунг. В таких особах даже неприлично видеть женщину, это, пожалуй, может их оскорбить, как намек на слабость пола. Таких воительниц предписывается превозносить до абсолюта, закрепляя на каждом углу яркие плакаты с их мужественными изображениями и яростными призывами.

Анна Георгиевна сама вывела его из равновесия, резко, по-мужски подав руку для вовсе не изысканного рукопожатия. Алексей Сергеевич сделал это осторожно и несколько смущенно, подавшись телом вперед и сделав неловкий, а может быть, даже комичный поклон головой. Ее ладонь была обжигающе горячей, хотя и, к удивлению Алексея Сергеевича, по-женски мягкой. Но пожатие ее оказалось довольно крепким, захватывающим и откровенным. Цепким, как классифицировал разведчик для себя. Напрасно он постарался вкладывать как можно меньше силы, опасаясь хрупких пальчиков. От нее исходил запах дорогих духов, и он не вязался с ней, противоречил ее образу, вызывал странные ассоциации. Она ничуть не смущалась такой неестественной для себя и окружающих роли, вероятно, давно привыкла к ней. Нет, это был ее козырь, ее преимущество, осенило вдруг Алексея Сергеевича. Алексей Сергеевич мимо воли вспомнил фразу, недавно оброненную в беседе одним украинским политологом. «Женщина, входя в политику, оставляет свой пол перед входом». Как же это точно сказано... С ее партийным товарищем Алексей Сергеевич обменялся молчаливым, достаточно холодным рукопожатием, заглянув для верности в его выцветшие от времени и партийной борьбы серые волчьи глаза.

Через некоторое время они оказались втроем в закрытой переговорной комнате, где даже обильно выставленные цветы поникли от недостатка дневного света и выглядели обескураженными. Искристые плафоны с маленькими лампочками силились восполнить этот недостаток режущим глаза невероятно ярким свечением, но оно было слишком холодным, как кристаллы льда где-нибудь за Полярным кругом. Вместо природной прохлады загородного строения на Алексея Сергеевича постылым драконом из глубины помещения дышал кондиционер. Глядя на Анну Георгиевну в прекрасно подобранном деловом бежевом костюме, который был ей к лицу и на фоне которого блеск сережек был подчеркнута рационален, Алексей Сергеевич отметил, что вряд ли этот стильный гардероб был куплен на базаре «Оболонь», как она беззастенчиво сообщала о себе журналистам. И все-таки, как она заметно изменилась по отношению даже к тем видеообразам, которые Алексей Сергеевич накануне изучал в Москве! Если время немилостиво ко всем, то к женщинам-политикам оно бессердечно. Она осунулась, обрюзгла, еще больше потолстела, подурнела и стала злее. Злость ее теперь была так же неисправима, как тяжелый рев стареющего, уставшего мотора, еще несколько лет тому назад едва слышимого. Теперь уж явственно стал проступать двойной подбородок, который наверняка выводил ее из себя во время ненавистных встреч с зеркалом. Под глазами появились темные, перламутровые круги, которые, наверное, теперь уже не исчезают и после массажа с макияжем. Но больше всего Алексея Сергеевича поразили глубокие борозды морщин на шее – вот отчего на изучаемых фотографиях он часто видел ее с элегантно повязанным вокруг шеи пестрым платочком. Но одно оставалось неизменным – все те же воинственно приподнятые брови, придающие ей сходство с большим бульдогом, стареющим, но все еще сильным и авторитетным, готовым в любой момент вцепиться в глотку обидчику или просто инакомыслящему.

– Куда пропал Антон Афанасьевич? Смена коней на переправе?

Она говорила бойко и уверенно, с неприятным и довольно странным дребезжанием сиплого голоса. От нее исходила опасность человека, способного говорить собеседнику неприятные вещи, и Алексей Сергеевич это ощутил с первого мгновения беседы. Он не знал, почему Антона Афанасьевича Гетеровского перебросили на другой участок работы, как не знал детали миссии своего предшественника. Более того, он не был лично знаком с Гетеровским, даже не был уверен, является ли тот офицером. Зато имел неимоверное количество инструкций относительно своих ответов, как ему казалось, на все случаи жизни.

– Начну с того, что я счастлив, что мне поручено сотрудничать с вами. Поверьте, это для меня... – начал было Алексей Сергеевич, не отвечая на поставленный вопрос. Он намеренно хотел предстать смущенным, глядящим на нее снизу вверх, чтобы получить больше возможностей для маневра.

– Послушайте, – прервала его властная женщина, – прекратите... – Наверное, она хотела сказать что-то вроде «паясничать», но удержалась и проглотила слова на вылете, – это лишнее в нашем деле. Давайте построим разговор на четких и прозрачных принципах.

– С удовольствием, – Алексей Сергеевич все еще пытался гасить улыбкой пробуждающуюся лаву ее душевного вулкана, – миссия Антона Афанасьевича заключалась в организации нашей встречи, и она, как полагают режиссеры проекта, успешно выполнена. Воспринимайте мое появление как продолжение того единственного вектора, который берет начало в Кремле и направлен на развитие цветущих взаимоотношений с Киевом. В настоящее время их аромат определенно испорчен, но дальше может быть еще хуже. Чего, разумеется, мы не хотим и чему намереваемся препятствовать.

Говоря, Алексей Сергеевич чувствовал, как его насквозь прожигают две пары недовольных глаз. Но выхода не было, и он продолжал, приближаясь к критической точке разговора.

– Давайте исходить из того, что ваша политическая сила в настоящее время не на пике славы, мы же готовы вложить ресурсы в проект, который, мы полагаем, окажется взаимовыгодным. Вам он может широко открыть двери в просторный сессионный зал на улице Грушевского, нам позволит совершить благо для братского славянского народа, лидеры которого намереваются сыграть роль Ивана Сусанина. Вы всегда старались быть самым неудобным человеком в этой стране, и мы готовы помочь вам восстановить этот уникальный статус. Наконец, самое главное, успешная реализация проекта в этом году может стать стартом для целой серии новых проектов.

Анна Георгиевна молчала, упрямо упершись стальным взглядом в Артеменко. Во взгляде сквозила нескрываемая неприязнь, что Алексей Сергеевич связывал с оценкой состояния партии и пониманием ею его правоты. В этот момент она казалась как раз обиженной женщиной, которой сообщили, что она уже слишком немолода и ее привлекательность – уже только легенда.

– Расскажите о деталях проекта и каково ваше представление о совместных усилиях, – вдруг вмешался в разговор третий собеседник, который до этого лишь внимательным изучающим взглядом исследовал внешность и одеяние Алексея Сергеевича. Андрей Богданович Сорокович – так звали соратника, помощника и советника Анны Георгиевны – слыл человеком дела, презирающим демагогию, способным и в деталях любого сомнительного дела основательно разобраться, и по физиономии съездить при удобно складывающихся обстоятельствах. Но, главное, он способен был без эмоций рассматривать любое дело с точки зрения прагматического фундамента для всех навешиваемых многоярусных задач, с которыми неизменно сталкивалась партия. Из предварительного изучения личностных особенностей этих людей Алексей Сергеевич знал, что это было как раз то качество, которого была явно лишена экспрессивная, взбалмошная, взрывная женщина рядом с ним и которое делало его незаменимым для нее.

– Тема и проста, и интересна. Речь идет о военных учениях «Си Бриз-2006», в которых участвуют около десятка стран и которые направлены на внедрение и закрепление блока НАТО на Украине. Зная, что вы всегда выступали против НАТО... м-м... – тут Алексей Сергеевич на миг сделал задуманную паузу – нужно было аккуратно идти в наступление, – мы могли бы предложить вам возглавить оппозиционное движение против НАТО в Крыму и на юге Украины. С целью срыва этих учений.

Алексей Сергеевич выпалил ключевую фразу и теперь ожидал, что скажут переговорщики.

– Вы так говорите «предложить возглавить», как будто должность в правительстве предлагаете. А между тем мы и без вас способны тут разобраться и возглавить любое движение, – пыхнула в лицо едким костровым дымом слов Анна Георгиевна. Ох, не зря ее называют украинским напалмом!

– В ваших возможностях, креативности, зажигательности никто и не сомневается. Именно поэтому мы обращаемся к вам, передавая в ваши руки не лишнюю прелести идею. Речь идет лишь о том, чтобы оказать помощь ресурсами, – фактически подыграть вам. Причем ресурсами не сугубо финансовыми, но и административными, информационными... Полагаю, последнее для вас не менее важно, чем первое.

Алексей Сергеевич чувствовал, что переговорный клубок, если и будет раскручен, то с немалыми усилиями. Но Артеменко рассчитывал на ее живой, на редкость изворотливый ум. Она не может не понимать, о чем идет речь. Москва обладает уникальной способностью обеспечить ее всей полнотой информации много раньше, чем волна докатится до других потенциальных игроков. Анна Георгиевна не может не понимать, что, играя с Москвой, она себе обеспечит лидерство здесь. Ведь и выбор Москвы мог бы пасть на какую-нибудь иную политическую силу! Вы же хорошо знаете, что все противники «оранжевых» числятся в потенциальных друзьях Кремля. Артеменко счел нужным добавить несколько слов в образовавшейся паузе.

– Анна Георгиевна, речь идет еще и о том, что любое ваше заявление, любой ваш шаг будет информационно продублирован в российских средствах массовой информации, именно вы попадаете в категорию борцов за счастье украинского народа, которое пытается отнять эта власть...

Алексей Сергеевич делал ударение на словах «ваше», «ваш», «вы». Но он чувствовал, что это было излишнее усилие. Партийная панночка и без него в этом досконально разбиралась. Слово опять взял рациональный мужчина. Глаза его пугали бесстрашием, они походили на помутневшее от времени стекло. Голос его, гнусавый и одновременно скрипучий, как старый диван, доводил Алексея Сергеевича до иступления.

– Вы, конечно, знаете, что учения «Си Бриз» проводятся с 1997 года и что само по себе это не является каким-то судьбоносным шагом Украины на пути в НАТО. Это даже не Хартия об особом партнерстве с НАТО, это просто международное военное сотрудничество, в котором, кстати, участвует и Россия. До этого три состава Верховной Рады, и мы в том числе, не высказывали сомнений при утверждении предлагаемых планов, да и самой идеологии этих учений. Теперь вы предлагаете взяться за их срыв. Где логика?

– Не вижу ничего нелогичного, – парировал Алексей Сергеевич, подумав про себя, что они, скорее всего, набивают цену даже при очевидной для себя политической выгоде от серии акций, – времена меняются, меняется и отношение к определенным мероприятиям. Вчера это были просто совместные учения, возможность отрабатывать какие-то локальные задачи военного характера. А сегодня, когда руководство вашей страны взяло курс на вступление в НАТО и, значит, на разрыв с Россией, это уже часть стратегического политического замысла. И со стороны НАТО политический замысел состоит ни в чем ином, как в закреплении своих военно-политических позиций на территории Украины.

– Какими конкретными административными и информационными ресурсами вы располагаете? – спросила Анна Георгиевна, встрепенувшись.

– В унисон вашей политической силе будет работать ряд политиков, политологов, экспертов. Я мог бы сейчас искрить именами и названиями, но полагаю, что этого не стоит делать. Достаточно принять во внимание: на вас сделана ставка, вас собираются основательно поддерживать. На вас будет работать орда журналистов и политологов. Это означает, что все заявления будут широко расходиться по средствам массовой информации, и в том числе на территории Украины.

Он опять старательно акцентировал «вас».

– Лично меня смущает в этом деле то, что в ходе подобных международных учений запланировано усовершенствование и ремонт полигонной инфраструктуры на территории Украины. Для человека, живущего не только критериями роста на политическом поле, но и государственными интересами, совершенно ясно, что международная военно-техническая помощь для Украины весьма кстати, – опять вклинился вдумчивый голос Сороковича.

«Ой-ой-ой! Выдасте себя за патриотов, а сами уже готовы ради политической подсветки не то что Украину, собственные души дьяволу продать! Ну не лицемеры ли?! – внутри у Алексея Сергеевича все заклокотало от понимания проскальзывающей сквозь видимую серьезность высказываний фальши. – Ладно, посмотрим на вас дальше». Он медленно выдохнул воздух из легких и начал очень спокойно разъяснять выгоды от сотрудничества в этом проекте.

– В самых высоких эшелонах российской власти уверены, – и я полностью разделяю эту уверенность, – что потери от свернутого сотрудничества с Россией будут выражаться намного большими убытками, чем те крохи помощи, которые готовы бросить Украине американцы. Еще немного, и они за помощь начнут выторговывать размещение своей собственной военной базы на территории Украины. Не играйте в слепых, посмотрите, что творится в государствах, которые недавно стали членами Североатлантического альянса, – закончил он после обстоятельного экскурса и сопоставления друзей с Западом с братьями из России. Он пытался увлечь любителей экстремальных политических акций цифрами и фактами, но видел, что его слушает только Сорокович. Анна Георгиевна смотрела как-то сквозь него, и он отчетливо видел, как внутри нее происходит кипение страстей, тяжелая, неведомая ему внутренняя борьба, противоборство каких-то, только ей понятных аргументов, совершенно иная форма жизни. Наконец глаза начали увеличиваться вследствие освобождения из плена полузакрытых, основательно припухших век и вспыхнули яростным, демоническим огнем, в них отразилась неподвластная его пониманию инфернальная сила, какой обладают все выдающиеся зачинщики, от дворовых потасовок до мировых войн. Кажется, она уловила свою роль и приняла решение. В какой-то момент она напоминала реку, вышедшую из берегов, но когда он закончил, река опять была в своем русле.

– Как вам видится конкретная схема действий по срыву учений? – спросила она почти без интереса к делу.

Алексей Сергеевич раскрыл рот, как вдруг у нее зазвонил сотовый телефон.

– Андрей Богданович, поговори ради бога, – и с этими словами она сунула блестящий металлом телефон в большую, нескладную руку партнера, который покорно, как ребенок, удалился с магическим прибором за пределы переговорной.

Алексей Сергеевич смешался, но Анна Георгиевна ободряющим жестом пригласила его продолжить разговор. Он подумал, что, может быть, это удача.

– По нашим оперативным данным, к концу следующего месяца, ориентировочно 27–28 мая, в Феодосию прибудет американский корабль с оружием, военной и строительной техникой на борту. От вас требуется поднять общественно-политический шум, преградить дорогу американским солдатам, заявить, что этот груз предназначен вовсе не для проведения учений «Си Бриз», а для ловкого закрепления на суше, то есть фактически строительства военной

базы. Железным аргументом является то, что и раньше учения всегда проводились на море и не требовали никаких сооружений на суше. Нужны потасовки, массовые волнения. Мы же обеспечим вам очень широкое продолжение темы, вплоть до заявлений о прекращении сотрудничества с Украиной, если только украинская сторона не откажется от инженерно-строительных работ на полигоне в Старом Крыму. Наши оперативные донесения говорят о том, что у вас обязательно появятся союзники в лице нескольких партий, но организацию, лидерство в предстоящих событиях вам есть смысл взять на себя, чтобы и дивиденды от акции протеста были ваши. Более того, мы не исключаем, что некоторые партии уже взяли дело в разработку и могут выступить независимо от вас. Именно поэтому есть смысл поторопиться с решением всех организационно-административных задач. Это, впрочем, вы делали не раз и знаете процедуру гораздо лучше меня. Мы же готовы снабжать вас всесторонней и очень оперативной информацией, уверяю вас: вы будете более информированы, чем Президент Украины. – Тут Алексей Сергеевич сделал небольшую паузу, чтобы убедиться, что его слова произвели именно тот эффект, на который он рассчитывал. После чего он развязно добавил: – Да, и еще одно. Не лишним будет добавить такую сентенцию: присутствие натовских войск на территории Украины обеспечит контроль американцев над транзитом российского газа в Европу. Что это будет воровство энергоносителей под охраной натовских солдат. Народ сам с оружием в руках должен отстоять суверенитет страны, несмотря на то что власть давно сдала все позиции. Мы, естественно, все это распространим по миру, обеспечим очень хорошее звучание ваших слов.

– Вы знаете, что Анна Овчаренко не продается?! – спросила она строго, угрюмо глядя на него в упор. Если бы глаза могли выпускать пули, Алексей Сергеевич был бы изрешечен ими насквозь. Эта женщина не выносила никакого навязывания.

– Никто и не пытается купить вас. Речь идет об очень выгодной для обеих сторон сделке. Эта акция нужна прежде всего вам. Но она на руку и нам, потому мы согласны осуществить некоторые инвестиции, как сейчас любят говорить. И еще одно, вы уж извините мое озвучивание пожеланий. Просто их реализация обеспечит вам дальнейшее развитие взаимоотношений с нами и помощь, поддержку в организации новых акций. Так вот, очень желательно заявить, например, что учения НАТО являются частью сценария по расколу Украины. Эта пугалка придаст вашим заявлениям элемент оригинальности и новизны, а мы ее распространим настолько широко, что она станет афоризмом, навечно связанным с вашим именем.

– Подготовка акции потребует круглой суммы, и немедленно, – скороговоркой проговорила Анна Георгиевна, еле выдержав последнее предложение Алексея Сергеевича. Он чувствовал, что она хотела его перебить, но каким-то чудом удержалась.

– Разумеется. Напишите число на листке бумаги.

Однако в скромности этих патриотов не упрекнешь, подумал он, глядя то на большие борозды морщин на тучной, обвисшей шее, то на резко углубившуюся носогубную складку после того, как речь пошла о деньгах. Теперь он ясно видел связь между годами, занятием человека и материальным положением. Когда же она вывела цифру, в первый момент Алексей Сергеевич был немного озадачен: сумма заметно превышала предварительные ожидания. Но у него было еще одно предписание – не торговаться. Времени не оставалось совсем, а оно, как известно, самый суровый аргумент.

– Я думаю, что завтра решение будет принято на самом верху. Будет ли вся заказанная вами сумма или мои координаторы станут торговаться, мне пока неизвестно. Но решение будет уже завтра. Мы рассчитываем на многолетнее сотрудничество с вами, потому уверены, что инвестирование политики в создание рая на берегах Днепра – дело очень перспективное.

Когда вернулся Сорокович, обсуждать было, собственно, нечего. Еще минут двадцать они говорили об очень конкретных вещах, технических нюансах связи и условиях взаимодействия. Затем все тот же тяжелый черный джип с затемненными окнами погнал на Киев, спокойно и уверенно, как танк, раздвигая податливый поток более мелких машин. На его зад-

нем сидении расположился немного усталый, но вполне удовлетворенный человек – полковник российской военной разведки Алексей Сергеевич Артеменко.

4

Когда Алексей Сергеевич пересел в свой автомобиль, легкий воздушный колокольчик известил его: в сети его мобильного заблудилась электронная весточка. Вращая руль одной рукой, большим пальцем второй он нажал на стальной отлив кнопки телефона, откуда тепловой электрической волной его обдало любовью: «Любим и ждем папика. Как аттракцион?» Это, конечно, Аля с ее особой лексикой и непревзойденным знанием момента. Аттракцион – это то, чем он тут занимается. В самом деле, это так и называется. Она, не вникая в детали и нюансы, знала многое об этом деле, но, как настоящая жена разведчика, была абсолютно надежна. Он резко нажал на педаль тормоза, включил аварийный сигнал и с непостижимой быстротой набрал: «Супер... и я рад, что на свете есть расстоянья более немыслимые, чем между тобою и мной». О, он тоже работал над собой: зная ее безудержную любовь к поэтическим формулам, он научился делать ей сюрпризы. Не успел внезапный романтический порыв полковника остыть, как из Москвы прилетел мгновенный безошибочный ответ: «Значит, приезжай... ибо время, столкнувшись с памятью, узнает о своем бесправии».

Они по-прежнему умели сойтись в одной точке Вселенной, пусть только мыслями, все равно это было единство. Ах, Аля, Алечка! И Артеменко поглотила волна умиротворяющего спокойствия.

Глава вторая

(Киев, май 2006 года)

1

Алина Константиновна Трегубова являла собой совершенный тип русской женщины, обладающий феноменальным, исконно славянским диапазоном мировосприятия. При необходимости она была способна предстать и утонченной красавицей, поражающей мужчин сакральной, почти монашеской покорностью, и агрессивно-деятельным менеджером, с завидной проныцательностью указывающим на решение той или иной задачи. Причем обладала она редким, изумляющим чутьем по поводу места и времени смены своих бесчисленных, многогранных образов. В ту пору, когда Алексею Сергеевичу выпало работать с Алиной Константиновной, ей минуло тридцать семь – возраст, в котором женщина уже часто отмечена печатью мудрости, а умелое использование современных технологий все еще позволяет ей выглядеть шикарно. Алина Константиновна, кроме того, могла изумлять оригинальностью мышления и неподкупной одухотворенностью – теми качествами, которые привлекательную женщину делают настоящей богиней. Миловидная, с круглым русским лицом, знающим руки профессионального косметолога, она носила по обыкновению поверх брюк или платья делового покроя стильные, похожие на мантии ткани. Последние призваны были скрывать за изящными драпировками ее уже изрядно отвислые ягодичы да недавно появившиеся неприятные складки на боках. Досадные телесные перемены, впрочем, ничуть не отравляли ей жизнь, а предпочтения балахонистым, как порой говорят в России, одеяниям вполне можно было бы причислить к одному из ее многочисленных талантов. Она все еще пользовалась успехом у мужчин и слыла авторитетным сотрудником в команде, успевала осуществлять бесконечные путешествия в самые живописные точки уставшей от назойливых людей планеты, любила баловать себя изысканными блюдами японской кухни в недешевых заведениях. Но и это не все. Она довольно ловко управлялась с основательной перепланировкой более чем приличной квартиры в Москве и качественным ремонтом недавно приобретенного домика в Подмоскowie, что подтверждало ее устойчивое положение на верху жизни. И даже издала любопытную книжицу – пособие по организации успешных выборов. Одним словом, она не только слыла, но и была успешной женщиной, вполне справляющейся с беспокойным началом нового тысячелетия. Единственной ее болевой точкой уж несколько лет оставалась взрослеющая дочь от давно разведенного с нею бизнесмена. Щедро обласканная с двух сторон не общающимися между собой родителями, рано научившаяся играть на желании каждого из них выпестовать любимого ребенка, к восемнадцати годам девочка являла собой взбалмошную, склонную к непредсказуемым выходкам и порокам особу. Она поступательно и незаметно от постоянно занятой матери втянулась в сомнительную компанию, рано пристрастившись к алкогольным напиткам и опасным острым ощущениям. Это некогда бархатное создание превращалось в непреклонного вампира, одновременно самопожирającego и сосущего кровь из артерий окружающих. Для матери девочка стала, как незаживающая язва, к которой мысли возвращались всякий раз, когда не были заполнены работой. Алина Константиновна с ужасом думала о новой страсти дочери: та, как это недавно выяснилось, обожала темнокожих парней. Эту душевную боль Алина Константиновна скрывала от всего мира, как могла; это был вызов судьбы ей как матери и как успешной, реализованной женщине. И не раз ей приходилось бросать работу в Киеве и, отпросившись на день, лететь в большую и шумную столицу с тем, чтобы вытащить свою заблудшую отступницу из какой-нибудь запутанной мегаполисной истории. После таких загадочных исчезновений у нее нередко появлялась новая морщинка или одна из наметившихся прежде, старательно разгла-

живаемая, углублялась настолько, что и руки мастера оказывались бессильными перед наступлением немилосердного времени.

Алексей Сергеевич был хорошо проинформирован о забористых деталях жизни Трегубовой, что, конечно же, облегчало ему общение. Но он не знал, когда и как Алина Константиновна стала для тайной службы «своей». Он понятия не имел, повлияли ли на ее благосклонность к ведомству его необъятные возможности по присмотру за ее взрослым ребенком, а на выбор его коллег – ее уникальная способность втиснуться в состав команды имиджмейкеров одного из известных украинских политиков. Он не знал даже, является ли Алина Константиновна офицером разведки, работает ли в рамках официально данной ГРУ подписки или вообще используется вслепую на основе эпизодической договоренности о выполняемых услугах для малопонятной государственной организации. Естественно, на выгодных финансовых условиях. Последнее казалось ему наиболее вероятным, хотя ошибиться тут можно было очень легко, особенно когда речь идет о притягательной манерной даме. Вообще Алексей Сергеевич только одну женщину на всем свете считал не коварной – свою жену. В итоге, как бывает в таких случаях, Артеменко знал о госпоже Трегубовой ровно столько, сколько ему было положено в данном конкретном случае. Впрочем, для него было достаточно, что украинский политик, который находился в зоне прямых интересов его ведомства, оказался достижим благодаря содействию не лишенной шарма Алины Константиновны. Он получил задание конвертировать недоверие этого политика к НАТО в ряд колоритных заявлений на престижных украинских телеканалах и максимально раструбить о них в российских средствах массовой информации. Фактически речь шла о проведении крупной информационной операции на подготовленной и хорошо удобренной почве. Работа по противодействию вступления Украины в этот военно-политический блок теперь уже была развернута по всему фронту, – Артеменко не знал, скорее, чувствовал это по растущей волне активности политиков, чиновников, политологов, академических ученых. То, что его деятельность в Украине вступила в основную фазу, Алексей Сергеевич чувствовал и по соотношению времени пребывания в Киеве и Москве. Время свободного перемещения от одного города к другому завершилось, теперь он надолго закоренился в Киеве.

Доложив своему куратору по оперативному каналу связи о том, что взаимодействие с политической группой Овчаренко налажено, а затребованные финансы получены, Алексей Сергеевич уже на следующее утро через пустой интервал вертикальной разверстки телевизионного сигнала при помощи особой технологии считал новое задание. Его следовало выполнить параллельно с работой по группе Овчаренко. «Ого, – подумал он, – начинается жара». Собственно говоря, задание было прежнее: сделать все возможное и невозможное для срыва военных учений с американцами, которые были избраны в качестве первой крупной информационной атаки на украинско-натовские отношения. Просто делать ему это надо было на двух участках одновременно. Для выполнения нового задания Алексею Сергеевичу и предписывалось связаться с Трегубовой. Но вырвать ее из партийного вертепа оказалось на поверку делом непростым. По телефону утром эта на редкость занятая дама чрезмерно спокойным, манерным голосом ответила, что сегодня она не может встретиться, так как готовит шефа к «очень важной встрече», а вечером это также исключено, поскольку у него прямой эфир на одном из центральных каналов. И она, соответственно, будет готовить патрона, а потом находиться при нем. «Не предупреждена, что ж, попробуем завтра». На следующее утро он опять повторил попытку. И снова наткнулся на синтетический, размеренный голос, как будто человек на другом конце находился под наркозом. Первая половина дня у нее занята, так как шеф готовится к командировке. Алексей Сергеевич проявил мягкую настойчивость, хотя ему уже хотелось рычать в трубку. Ее голос стал еще более холодным, синтетическим. Она просто не знает, придется ли ей лететь с начальником. Но, казалось, вывести ее из равновесия просто нереально. Да она просто издевается! О чем они вообще тут думают! Если сегодня не будет встречи, придется оперативно связываться с Москвой. В два тридцать пополудни Артеменко набрал номер

ее мобильного, уже подготовив несколько едких слов на случай очередного отказа. Но теперь из трубки текла ароматная, персиковая речь. Шеф улетел без нее, ничто не мешает встрече, которая должна произойти непременно в японском ресторанчике. Раздражение Алексея Сергеевича тотчас уменьшилось наполовину. Вот они, женщины, во всей красе своей дикой, неизбывной непредсказуемости!

2

Первая встреча с партнершей прошла настолько легко, что Алексея Сергеевича долго не покидало ощущение, будто он познакомился с новым видом бабочки, театрально грациозной и ослепительно пестрой, пробуждающей интерес как таинственным окрасом, так и сражающей способностью к задорной полемике. Он то и дело ловил себя на мысли, что подпадает под действие ее неукротимых чар, совершенно неправдоподобного обаяния. Алексей Сергеевич отметил про себя отменную подготовленность женщины к столь деликатному и непростому делу. В активе Алины Константиновны были успешные региональные выборы в России, где ей удалось сделать мэром какого-то местного магната. Какое-то время она работала с быстро глупеющими рублевскими женами, слегка позабытыми своими олигархами; для них она весьма успешно организовывала выездные тренинги и семинары в Малайзии и во Флориде. Но затем попробовала такой наркотик как политика. Она прекрасно ориентировалась в нюансах и российской, и украинской политики, и Алексей Сергеевич, непринужденно беседуя, то и дело отмечал, что ее знания в этой области более обширны и глубоки, чем его собственные. Ей нравились политики, которые были предсказуемо расточительны и деловиты. Живя по законам статусной иерархии, эти заложники своих собственных амбиций были безукоризненно послушными и абсолютно предсказуемыми марионетками в ее руках. Она даже высказалась, что все в политике перевернуто с ног на голову; «состоятельные кроты» полагают, будто правят миром, на самом деле они процентов на девяносто механические роботы своего окружения.

О своем боссе она сообщила, что он весьма перспективен, но только для чиновничьей работы. Его интересуют должности в правительстве: министр, вице-премьер-министр и премьер-министр. Как политик он непроходной, пояснила она. Он не умеет говорить, у него нет необходимой харизмы, он не в состоянии нести глобальную чушь с улыбкой на устах. Зато он имеет другие необходимые им качества: он превосходный менеджер, очень быстро въезжает в суть проблем и не боится брать на себя ответственность, а еще на него делают определенные ставки в России. В смысле поддержки его на определенных участках взамен за будущую лояльность. Она считает, что им двоим вполне по силам сыграть короткий гейм по участию ее патрона в срыве военных маневров. Но только ей нужна помощь, потому что военные вопросы, проблемы военной политики – не ее поле. Между собой они стали звать его «Энергетик», с таким же именем он начал проходить и в донесениях Артеменко в Москву.

В новом задании для Алексея Сергеевича принципиально важными оставались три момента. Во-первых, и информационный повод, и избранный телеканал, и даже первичные тексты заявлений являлись творческой частью Алины Константиновны, которая с поразительной легкостью убедила своего патрона в адекватности мероприятий его персоне. Во-вторых, тезисы заявлений, подготовленные вместе с Алиной Константиновной, в перспективе должны стать основой для текста, который он, Алексей Сергеевич, берется опубликовать в крупных общественно-политических изданиях России. Наконец, в-третьих (и в этом, по словам Трегубовой, особо был заинтересован «Энергетик»), Алексей Сергеевич должен попытаться организовать ему неформальную встречу на высоком уровне с уполномоченными представителями Кремля. Алексей Сергеевич шалел от счастья, потому что таким образом возрастал до небес уровень его личного участия в деле. Правда, Артеменко не был осведомлен о деталях существующего уже несколько лет взаимного интереса Кремля и этого довольно влиятельного

политика. Не знал он и того, что именно этот уравновешенный, хваткий и достаточно циничный представитель новой волны украинского истеблишмента порой являлся тем уникальным переговорщиком, который оказывался способным уладить определенные сложности на тернистом пути взаимоотношений России Путина и Украины Кучмы. Но ситуация существенно изменилась, когда Россия Путина столкнулась с Украиной Ющенко. Из взаимной неприязни президентов возникла предубежденность и нетерпимость на каком-то генетическом уровне, и незаметно росла-росла и выросла непреодолимая стена. Вследствие этого на каком-то историческом отрезке времени как раз очевидная симпатия российской верхушки к этому политику резко уменьшила его шансы в самой Украине, по меньшей мере на время, отведенное президентствовать Виктору Ющенко. И потому в России все больше склонялись перевести контакты с ним в неформальный, максимально закамуфлированный формат. Разумеется, речь шла не о какой-нибудь банальной вербовке, а о стратегической поддержке человека, имеющего трезвые взгляды на взаимоотношения двух государств и на распределение ролей между этими государствами на международной арене. Естественно, в пользу России-империи. Политика, который однажды уже побывал в украинском правительстве министром, многие закулисные режиссеры видели даже успешным и лояльным к России украинским премьером. А почему бы и нет?! «Энергетик» искренне не любил НАТО и вообще все западное, вполне правдоподобно готов был и Москву принимать, в том числе в виде директив, настоятельных рекомендаций и имперского покровительства. При этом он был деловит, подтянут, решителен, тверд во всех остальных принципах, трезв и прагматичен. По всем характеристикам он очень даже вписывался в сообщество рыцарей, посвященных в тайны имперского двора. И лишь интуитивно понимая это, Алексей Сергеевич мысленно уже вынашивал сногшибательные планы увесистых докладов своему начальству относительно грациозного претендента на роль героя современных паркетных битв.

Перед ключевой встречей с «Энергетиком» Алексею Сергеевичу пришлось провести тягучий, как горячая смола, вечер с партнершей в майских сумерках уютного киевского ресторанчика «Мураками», выполненного в виде экзотического парохода на берегу Днепра вблизи моста «Метро». Перед поездкой в «Мураками» он несколько часов корпел над увесистым военно-политическим трактатом «Почему Украине не стоит интегрироваться в НАТО» и, обливаясь потом, добросовестно накатал три с половиной листа плотного текста. К окончанию химерической сказки полковник Артеменко был настолько доволен собой, что мог бы сравнить себя с самим Никколо Макиавелли. По меньшей мере, был совершенно уверен, что не подвергнется порицанию за свой труд. Как было условлено, он отправил текст Алине Константиновне по электронной почте. Затем, совмещая плетение завораживающей паутины с изысканным ужином, они должны были вместе довести текстовую часть до удобоваримого продукта для государственного подиума. Конечно, это была задумка взыскательной Алины Константиновны, которая всякий, даже мимолетный жест пыталась довести до совершенства театрального представления.

Пробившись на набережную сквозь густое марево вечерней столичной пробки и достигнув наконец пресловутого заведения для любителей экзотической пищи, – претенциозная Алина Константиновна отказывалась принимать что-либо, кроме пресно-мутных, червеобразных водорослей, – Алексей Сергеевич обнаружил ее в условленном, интимно отгороженном месте уткнувшейся в свой портативный компьютер. Периодически она отстранялась от волшебного помощника, виртуозно хватала палочками свою причудливую, соскобленную с морского дна пищу и опять исчезала в безжизненных глубинах буквенного моря. При его появлении она небрежно кивнула, как старому знакомому, приглашая расположиться рядом. При этом она так неожиданно резво провела рукой по своим волосам, поправляя их, и столь же неожиданно выставила на обозрение свое открытое запястье с тонким кольцом фешенебельного браслета, что Алексей Сергеевич многозначительно подумал: «Ого!» От его беглого

взгляда не ускользнули нежно-белая полоска кожи на ее обнажившейся руке и горделиво вздернутый носик, но он предпочел списать этот жест на невольное проявление комплекса женского нарциссизма. Эдакого вида самолюбования, часто свойственного внешне успешным и внутренне неудовлетворенным одиноким дамам. Он приземлился и заказал несказанно быстро возникшей перед столиком девушке в униформе зеленый чай с жасмином. Расправив плечи, он хотел было уже заняться текстом, как Алина Константиновна выпорхнула из виртуального мира:

– Настоятельно рекомендую попробовать здешние роллы, вот этот набор, – тут она ткнула ухоженным мягким пальчиком с маленьким изящным бледно-лаковым ноготком в быстро распахнутое меню, – это единственное, что тут готовят почти безупречно... Ну почти как в Москве...

Последняя фраза предназначалась, очевидно, официантке. Та, однако, не стащила с лица нудную резину вежливой, улыбчивой маски. Она продолжала демонстрировать показную покорность, кукольно застыв над столиком.

– После такой командирской рекомендации выбора у меня нет, – съязвил Алексей Сергеевич и кивнул в знак согласия девочке.

Полупрозрачное эфирное создание тут же уплыло выполнять заказ. Артеменко не хотелось есть, и уж тем более в его восприятии роллы, суши или еще какие-нибудь японские кулинарные изыски решительно ничем не отличались друг от друга. Но он решил потакать Алине Константиновне. Кто знает, где еще его податливость сыграет свою положительную роль...

– Только мне и привычный инструмент захватите, – бросил он вслед девушке, тоскливо взглянув на деревянные палочки, с которыми виртуозно справлялась его спутница.

– Я научу, – сказала Алина Константиновна, игриво улыбаясь, – это легче, чем создавать тексты для политиков. Хотя в Киеве очень слабо с настоящей японской кухней.

– А почему непременно японская? – спросил он зачем-то в ответ на ее объяснение.

– Они знают толк в этом. Вкусно, сытно и полезно. Обожаю хорошо приготовленные японские блюда, но это редкость. Правда, в Москве побольше значных местечек.

Она произнесла все это со свойственной ей ленивой небрежностью, за которой он уловил не столько брезгливость к тому, что потребляет большинство, сколько патологическую, защитную для закомплексованного сознания тягу к необычному. Ему резануло слух, что она уже дважды противопоставила Москву Киеву. «Хочет казаться неординарной и недоступной, пряча за этим свои проблемы. А я бы вот от украинского борща не отказался вместо этих угрюмых роллов», – подумал Алексей Сергеевич, но вместо этого кивнул понимающе с выпяченной добродушной улыбкой.

– Что, моя работа забракована? – спросил он через некоторое время почти в тон ее замысловатой игре. Она не говорит ему ни «ты», ни «вы», не называет по имени, вероятно, избегая перехода на более близкую орбиту отношений. Что ж, и он будет платить ей той же монетой. Теперь он пожалел, что надел костюм с галстуком, который стягивал и обязывал к излишней деловитости; куда приятнее было бы сидеть здесь в мягком джемпере.

– Нет, мысли изложены профессионально, компетентно, но именно этого и не нужно. Наша задача состоит в такой подаче информации, чтобы серьезные вещи стали понятны даже сельскому жителю полтавской глубинки с образованием в восемь классов средней школы. – Тут она сделала небольшую многозначительную паузу. – Я уже почти завершила выбор того, что войдет в наш материал, – и опять немного помедлила. А затем спросила: – Взглянешь? – Она перешла на «ты» как бы невзначай, так естественно, словно это и предполагалось при их совместной работе.

Придвигаясь ближе к ней, чтобы проникнуть в механический мозг машины, Алексей Сергеевич вдруг попал в облако ее изумительного, слегка дурманящего и вместе с тем парадоксального запаха, заставившего вспомнить, что перед ним не просто соратница и коллега по

работе, но женщина. Очаровательная и, не исключено, воздевающая мужского обожания, и этот запах явственно выдавал ее неумную, неудовлетворенную жажду. Он не удержался и на одно только мгновение заглянул в ее глаза. Синие, как море, они неожиданно для него отражали легкое волнение и неумную тоску раннего одиночества. Он тотчас угадал безнадежную покинутость сугубо социального существа, не находящего покоя в многочисленных меблированных апартаментах, роскошных отелях, стильных офисах... Ему на миг стало жаль ее, признаваемую, востребованную профи, внешне успешную, а на деле охваченную растущим смятением обледеневшей жизни, филигранные рамки которой служат слишком слабым заменителем личного счастья.

Но затем на некоторое время Алексей Сергеевич отключился от реальной жизни, перебазируясь в пространный вакуум невесомости. О реальности ему настойчиво напоминал лишь запах дорогой парфюмерии его собеседницы, ненавязчиво зовущий, влекущий с такой тихой, тайной настойчивостью, что он мимо воли сравнивал его с запахом Али. Оба аромата были приятными, но Алин был тонкий, мягкий и домашний, смешанный с любимым запахом ее тела, струящийся, как горный ручеек, тогда как тут был аромат сильный и всеохватывающий, как море перед штормом, и этим если не пугающий, то настораживающий.

Алексей Сергеевич был поражен: от его длинного текста остались одни ошметки. Он прочитал заголовок: «Почему Украине не нужно вступать в НАТО». Затем следовали обрывки текста.

«1. Украину никто не ждет на Западе. Никто не собирается покупать украинскую продукцию только за то, что Украина станет членом альянса. Находясь в географическом центре Европы, Украина отсечена от экономического взаимодействия с ключевыми государствами региона, и особенно там, где речь идет о высокотехнологической продукции. Ведь НАТО отказалось от Ан-70, хотя его эксперты честно признали, что украинско-российский самолет лучший в мире. На Западе желают иметь Украину как сырьевой придаток, а НАТО является прекрасным механизмом для управления Украиной. Именно поэтому на Западе родилась идея о том, что вступление в ЕС должно обязательно в качестве промежуточного звена включать и членство в НАТО.

2. Согласно ст. 5 устава Североатлантического альянса его члены должны участвовать в коллективной защите интересов НАТО. Но что это означает на деле? Нынешняя геополитическая обстановка такова, что сложно предположить начало новой глобальной войны. Решать проблемы Украины с соседями, например с Румынией, НАТО не поможет – это доказывает опыт многолетней вражды между Турцией и Грецией. Для чего тогда нужно членство? НАТО уже заявило о намерениях защищать интересы блока за пределами его границ. Именно тут и лежит объяснение втягивания Украины в НАТО – так Украина будет вынуждена участвовать в локальных военных конфликтах, там будут гибнуть украинские солдаты. Но самое главное, украинские парни будут умирать за чужие интересы. Как это уже было в Ираке. Украина нужна НАТО только как страна, которая дисциплинированно будет отправлять военные контингенты, чтобы такие государства, как Соединенные Штаты, Британия, Франция, могли реализовывать свои экономические интересы в удаленных регионах мира.

3. Военные кампании с участием стран НАТО показали, что оно остается враждебным блоком. В связи с этим даже в самих государствах альянса отношение к действиям НАТО часто было негативным. А в некоторых странах (например, в Греции) доходило и до демонстраций. Что касается Украины, то сегодня, по разным оценкам социологов, вступление ее в НАТО поддерживают всего лишь 16–19 процентов. Это говорит о том, что средний украинец осознает проблемы вступления в НАТО и не желает этого. Народ невозможно обмануть. И власть должна прислушаться к мнению народа.

4. Вступление в НАТО потребует резкого увеличения военного бюджета, причем расходоваться он будет неравномерно, а обеспечивать именно те составляющие, которые нужны

альянсу. Развития армии не будет! Украина будет вынуждена вкладывать гигантские ресурсы в те сегменты, которые не усилят обороноспособность страны. НАТО запретило Украине производить ракеты, уничтожило некогда крупнейшие в мире производственные мощности.

5. Вступление в НАТО разрушит украинский оборонно-промышленный комплекс. Украинский ОПК способен производить лишь около 4 процентов конечной продукции, тогда как более 700 заводов и научно-промышленных структур заняты производством комплектующих. Эта продукция еще пока поставляется в РФ или напрямую в государства, которые закупают российскую технику. Но Россия не может развивать сотрудничество с государством, которое станет частью недружественного военно-политического блока. После окончательного отказа РФ от взаимодействия украинский ОПК останется без рынков сбыта, а возможности сотрудничества с западными государствами, где давно уже устоялись кооперационные схемы, выглядят призрачной, несбыточной мечтой».

Алексея Сергеевича оторвали от компьютера яства морского происхождения.

– Тут нет и половины того, что я прислал, – отметил он с досадой.

– Не убивайся так. И даже это – черновой вариант, так сказать закладка. На самом деле, часть основной версии в другом окне. Все должно быть коротко и четко. Чтобы Иван Алексеевич прочитал в машине перед эфиром и хорошо помнил, что именно он должен произнести. Я избрала «7 причин», потому что число «7» обладает магическим воздействием на обывателя.

Теперь они вместе погрузились в работу, названную Алиной Константиновной мозговым штурмом. Была уже глубокая ночь, когда насквозь пропитанные запахами соевого соуса, имбиря, безвкусовых, как размоченная солома, морских водорослей да прохладным днепровским ветерком, они рождали словесные формулировки, которыми Алина Константиновна была удовлетворена. Алексей Сергеевич воочию увидел, как появляется на свет магическая суггестия и каким образом она выползает на государственный подиум.

– Читай окончательный вариант и говори, с чем не согласен, – строго велела Алина Константиновна, откинувшись на спинку мягкой лавочки-диванчика. Она была довольна собой, как человек, который только что приобрел дорогую вещь.

Алексей Сергеевич пробежал глазами по-новому оформленные наброски под прежним жирно выделенным названием «Почему Украине не нужно вступать в НАТО. Семь причин». Так же выделены были и сами причины и следующие ниже пояснительные рекомендации.

«Причина первая. Приход в НАТО грозит гибелью сыновьям Украины. Украинские парни будут гибнуть в Ираке, Афганистане и других горячих точках планеты, обеспечивая интересы стран НАТО. Возникает угроза втягивания Украины в войны.

Причина вторая. Приход в НАТО вызовет закрытие оборонных заводов. Украина будет вынуждена закрыть около 700 оборонных предприятий, потеряв более 2 млн рабочих мест. В Украине погибнут высокотехнологические производства, какими являются космическая и самолетостроительная отрасли.

Причина третья. Членство Украины в НАТО угрожает дружбе с Россией. Украина потеряет поддержку России, НАТО разрушит многовековое братство славянских народов.

Причина четвертая. Членство Украины создаст визовую стену с Россией. Будет введен визовый режим с Россией, даже общение родственников окажется затруднительным, а для простых украинцев и россиян – невозможным. Украина превратится в буферную зону, разделительную линию между НАТО и Россией.

Причина пятая. Членство в альянсе истощит Украину, сделает ее обочиной Европы и складом оружия НАТО. Вступление в НАТО потребует резкого увеличения военного бюджета, а покупки иностранного оружия истощат Украину, ее захлестнет волна безработицы.

Причина шестая. Членство Украины в НАТО приведет к расчленению Украины на две части. Часть населения Украины не допустит разрыва отношений с Россией, потому произойдет расчленение Украины на Западную и Восточную.

Причина седьмая. Украинская власть идет против воли народа. Народ Украины не желает идти в НАТО – меньше пятой части населения готовы к присоединению. Власть обязана прислушаться к мнению народа и провести всеукраинский референдум. Пусть народ примет решение о своем будущем!

Пояснительные рекомендации к выступлениям

Интеграция Украины в евроатлантические структуры, на первый взгляд, обоснованна. Ее приверженцы называют главными аргументами реализацию «цивилизационного выбора»

Украины (что предполагает дальнейшее ее развитие как европейского, а не как евроазиатского государства и ориентацию на западную систему ценностей), а также коллективную оборону. Но на поверку оба аргумента являются созданными на Западе и раскрученными мифами. Потому в ответах на вопросы журналистов целесообразно пользоваться следующими рекомендациями.

1. Не стоит полностью отвергать идею евроатлантической интеграции Украины, в том числе и потому, что она является основой нынешнего официального внешнеполитического курса Украины. Гораздо более гибким подходом может быть внедрение тезиса, что **СЕЙЧАС НЕ ПРИШЛО ВРЕМЯ** вступать в НАТО, **СЕЙЧАС УКРАИНЕ НЕОБХОДИМО СТРОИТЬ АРМИЮ И БЕЗОПАСНОСТЬ ДЛЯ СЕБЯ КАК ДЛЯ ВНЕБЛОКОВОГО ГОСУДАРСТВА**. Тогда в будущем для развитой и крепкой Украины, развивающей взаимовыгодное сотрудничество и с государствами Североатлантического альянса, и с Российской Федерацией, выбор будет более понятен. То есть не надо стучаться в дверь НАТО в качестве слабого, если и реализовывать эту идею, то **НА ПРАВАХ РАВНОГО**.

2. Сегодня говорить о вступлении **ПРОСТО НЕРЕАЛЬНО**, так как **НАРОД НЕ ЖЕЛАЕТ ЭТОГО**. Только пятая часть населения Украины готова к присоединению Украины к НАТО и полному членству в военно-политическом блоке. Если мы толкуем о развитии демократии в Украине, то разве не будет преступлением против украинского народа и против самой идеи демократии силой загонять его в натовское ярмо? И если есть необходимость проверить желание народа, можно провести **ВСЕУКРАИНСКИЙ РЕФЕРЕНДУМ**. Тогда все встанет на свои места, а идея вступления в НАТО умрет навсегда. Ведь именно Украина рассматривается как форпост НАТО, бастион, который должен будет выполнять функцию заслона Североатлантического альянса с востока и юго-востока. Самое удивительное то, что нам предлагают строить оборону против наших экономических партнеров – ведь Украина имеет наибольшие торговые обороты вовсе не с государствами НАТО, а с Россией. Если на Западе Украину не ждут, то ее продукцию и технологии с готовностью приобретают Россия, Беларусь, Туркменистан, Казахстан, Иран, Пакистан, Китай».

После прочтения Алексей Сергеевич тоже удовлетворенно откинулся назад, на секунду уставившись куда-то вдаль, в черноту ночи. Он молчал, молчала и Алина Константиновна, вероятно, ожидая его признания хотя бы своих способностей талантливого политтехнолога. О, он скажет ей замечательные слова о невероятном политическом чутье и чувстве своего шефа и, может, еще что-нибудь хорошее. Но за красивым фасадом его слов все равно останется непонимание сути ее устремлений и, главное, чудовищного противоречия ее женской раздвоенности, разделения на чрезвычайно компетентного специалиста и совершенно нереализованную, недоволенную женщину. И в этот момент Алексея Сергеевича вдруг охватила совершенно неуместная мысль о том, как странно, что на судьбу целой Украины сейчас пытаются влиять двое граждан России. Офицер спецслужб, волей судьбы украинец, которого весьма ловко использует система. И женщина, которая не разобралась даже в своей отдельно взятой семье. И таких мелких вспомогательных групп сейчас по Украине десятки. А может быть, сотни – точно он не знает. Имеют ли они моральное право перекраивать контуры этого государства под себя, для собственного удобства?! Неважно... Историю всегда творят конкретные люди! И

он, в конце концов, горд личной причастностью к этому. Но этот штрих к ситуации, пожалуй, символичен или, по меньшей мере, отражает суть игры, затеянной сильными мира сего. Такая странная, неожиданная мысль уютного киевского вечера!

Вероятно, Алина Константиновна уловила призрачность собственного восприятия в глазах своего собеседника. А может быть, просто устала от длительного умственного напряжения. Но только внезапно она предложила выпить за первое совместно реализованное дело.

– Алина, но ведь и ты, и я за рулем, – немало удивившись, Алексей Сергеевич попытался слабо протестовать. Она же артистично уронила свою изящную ручку ему на запястье и уверенно выдала:

– Тут можно – мы же в Киеве, а не в Москве. Тут мы хозяева. Если будет необходимо, мой шеф всю столичную ГАИ построит на Крещатике...

Артеменко обожгло прикосновение, как будто в том месте на его коже затушили сигарету. Алексей Сергеевич невольно бросил короткий, беглый взгляд на ее руку: теперь, под другим углом лак на ее остро заточенных ноготках казался более ярким, с отчетливым перламутровым оттенком. Она и сама была таким же хамелеоном, как и ее лак. Постоянно маскирующимся под местность. Она была и влекущей, и отталкивающей одновременно, и впервые Алексей Сергеевич улавливал такой феномен в женщинах. За кажущейся слабостью пола угадывалось коварство и безграничная сила опасного человека. Но как же ей нравилось принадлежать к клану сильных! Ее это так заводило, как будто компенсировало все остальные желания. У Алексея Сергеевича отвисла челюсть, когда она заказала себе изрядную порцию текилы, весьма популярной в среде киевской богемы. Он позволил себе сухого вина, половину которого оставил в бокале.

– Что ж, завтра в восемь утра ты у нас – Иван Алексеевич приезжает рано, и я по опыту работы с ним знаю, что это лучшее время для аудиенции.

Эту фразу она бросила ему на прощание с видом непринужденной ленивой небрежности. Так прощается львица, уходя на охоту. Прижалась щекой к его начавшей зарастать вечерней щетиной скуле, и он опять ощутил, как царственное женское обаяние возмутительно проникает в него, производя переворот в бессознательном. Когда она исполнила этот сомнительный жест – симбиоз нежности и дружеской фамильярности, – а затем, сев в свой необузданно скоростной БМВ, умчалась со всей стремительностью, у Алексея Сергеевича сжалось сердце от смутной вины за ее рваную, как клочья бумаги, жизнь. Хотя, конечно, он знал, что ни в чем не виноват.

Алексей Сергеевич внезапно вспомнил, что когда-то в детстве он из жалости притащил домой маленького, слепого на один глаз, котенка. Отец посмотрел на него косо и сурово, но промолчал. Мать же не возражала, когда он устроил животному примитивное жилище в кладовке. Весь следующий день он не отходил от котенка, и животное тянулось к мальчику изо всех сил, как будто он стал единственной нитью к выживанию в этом мире, перед которым он испытывал неумный страх. Искалеченное существо вызывало у него жгучую смесь искренней жалости и невротического тщеславия мнимого спасителя. Еще через день любовь к котенку стала остывать, у самого же животного, напротив, выросла до фантастических форм, превратившись в уродливый фанатизм. И уже к вечеру третьего дня маленький Леша твердо решил избавиться от навязчивого, неприятно назойливого друга. Но тут уже вмешалась мама, сказав фразу, врезающуюся на всю жизнь: «Запомни, Леша, мы всегда будем в ответе за тех, кого приручили». Мама помогла ему пристроить котенка на школьный двор неподалеку, туда, где обитало какое-то кошачье семейство. Но слепого котенка он не забыл...

Степенно сядя в машину, Алексей Сергеевич бросил прощальный взгляд на Днепр – сияние черной воды, покрывшейся от ночного ветерка мелкой рябью, в лунном свете было божественным, естественным и совершенным. Вот она, вековая сила, надменная и неподражаемая энергия вечно текущей в своем неразгаданном ритме реки. И ночная тишь величе-

ственно спокойного русла показалась ему насмешкой над тем вздором, мелким абсурдом, которым были заняты они, люди...

3

С утра, как это всегда бывает, восприятие картины мира у Алексея Сергеевича полностью изменилось; опять вернулись оттенки вечной суеты, неистребимой торопливости и толкотни.

В начале девятого утра в приемной Ивана Алексеевича уже было несколько солидных мужчин в дорогих костюмах. Они походили на нахохлившихся птиц, а хмурые, скульптурно напыщенные лица и пухлые папки в руках придавали посетителям невиданную важность. Если они решают судьбы мира, то им, верно, позволено оставаться столь картинно надменными... Но невозмутимая и пластичная с утра, перемещающаяся в коридорах власти плавающей походкой примадонны Алина Константиновна быстро убедила его в том, что выдающиеся мужи в ранней приемной – всего лишь необходимая для общего дела декорация. Она, кажется, имела в приемной неоспоримый приоритет. Потому вошли они тотчас после того, как из кабинета в темпе спринтера выскочил маленького роста человечек со всем набором бросающихся в глаза недостатков стареющего управленца – тучный, лысый, с потным, одутловатым, покрасневшим от неприятного утреннего напряжения лицом. Перед заходом в приемную Алина Константиновна вручила Артеменко серую папку с распечатанным экземпляром уже оформленной вчерашней работы. На ее ухоженное лицо была аккуратно навешена рекламная улыбка, за которой стояла непроницаемая завеса ее плотно закрывшейся души.

Когда они оказались в просторном кабинете, навстречу из-за большого стола, чуть ли не во всю ширину помещения, к ним вышел живой, жилистый мужчина с короткими, волнистыми, наполовину седыми, зачесанными назад волосами и твердым уверенным взглядом, в котором Алексей Сергеевич прочитал невообразимое упорство. Такое он видел в глазах неумолимых ковбоев, объезжающих на экране первых вестернов только что отловленных мустангов. Одет «Энергетик» был, на первый взгляд, без особого лоска, но все в нем было настолько пригнано, прилизано и безупречно, что у Алексея Сергеевича уже в следующее мгновение возникла ассоциация с князем, которого по утрам человек шесть одевают, причесывают, приглаживают, работают над стилем, подбором цветов, блеском туфель. Ну не может человек сам так обходиться, чтобы ни морщинки на одежде, ни лишней складочки! Один уже внешний вид этого человека убивал всякое сомнение в том, что тут повсюду работают профессионалы – ремесленникам рядом с таким не место. Одним словом, это был искусно ограненный бриллиант, но блеск его не выпячивался, он был совершенно скрыт от наблюдателя, как бывает у богатых аристократов. Вместо должной неприязни к этому человеку у Артеменко возникла неожиданная симпатия.

Но больше всего Алексея Сергеевича поразило, что вся встреча заняла не более пяти минут и все вопросы оказались решены. Разговор начала Алина Константиновна.

– Иван Алексеевич, в папке – подготовленные нами тезисы выступления по поводу будущих военных учений НАТО «Си Бриз». – При этих словах он приоткрыл папку и очень быстро пробежал глазами первые несколько строк, затем ответил спокойным, четким и сухим басом, глядя ей прямо в глаза:

– Хорошо, я посмотрю это в машине, если возникнут вопросы, наберу вас. Что еще?

– Следующий вопрос – публикации по этой тематике в российских СМИ. Они будут перекликаться с заявлением на украинском телевидении. Интервью с вами, авторский материал и несколько информационных сообщений для агентств. Организует это наш коллега из московского фонда, – и Алина Константиновна при этих словах едва уловимым жестом указала на него. Сам Алексей Сергеевич также счел необходимым подтвердить сказанное легким кивком головы.

– В этой папке, – при этом Алина Константиновна приподнялась со стула и передала патрону вторую папку, с виду точь-в-точь такую же, как и первая, – ориентировочный бюджет мероприятий и предварительные даты публикаций. Они должны появиться накануне вашего визита в Москву.

«Энергетик» с внимательным прищуром посмотрел на цифры и даты, заглянул в какую-то другую папку, вероятно, сверяя числа иных, уже запланированных мероприятий, и наконец обратил взор к посетителям. Алексей Сергеевич знал, что там указаны довольно круглые суммы с явным превышением реальных гонораров тех, кто возьмется за подготовку и пристраивание материалов. Но на волевом лице Ивана Алексеевича не дрогнул ни один мускул. Он молча взял со стола паркер, и золотое перо размашисто, с удалым скрипом прошлось по отбитым принтером цифрам.

– Зайдете к Олегу Семеновичу, он обеспечит решение финансовых вопросов, – и с этими словами он вернул папку со своей роскошной подписью Алине Константиновне. Она опять приподнялась, чтобы забрать папку, положенную на край стола, и Алексей Сергеевич, скользнув взглядом по ее отнюдь не величественной в этот момент позе, едва заметно ухмыльнулся. Вот так собачкам раздаются косточки! Видели бы ее те, кто с автобусных остановок взирает на развязную королеву, перемещающуюся по киевским улицам на отменном, натертом горячим воском БМВ! Или те, кто пытается заглянуть в окна ее дорогой квартиры в престижном районе Москвы. Впрочем, все мы, когда зарабатываем на жизнь, забываем, как выглядим. И все-таки она в фаворе, эта непостижимая, многомерная Алина.

– Алексей Сергеевич, – его оторвал от возникшего впечатления голос Ивана Алексеевича, – вы можете назвать издания, куда планируете разместить материалы?

– Да, конечно. – И Алексей Сергеевич перечислил названия газет и агентств, упоминая и перестраховочные варианты на случай форс-мажоров. Хотя знал почти наверняка, что это лишнее. Последние несколько лет все средства массовой информации в России были схожи на военные части: получали указания, ретиво их исполняли, резво докладывали о проделанной работе. Период тихой и жесткой расправы с сомневающимися гордецами четвертой власти был уже далеко позади. Собственно, четвертая власть стала вышколенным подразделением первой, несогласных уже давно уничтожили или выбили из обоймы.

– Хорошо, – подводя итоги, медленно произнес Иван Алексеевич, расклад его устраивал.

– И самое главное, – подытожила Алина Константиновна, – дата вашей поездки, под которую и будут готовиться публикации. Она должна определиться принимающей стороной со дня на день.

Алексей Сергеевич опять посчитал необходимым вмешаться в разговор и объяснить ситуацию.

– Иван Алексеевич, мы предлагаем вам такой вариант решения задачи: сегодня ваше мнение о неформальном визите и перечень поднимаемых вами вопросов будут доведены до сведения Модеста Игнатьевича Никонорова. Я полагаю, что уже к концу этой недели через Алину Константиновну мы сможем согласовать предельно четкий график встреч. Ориентировочно, на вторую половину следующей недели, при необходимости можно уложиться в один день.

– Непременно в один день, – подхватил тот решительно. И затем, обратившись уже к Алине Константиновне, поспешно добавил: – После утверждения даты сообщите мне тотчас и закажите билеты, – тут складки у его рта импульсивно сжались, его уравновешенность корректно сдерживала с консервативным цветом костюма, прической и даже почти совершенно пустым рабочим столом. Было абсолютно невозможно даже представить себе, чтобы этот человек мог повысить голос или передвигаться в спешке, размахивая руками. После этих слов он спокойно встал, давая понять, что разговор окончен, и Алексей Сергеевич подумал, что этот человек либо определенно имеет русские дворянские корни, либо очень старательно копирует тех вели-

короссийских держателей акций власти, которые сегодня заправляют страной. Уж очень он походит на них...

Уже через четверть часа после встречи Алексей Сергеевич прямо из машины, где он включил свой ноутбук, быстро набрал три абзаца срочного донесения, запаролил текст, упаковал его при помощи специальной компьютерной программы в фотографию и, настроив мобильный телефон, отправил информацию в Москву. Он знал, что не позже чем через час-полтора страница текста, возможно дополненная комментариями его руководства, окажется на столе у Лимаревского. А у того есть доступ к Модесту Игнатьевичу – всесильному координационному центру по корректировке жизни Украины. Тщательно создаваемое в течение последнего года колесо теперь заработало с невероятной, необратимой силой, и уж, кажется, ничто не могло остановить инерцию неудержимой воли тех людей, что взялись повернуть Украину в евроазиатское русло.

Глава третья

(Москва, июнь 2006 года)

1

Едва Алексей Сергеевич оказался в по-летнему шумном и изрядно пропотевшем зале аэропорта Шереметьево, как тут же был безнадежно затоплен приторным, расплывающимся невидимой облачностью телесным теплом. Возникло непреодолимое желание воспользоваться ладонью в качестве веера, но тут его внимание перехватил приглушенный звонок мобильного.

– С прибытием на родную землю, – услышал он радостно приподнятый голос вездесущего Виктора Евгеньевича, – есть необходимость срочно встретиться. Причем еще до того, как поедете домой. На выезде из аэропорта будет стоять «ауди» черного цвета с мигающей аварийкой, две первые цифры номера «24». Подъедете и с портфелем садитесь в нее, я буду за рулем, чтобы мы могли переговорить в дороге, а мой водитель поведет вашу машину.

Алексей Сергеевич тотчас набрал номер жены и сообщил, что он благополучно приземлился, но его перехватили по важному делу и придется заехать на работу. Аля восприняла эту информацию с обыкновенным спокойствием, она давно привыкла к извилистым поворотам профессии своего мужа. «С тобой все в порядке?» – она пыталась уловить оттенки его настроения, чтобы понять, не произошло ли чего-либо серьезного. «Абсолютно, – ответил он, стараясь придать своему тону веселость, – только по тебе очень соскучился». – «Производственные нюансы?» – лаконично уточнила жена. «Именно». – «Ужин при свечах с бутылочкой красного?» – предложение обдало Алексея Сергеевича телепатической волной ее извечного, не без оттенка вождения, озорства. «Конечно!»

Артеменко улыбнулся: как же она понимает оттенки его жизни. Они давно привыкли говорить коротко, отменно понимая друг друга по намекам, полусловам, полутонам. Давно научились жить, не отбрасывая теней. Он был безумно благодарен жене за то, что когда в проеме двери появлялся он, то жена позволяла ему заслонять все остальное, в том числе и саму себя. И это было искренне. Предвкушение близкого счастья в один миг наполнило его neodolimым умилением.

Через двадцать минут Алексей Сергеевич пожимал слегка влажную и неприятно липкую руку Виктора Евгеньевича в его служебной машине. Служебные автомобили менялись с непредсказуемой последовательностью, потому запоминать их не было никакого смысла. Как и квартиры, на которых они встречались. Артеменко лишь отметил про себя, что полная нижняя губа его координатора по-детски блестела от частого соприкосновения с языком, и эта последняя деталь – он отлично знал это – предвещала хорошие новости.

– Кажется, все удалось. Настроение наверху, как в Майами. – Виктор Евгеньевич выпускал фразы, как мыльные пузыри, сопровождая их солнечной улыбкой неконфликтного человека. – Но волновались. Не скрою, волновались. Даже переживали. А сейчас нам надо срочно к генералу, времени в обрез.

– Ваши знакомые безупречно организовали блокирование Феодосийского порта, и то, что они не дали вывести на полигоны технику для учений, о чем раструбили по всему свету, очень активно использовали наши лидеры для прямого давления на упрямых «оранжевых» соседей. Двухдневная акция протеста – это уровень. Толково! Даже западные газеты написали, что жители Крыма и южных регионов Украины выступили категорически против вступления Украины в НАТО. По сравнению с этим «ошибочная» в кавычках высадка наших морских пехотинцев в курортной зоне кажется мелкой шалостью, проверкой нервного напряжения... В общем, первая серьезная работа получила твердый зачет.

Виктор Евгеньевич, как всякий руководитель, любил монологи. Последней фразой своей тирады как бы подвел черту, и Артеменко было видно, как он светится от радости. Киевская командировка подчиненного удалась. Алексей Сергеевич искоса посматривал на спутника: тот развалился на сидении с видом небожителя, легко и плавно отрывая взгляд от дороги, чтобы оценить впечатление от сказанного. «Ну и чудак, все в нем прямолинейно и выстроено по-военному. Ни иронии нет, ни юмора, только фиксация, анализ и сопоставление. Скучотища!» Но затем добавил самому себе: «А ты тоже не расслабляйся, на Большую землю прибыл! Здесь, а не там, где ты работал, могут быть настоящие подвохи и подсечки».

– Трудно ли было уговорить Дугова? – спросил Артеменко больше для поддержания живого разговора, нежели в самом деле сомневаясь в возможностях ведомства. Он ведь и сам прекрасно знал: эти ловкачи самого черта в сети загонят, не то что какого-то там общественного деятеля. А может, даже и не просто общественного деятеля...

Куратор, все еще несколько возбужденный, принялся объяснять механизм взаимодействия.

Подключение к процессу международного «Евразийского движения», конечно же, являлось частью общего плана. А пресс-конференция в РИА «Новости» – тоже хорошая работа, потому что в таких делах крайне важно четко уловить момент.

– Чего только стоит его эмоциональное заявление о том, что «великая война континентов входит в решающую фазу, и линия фронта в борьбе между евразийцами и атлантистами проходит на территории Украины»! Это впервые прозвучало солидно, многопланово, я бы сказал. И эту фразу моментально подхватили и украинские средства массовой информации, как будто им самим заказали поработать на нас. Отныне тема возможного раскола Украины, как серная кислота, начала разъедать им мозги.

Артеменко едва заметно улыбался; это по его инициативе из Киева возникали вспышки информационных молний в Москве. И он был горд, что мог, подобно мифическому Зевсу, посылать на безоблачное информационное небо энергичные огненные стрелы.

– Просто в таких случаях ситуация выходит из-под контроля, когда уже правильно создан информационный повод, СМИ хватаются за жареные заявления – они не могут, просто не имеют права их пропустить, – пространно объяснил Алексей Сергеевич. А про себя отметил, что куратор его вопрос о Дугове все-таки пропустил мимо ушей. Кто он, этот Дугов, так виртуозно подыгравший из России по срыву учений? Офицер спецслужб или просто осмотрительный человек, который слишком хорошо помнит, как обходятся с непокладистыми парнями типа Ходорковского? Кто не с нами, тот против нас! Этот фактор на Большой земле работает безупречно. А впрочем, какая разница, лишь бы дело свое знал. Полковник Круг тем временем пытался удерживать своего подопечного в рамках обсуждаемого вопроса, который, как сразу понял Алексей Сергеевич, будет напрямую связан с будущей встречей с генералом.

– Что мне нравится, так это восприятие наших спикеров братьями-украинцами: у них, по-моему, уже все смешалось в головах, официальное лицо или сторонний наблюдатель говорит. Мы становимся монолитом – единая политика, единый взгляд на вещи, единая идеология у вождей и у народа.

«А хорошо ли это? – Алексей Сергеевич привык разговаривать со своим глубинным голосом, который всегда оказывался более скептическим, более занудливым, чем поверхностный, всплывающий вместе с эмоциями. – Ведь так уже было. Путинский призыв только поначалу казался забавным... Вспомни, дорогой триумфатор, хотя бы «1984» Оруэлла. Как бы до такого не докатились». «Да нет, все будет в порядке, по меньшей мере, полковнику ГРУ чего волноваться? Не так-то просто до него дотянуться», – отмахнулся обладатель внешнего, сильного голоса, того, что был ближе к поверхности реальности.

– А как оценивается выступление других политических сил в Крыму?

– Остальные партии, по-моему, тоже здорово отработали, и особенно приятно, что некоторых даже просить не пришлось. И это очень радует, потому что подтверждает: мы на правильном пути. Не все хотят этого НАТО! Там, кажется, даже бывший генпрокурор Украины отличился. Работал не хуже оплаченных партийцев. И еще какой-то политический молодняк засветился – его, кстати, надо досконально изучить, может, на кого опереться в будущем можно будет. И естественно, коммунисты, с которыми мы не работали. Вот достойная восхищения партийная дисциплина, помноженная на наследственный ген КПСС. Я вам доложу, что намерение украинских партий сплотиться для создания так называемых «территорий без НАТО» выросло до очень перспективной идеи. У нас ее считают началом большого конца хохляцкого плана вступления в НАТО. Алексей Сергеевич, еще один сугубо наш вопрос: как вы оцениваете контрразведывательный режим на Украине?

– Если честно, то они там все настолько друг другом заняты, что им не до иностранцев. Более того, силовой сектор все больше политизируется, профессионалы постепенно вымываются или вымирают, как динозавры. Поэтому мне никто не мешал, тьфу-тьфу.

Алексей Сергеевич с напускной суеверностью постучал костяшкой по пластиковой панели машины.

По дороге они успели обсудить многие детали проведенной операции, Круг дотошно повествовал о настроениях в Москве, разжевывал потенциальные вопросы руководства, ориентировал по общим событиям в ведомстве. Он еще раз с пафосом подчеркнул, что срыв в Украине военных учений «Си Бриз-2006» и «Тугой Узел-2006» оценено высшим баллом, и полковник Артеменко, как один из непосредственных участников активного действия, достоин благодарности руководства. Особенно, по словам Виктора Евгеньевича, людям наверху понравилась синхронизация действий некоторых украинских политических сил, ряда медийных и экспертных структур. Даже далекие от спецслужб люди теперь усматривают начало масштабного наступления на Украину.

Через полтора часа они уже сидели в другой, неизвестной Алексею Сергеевичу квартире в ожидании приезда Бороды, как за глаза беззлобно величали Анатолия Всеволодовича. Генерал предпочитал как можно чаще менять явочные квартиры для встреч, демонстрируя подчиненным завидный, еще советский уровень конспиративности. На этот раз квартира была абсолютно вылизана, но блеск натертой мебели нес тот пугающий оттенок ненатурального, неестественного, который еще больше близок к безжизненности, чем тонкий слой пыли. Встреча с генералом являлась событием неординарным, и за прошедший год Алексей Сергеевич не виделся с ним ни разу, получая указания исключительно от Виктора Евгеньевича.

Наконец, еще через полчаса после их прибытия появился и генерал. На этот раз он был без провожатого, и Виктор Евгеньевич после короткого телефонного звонка вышел, чтобы встретить высокого начальника. Непосредственный куратор суетливо включил телевизор, плотно затворил приоткрытое прежде окно, услужливо пододвинул кресло под садящегося босса.

– Что ж, Алексей Сергеевич, могу вас поздравить – проведенной операцией довольны на самом верху. Филигранно. Соответственно, мне приятно лично сообщить вам, что мы высоко оцениваем ваш персональный вклад в это важное для государства дело. Разумеется, вы работали на этом участке не в одиночестве, и я думаю, вы и сами ощущали незримое присутствие наших коллег, но это ничуть не умаляет ваши заслуги. Штормовое предупреждение Западу удалось.

Анатолий Всеволодович говорил с привычной военной отрывистостью и торжественностью, точно любовался собой со стороны. Его родинка при этом опять качалась, как неловко пришитая пуговица. Артеменко старался не замечать ее, но не мог, ибо она являлась единственным если не изъяном, то явно грубым несоответствием его внешне благородному, дворянскому лицу. Выражение этого лица почти всегда оставалось невозмутимым, и даже глаза

не отражали сказанного и казались стеклянными, матовыми, рыбьими. Полковник отметил, что за год Лимаревский ничуть не изменился, на его холеном, исполненном спокойствия лице не прибавилось ни единой морщинки. А ведь умеет себя подать, почему-то мелькнуло у Артеменко в голове. Порой то, что произносил генерал, можно было принять за фонограмму, которую он не слишком старательно озвучивал. И даже его въедливое «филигранно» звучало, как застрявшая в прежней эпохе пластинка. В какой-то момент Алексей Сергеевич почувствовал, что дело вовсе не в его поощрении за выполненные задачи, а в постановке новых ориентиров для работы. Все ведь только началось, и увеличение темпов – лишь дело времени. И он не ошибся.

– Что касается «Энергетика»... М-м-м... Задание исполнено филигранно, его резкие заявления усилили стихийный протест украинцев против западного нашествия. Они, как вы сами видели, пристойно разошлись по газетам и были подхвачены и у нас, и на Украине. У него с вашей подачи уже были довольно результативные с точки зрения дальнейших перспектив встречи с рядом людей из Кремля. Но в целом это направление будут вести... м-м-м... другие люди, – тут Анатолий Всеволодович помедлил и легонько коснулся указательным пальцем скулы в том месте, где оканчивалась граница его академической поросли, – ...и другое ведомство. В тех случаях, когда будет возникать необходимость, нас будут привлекать. Поэтому... м-м-м... без надобности с Алиной встречаться не надо, чтобы лишний раз там не светиться.

– Ясно, – коротко ответил Алексей Сергеевич, для себя решив, что Трегубова все-таки не офицер спецслужб, да и не особо ценный агент, как он подозревал. Просто виртуозно используется вслепую. Глупышка, запутавшаяся в сетях собственных проблем. Она даже не подозревает, как жонглируют такими пешками в большой игре...

– Теперь что касается будущих задач. За нами остаются военные, военно-технические и некоторые, м-м-м... военно-исторические вопросы. В этих областях должно проявиться наше максимально возможное информационное давление. Мы должны безотлагательно начать бомбардировку украинской территории всеми возможными по этим вопросам угрозами, информационными диверсиями, провокациями, дезинформацией и так далее. Тут необходимо и абсолютное знание предмета, и творческий полет. Креативность, как говорят капиталисты. То есть от вас требуется не только ожидать указаний Центра, но и забрасывать нас инициативами. С деталями и наработками вас ознакомит Виктор Евгеньевич.

Генерал Лимаревский сделал многозначительную паузу. Алексей Сергеевич еще во время первой встречи заметил, что он старательно избегает мимики и вообще любых паралингвистических сигналов. Словно боится, – как недалекие, проинструктированные артистки шоу-бизнеса бояться хитростей вездесущих папарацци. Его собеседникам часто казалось, что лицо этого человека настолько отражало профессию отсутствием чувств и эмоций, что этим даже и выдавало его принадлежность к спецслужбам. Ибо внешне оно казалось артистичным и элегантным, тогда как в действительности застывшая маска противоречила тому, что он пытался донести до слушателя. Гнев, удивление, страдание, радость, казалось, были ему чужды. Алексей Сергеевич сидел с учтивой неподвижностью, старательно впившись в него замороженным взглядом и стараясь не пропустить ни слова. Точно так же, подобно введенному гипнозом в транс, сидел и Виктор Евгеньевич, отменно владевший редким для любого собеседника искусством застывать и сливаться с обстановкой до полной неприметности. Они уже научились опознавать степень важности сообщений Лимаревского почти исключительно по паузам.

– И наконец, самое главное. Задача, как и раньше, состоит в поиске адекватных противодействующих сил внутри самой Украины. Все, что мы должны сделать на Украине, мы должны сделать руками самих украинцев. Наша задача – хорошо играть на струнах их амбиций, использовании противоречий и внутренних конфликтов. Не влезать лично ни в какие авантюры... Только стоять в тени, наблюдать и тихо, незаметно корректировать ситуацию. Если надо, подбрасывать новую кость. Сегодня необходима молодая, рвущаяся в бой кровь. Рас-

смаатривайте не только тех, кто сегодня на слуху. Активно берите в разработку и политиков третьего эшелона, чиновников среднего уровня, представителей так называемой богемы, узнаваемой массами. Всех тех, к чьему мнению прислушиваются. Лидеры мнений. Или агенты влияния. Неважно, как мы их назовем, главное, чтобы у них зашкаливало личное тщеславие, желание блистать. Пусть они сегодня еще кричат вхолостую, завтра уже будет адекватный уровень воздействия. Ресурсов и обещаний можно не жалеть. Необходимо, чтобы вы начали вплотную работать с теми, с кем уже действовали эпизодически. Нужно ускорить все эти процессы. Время уже не работает на нас, поезд набрал ход. Вы готовы действовать с предельной активностью?

– Я готов, – коротко и ответственно заверил Алексей Сергеевич.

– Хорошо, – удовлетворенно выдохнул генерал. – Что вы думаете о перспективах работы с Кулиничем и Обозовым? Ведь они оба выходцы из военной среды? Я ознакомился с вашими донесениями, там, по-моему, есть рациональные зерна. Но никто, кроме вас, не определит точно, стремятся ли они любым путем выбраться на олимп украинской политики, готовы и способны говорить перед большой аудиторией, признают ли идеологически российский вектор украинской политики основным?

Для придания ответу волнующей торжественности – Артеменко знал, что генерал любит пышные обрамления любым своим действиям, – он нарочито довольно громко прочистил горло. Пусть Лимаревский думает, что пред ним трепещут, ведь разве не для этого он лично встречается для постановки задач, заслушивает доклады, поддерживает апломб важной персоны...

– Действительно, они оба бывшие офицеры, и это в некотором роде облегчает диалог. Оба – депутаты Верховной Рады от разных политических сил. С ними, на мой взгляд, можно и нужно работать, но по-разному. Кулинич играет роль военного интеллигента, даже эстета в некотором роде. Хотя многих, порой элементарных вопросов оборонного характера не понимает. Он очень амбициозен и даже при своей оторванности от жизни способен пойти на многое – ради политической идентификации и признания в своей политической среде. Обозов – тип посложнее, я имею в виду в плане использования. Он откровенно туп, ориентирован на грубую силу, скандалы и потасовки. Слабо управляем. Пытается объединить усилия обиженного офицерства, прежде всего советского, которое в первые годы украинской независимости перешло в категорию пенсионеров. Обозов откровенно выслуживается перед своими партийными лидерами и потому самостоятельным вряд ли когда-нибудь станет. Кроме того, он настолько не деликатен и нечистоплотен, что, боюсь, сам себя сожжет. Но зато использовать его вслепую – при определенно складывающихся обстоятельствах – чрезвычайно выгодно.

Лимаревский слушал внимательно, с напряженным прищуром глаз; чувствовалось, что он придает значение деталям. Он дал выговориться, затем перешел к уточняющим вопросам.

– Какова ваша точка зрения относительно прямой вербовки? Ведь порой чем больше пороков, тем краше результат.

Проверяет позиции. Не доверяет. Уверен, что недорабатываю в Киеве. Пока импульсы взрывались в голове Артеменко, он активно искал аргументы против вербовки.

– Если откровенно, то ставку на долгосрочное использование Обозова пока считаю нецелесообразной. Слишком уж он импульсивен и непредсказуем. На мой взгляд, тут стоит остановиться на эпизодическом совпадении интересов. Что касается Кулинич, его следует протестировать. Он весьма осторожен, но, как кажется, склонен к самостоятельности в будущем. Он готов активно работать в парламенте, изобличать, обвинять, выдвигать парадоксальные решения, программы и так далее. Готов рисковать, если есть за что. Обозов, наоборот, совершенно зависим от лидера, старается набрать баллы за счет собачьей преданности и готовности совершить любую диверсию. Для Кулинич, главная цель – выход в большую политику, Обозов, по-моему, интересуется по большей части набиванием карманов.

– Семьи, пристрастия, отклонения...

– Тут у них все выглядит пристойно... Хотя я еще работаю в этом направлении...

Лимаревский неожиданно перебил его, произнеся назидательную фразу с акцентом едва ли не на каждом слове:

– У всякого человека есть точки, на которые можно нажать. Людей безупречных нет в природе, и этим всегда питались разведки. Все мы грешны, так что копайте лучше и глубже. Кто-то пьет, кто-то любит женщин, кто-то не может устоять перед деньгами, кто-то чрезмерно тщеславен, кто-то слишком любит своих чад... И так далее... Вы ведь все это знаете, это надо выискивать, как на прииске. Выискивать, и потом ювелирно, филигранно обрабатывать!

– Сделаю все, что в моих силах, – только и нашелся ответить Алексей Сергеевич. Он ничуть не оскорбился, ибо знал, что в чем-то Лимаревский прав. Тем более что третье «филигранно» означало, что финиш беседы совсем близок.

Присутствие генерала делало атмосферу душной, это было видно и по напрягшемуся лицу куратора. Сам же он смотрел на начальника как на признанного профессионала и все-таки размышлял, что если нужен результат, то разве так уж важно, каким путем он будет достигнут. Артеменко оставался яростным противником вербовки, хотя именно вербовка открывала широкие горизонты там, в Украине, и несла признание среди коллег. Но нельзя делать вербовку ради вербовки, и если необходимого результата можно достичь иными, пусть упрощенными средствами, лучше не рисковать делом. Так он всегда убеждал себя, но в глубине души уже хорошо знал, что дело совсем в ином. Вербовка – это создание врага, его лепка, взращивание. Это особое документирование, которое будет сберегаться в сейфах десятки лет. А он просто не хочет нести грех за откровенный вред земле, которая все же является его родиной. Пока, не раз уговаривал себя Артеменко, он действует строго в рамках убеждений, будучи уверенным, что такой путь для Украины лучше, гармоничнее. Лимаревский же – и в этом Алексей Сергеевич был уверен на все сто – в силу своего профессионализма, получив задачу работать по Украине, изначально видел в ней стан врага, злодейское королевство, против которого следует вести непримиримую борьбу на всех фронтах. И которое следует покорить, покарав отступников.

Лимаревский остановил на нем долгий оценивающий взгляд, и Алексею Сергеевичу стало немного не по себе от этого пронизывающего, рентгеновского изучения. Появилось ощущение, как будто его вывернули наизнанку. Может, этот человек маг, экстрасенс и чувствует все, что у него происходит в душе? Наконец Лимаревский заговорил тягучим голосом:

– Что ж, вы находитесь непосредственно вблизи объектов, вам и карты в руки. Больше узнавайте их в неформальной обстановке, выявляйте болевые точки, на которые можно было бы нажать. Больше выписывайте, – то, что вы передаете, подвергается всестороннему анализу, и многих методов воздействия или наших специфических возможностей вы можете не принимать во внимание или просто не знать. Помните, что за вашей спиной исполинская сила, которая тотчас придет на помощь. Мы готовимся совершить ментальную атаку на мозг, но направить нашу силу можете только вы! Главное для нас – результат, и говорящие головы в украинском парламенте нам очень скоро понадобятся, впереди жаркая пора и много нелегких сражений. Желаю успехов.

После этих слов, сказанных сухо и компетентно, Анатолий Всеволодович неожиданно встал, и Алексей Сергеевич с Виктором Евгеньевичем тотчас поднялись. Было совершено короткое, как замыкание, рукопожатие. Глубокий и не слишком добрый взгляд. Затем генерал, кивнув Виктору Евгеньевичу, вышел. Виктор Евгеньевич посеменил следом с видом преданного служебного пса, тогда как Алексей Сергеевич остался стоять посреди комнаты с осадком в душе чего-то жуткого, что хочется запить, как застрявший в горле кусок.

Когда Круг вернулся, они еще около часа толковали о предстоящих задачах на будущие месяцы. В течение недели Артеменко предстояло детально ознакомиться с собранным и обобщенным анализом по нескольким направлениям. Во-первых, с реальными нуждами России в

украинских оборонных производствах с целью очередной, еще более детальной инвентаризации проектов и тех мест, где украинские предприятия можно было бы отсечь. Во-вторых, четко определить оперативные потребности самой Украины в российских комплектующих – как для обеспечения собственной обороноспособности, так и для торговли оружием с третьими странами. Ему также предписывалось детально ознакомиться с разработанными совершенно секретными сценариями включения в игру военной силы – для усмирения европейского пыла в головах. Задача касалась пока сугубо информационного фронта – подготовиться к бомбардировке сериями публикаций с целью давления на норовистый Киев. Круг предупредил Алексея Сергеевича: кое-что может пригодиться и для будущих книг, проработкой написания которых уже занялся главный офис страны. Виктор Евгеньевич объяснил ему, что сейчас готовится и в течение будущих семидесяти месяцев должна быть реализована жесткая информационная кампания с включением всех возможных рычагов – интернет-изданий, печатных газет, журналов, радиопередач, телевизионных шоу, конференций, научных симпозиумов, круглых столов, книг... И все с одной целью: соседей надо убедить отказаться от НАТО, этого черного монстра в развевающемся плаще, который медленно надвигается с Запада с протянутыми к горлу России крючковатыми, когтистыми лапами. И лично он, полковник Артеменко, становится одним из действенных механизмов этой совершенной, суперсовременной войны за кулисами, понятной только очень немногим наблюдателям. Народы будут жить и работать, как прежде, люди будут встречаться, влюбляться, рожать детей и умирать, не подозревая, что в глухой темени идет настоящая бойня не на живот, а на смерть, борьба за судьбу сорокасеми-миллионной нации. Только после ознакомления с задачами Артеменко оценил точность сочной генеральской формулировки «ментальная атака на мозг», а вместе с нею и смысл своей личной вовлеченности в проект.

– Лимаревский, как и многие люди в Кремле, считает, что следующие год-два должны определить будущее Украины на ближайшие двадцать-сорок лет. А значит, и будущее России как новой империи. Сейчас везде, где только можно, слышен лозунг: «Вместо «Будьмо!» хохлы должны кричать «Путьмо!»» Можете себе представить, какие ставки и какой уровень борьбы. – Потом он улыбнулся, не то ехидно, не то вызывающе, и продолжил: – И можете себе представить, как вам повезло, что вы оказались в кратере этой войны, на лезвии меча! В историю точно попадете, не то, что мы, кабинетные работники...

Возвращаясь домой, Алексей Сергеевич впервые испытал странное опустошение. Несвойственное ему оцепенение духа, ощущение болезненного, ранее не испытываемого давления, некую смесь замешательства, смутной неудовлетворенности, закрывшегося в глубины сознания сомнения...

Глава четвертая

(Москва, ноябрь 2006 года)

Выступление, вернее выдержки из выступления президента Путина 5 ноября 2006 года, ко Дню военного разведчика Алексей Сергеевич прочитал в сокращенном виде в одной из газет.

Кое-какими деталями, относящимися непосредственно к нему и к армии невидимых, ему подобных бойцов, Алексея Сергеевича снабдил его непосредственный координатор полковник Круг. Еще от одного товарища по группе в академии Артеменко получил на первый взгляд ничего не значащую и одновременно весомую эсэмэску: «Дорогой Друг, с праздником Осени!» Разведчик всегда развивается в условиях, близких к вакууму, вспомнил Алексей Сергеевич сакраментальную учебную фразу и, усмехнувшись, отправил банальную фразу с ответными пожеланиями. К своему удивлению, он не испытывал сожаления из-за своей удаленности, из-за того, что не имел возможности воочию лицезреть своего суверена, как и побывать в новой, только что построенной штаб-квартире Главного разведуправления. Он даже считал вторичным свою принадлежность именно к этому ведомству, тогда как на первый план выдвигались профессионализм и способность совершить нечто такое, что подвластно лишь отдельно взятому индивидууму, вовлеченному в эту деятельность. Никакой ностальгии и никакой тяги к выходу из тени. Этому претила его многолетняя, абсолютно закрытая, совершенно обособленная форма работы. И он давно привык к ней, врос в предложенную роль. Индивидуальный фронт, успех на котором может развиваться только благодаря его личным искусно выстроенным схемам общения с людьми, им изобретенным, изопренно расставленным ловушкам. Бреясь в ванной в этот день, он подмигнул своему отражению в зеркале: «Ты владеешь всем миром как будто, и не стоишь в нем ничего». Так же как коллеги и официальные церемониалы ведомства недоступны ему, так и сам он в равной степени недоступен для них.

На одной из тайных московских квартир ГРУ Виктор Евгеньевич снабдил его подробными комментариями и интерпретациями закрытой речи. Глава государства весьма признателен той части ведомства, которая вынуждена работать в вечном сумраке, за плотным занавесом официальной сцены. Артеменко не без удивления и с некоторой тревогой получил очередные подтверждения, что его направление работы приобретало статус ключевого, настолько важного, что даже отношения России с традиционными, давно укоренившимися в воображении врагами типа Соединенных Штатов теперь уходили на второй план. Впрочем, Артеменко виду не подал. И даже не поверил сказанному. Всякий куратор, полагал он, будет уверять, что именно его участок самый важный. Ему не верилось, что борьба с великими державами, извечное соперничество с европейскими львами теперь должны осуществляться на территории соседней Украины. Его бывшей Украины... Он подумал и изменил мысль: нет, его будущей Украины. При всем пафосе намеченных боевых действий Украина оставалась его родиной, к которой он испытывал смутную любовь и уважение. И он неясно понимал, что хочет рассчитывать на взаимность. Допустим, размышлял полковник ГРУ, Украина стала объектом гигантского геополитического сражения, которое происходило без танковых столкновений, морских батальи и воздушных атак. А посредством выверенных и артистично оформленных заявлений публичных людей, удачных телепрограмм, виртуозно исполненных репортажей и публикаций, нескончаемых мероприятий по промыванию мозгов. Но ведь все это затеяно, в конце концов, для усиления Украины, для достижения стабильности внутри страны! И Алексей Сергеевич, казалось бы, вполне мог гордиться собой. Он являлся непосредственным разработчиком очень многих мероприятий, которые Виктор Евгеньевич называл то активными акциями, то информационными операциями. Когда Виктор Евгеньевич, подкрепляя сказанное убедительными

жестами, сообщил, что информационный театр боевых действий стал основным, перед глазами Алексея Сергеевича почему-то снова выплыл образ преподавателя агентурно-разведывательной психологии Сташевского с его пророчествами в отношении информационных войн. Закончил очередное напутствие Виктор Евгеньевич с добродушной, несколько глуповатой улыбкой военного, – архаический, склонный к казарменному фольклору, офицер Военно-воздушных сил все еще прочно сидел в нем невозмутимым вторым «я». «В этой войне сегодня необходимо, чтобы на солнечной Украине как можно больше дерьма попало на вентилятор, и вы, Алексей Сергеевич, – тут куратор виновато развел руками: мол, не от него зависит, просто так получилось, – должны исполнить, может быть, в чем-то неблагодарную, но весьма почетную миссию этого вентилятора». Алексей Сергеевич только суховаато усмехнулся в ответ, по меньшей мере, заключил он, эта фраза точно была не от первого лица государства.

После встречи Артеменко мысленно оценил, что он сделал за последний год. Навел мосты с перспективными людьми в Киеве, готовыми не просто поддержать восточный вектор украинской политики, но зубами грызть своих оппонентов. Не без его прямого участия в этом году, подобно крупной рыбе с крючка, сорвались крупные военные учения западных союзников. Это именно он организовал явление миру ряда жестких, безукоризненно срежиссированных выступлений и публикаций и даже сам подготовил некоторые из них. Не без внутренней гордости он чувствовал свой рост, он с чертовской ретивостью влез в новую тему и уже теперь считался заметным специалистом, с которым советовались и считались. Об оценках своей работы наверху Алексей Сергеевич мог судить по многим прямым и косвенным признакам, и даже уровень выступающих, выросший до уровня известных в стране политиков и крупных чиновников, не вызывал у него сомнения – его личный авторитет в ведомстве неуклонно растет.

Когда в конце года полковник Артеменко зафиксировал сочный телевизионный наезд на Украину председателя комитета Госдумы по делам СНГ и связям с соотечественниками Андрея Кокошина, он и обрадовался, и почувал недоброе. Начался артобстрел, предвестник будущего наступления по всему фронту. С использованием всех сил и средств. Выступление самобытного, довольно выразительного политика очень близко перекликалось с подготовленными им накануне материалами, и не исключено, что даже подготовлено было на основе его разработок, но дело было вовсе не в этом. Алексея Сергеевича поразила синхронность и неуклонно растущие масштабы атакующей рати. Его материал, опубликованный от имени несуществующего журналиста в одной из газет в четко определенный момент, утонул бы, если бы не стал частью общей информационной канонады. Вступление Украины в НАТО может оказаться губительным для наукоемкой промышленности вообще и оборонной в частности, заявил Кокошин. Добавив, что это наглядно видно на примере ряда стран Центральной и Восточной Европы, ранее входивших в Варшавский договор. «В этих странах практически исчезли соответствующие сектора промышленности», – твердил неутомимый обличитель, заметив среди прочего, что Украина потеряет несколько сотен тысяч рабочих мест. В этих словах Алексей Сергеевич распознал свою фразу и даже удивился ее эффективности. В его материалах она была рядовой, не подкрепленной фактами. Алексей Сергеевич даже сделал соответствующую пометку для своих.

О том, что этот момент может оказаться неубедительным, потому что в Польше и Чехии зафиксирован заметный рост производства, и в том числе за счет участия в европейских оборонных проектах. Чехия оказалась вовлеченной американцами и испанцами в производство военно-транспортных самолетов для большой группы европейских заказчиков, а Польша вообще наладила процесс колоссального перевооружения. Американские самолеты, немецкие технологии, скандинавские бронемашины. На очереди системы противовоздушной обороны. Если Соединенные Штаты разместят в Польше свои объекты, писал Артеменко в отдельной аналитической записке в Центр, Варшава навсегда останется в зоне недосягаемости для Москвы. Но как лихо перевернули эти детали с ног на голову! Эта фраза политика о загнива-

нии обороны в Европе была необходима для связки с другой, гораздо более важной и касающейся сугубо Украины мысли. А именно, что умирание оборонного сектора в Украине произойдет как раз за счет нарушения все еще обширных кооперационных связей между Россией и Украиной.

И еще – в силу того что такие сегменты украинской промышленности на Западе практически никому не нужны. Это, разумеется, и было озвучено депутатом и сделало его выпад точным и сильным ударом хорошо подготовленного фехтовальщика. Интересно, этот спикер заучивал текст или импровизировал?

Артеменко в свое время хорошо изучил и часто применял этот превосходный принцип воздействия, заключающийся в том, чтобы поставить жирное, несмываемое пятно на репутации противника. Чем резче выпад, тем бессмысленнее аргументация пораженного этим оружием. Умело рассчитанное ложное обвинение прекрасно действует, если у оппонента меньше возможностей защищаться. Но из этого случая Алексей Сергеевич вынес еще один, крайне важный для себя урок: и искажение реального положения вещей, и даже откровенный фарс, приправленный ложными данными, становятся очень даже удобоваримой пищей, если преподносятся увесистой, хорошо известной фигурой из политической обоймы. А уж если какой-нибудь важный элемент повторяется потом и другими политиками или чиновниками, он въедается в коллективное сознание, как не подлежащая проверке аксиома. Врезается, как торпеда в цель. И потому Алексей Сергеевич сначала с удивлением, а затем уж и не особенно поражаясь, наблюдал, как подобные заявления – а их за год было подготовлено несколько десятков – стали циклично повторяться и в самой Украине... Прав был Круг, когда пересказывал босса.

Артеменко подумал, насколько чутко улавливал ситуацию генерал Лимаревский. Ведь это он науськивал, что именно идеология должна ставиться во главу угла при проведении всякой операции. Сила идеи в конце концов становится силой власти. Это в контексте истории, которая, на первый взгляд, была далеким и не особо нужным элементом настоящей борьбы. Ан нет! Именно на исторических сентенциях, на четкой исторической платформе можно построить хорошие ориентиры для будущего. Если и старые, давно расшифрованные мыслящими людьми фальсификации стали единственно правильной версией интерпретации событий, то в этом заслуга идеологов, заставивших массы мыслить именно так, а не иначе. И если вся наша отечественная история зачесана на выгодный нам манер, то это означает, что мы утвердились как сила, мы пока оправдываем нашу претензию на господство. По-другому в империях не бывает!

Да, в прошедшем году они начали активно работать и над историческим прошлым. Как ни странно, думал Алексей Сергеевич и немало дивился тому, – во многом нынешние российские интерпретации истории странным и весьма выгодным образом совпадают с советскими взглядами.

Одно было не до конца ясно: из-за чего это все затеяно? Точно ответить на этот вопрос Артеменко не мог.

Глава пятая

(Москва – Киев, февраль – октябрь 2007 года)

1

Второй рабочий год на новом участке набирал небывалый размах, маятник стал раскачиваться быстрее, сильнее, неотступнее. Участники процесса стали сосредоточеннее, все чаще на их лицах была написана озабоченность или непреклонная решимость. Улыбки сползли, лица вытянулись, команды стали отрывистее, разоблачения врагов – злее, беспардоннее, ядовитее. Голоса теперь все чаще были гнусавыми и глухими, а воздух накалился, и в нем все отчетливее улавливался смрад, неприятный запах нечистот. «А что вы думали, всегда будете работать в накрахмаленных белоснежных рубашках? Решать задачи за круглыми столами в уютных залах рафинированного Брюсселя? Нет, друзья мои, вот такая она на вкус и цвет настоящая работа», – говорили координаторы своим посланникам и многозначительно закатывали глаза. Впрочем, и в европейских столицах разведчики потели, как истопники, ответственные за непрерывную подброску угля в топку. Даже полковник Круг перестал задорно подмигивать со словами: «Пора, пора в Киеве делать “искремление”». И по этому признаку полковник Артеменко понял: это самое «искремление» как раз и началось. Хотя никто точно не мог объяснить значение этого слова. То ли «искры Кремля» начали сыпаться, то ли «искривление украинского хребта в сторону Кремля». Да и какая разница!

Если Алексей Сергеевич раньше бывал в Киеве наездами, то теперь добрая половина времени проходила на украинской территории. Он чувствовал, что работает в команде, которая слаженно, как олимпийская академическая восьмерка, гребла к понятному, отмеченному впереди финишу. Финиш имел вполне определенное временное обозначение – очередные президентские выборы в Украине. Но и бесстрастные мушкетеры вставшей на дыбы, ошетинившейся приапической системы, и ее отважные капитаны, и даже главный вождь – все знали, что главный рубеж гораздо ближе. Скорее всего, изрекали пророчества корифеи военно-дипломатических батальонов, ею станет весенний саммит НАТО 2008 года. А если так, то Украину надо спасать к концу 2007 года, не то эти захмелевшие от власти потомки малороссийских хуторян и недобитых запорожских казаков втащат страну во вражье логово. Волоком затянут! Конечно, все это в итоге – происки заокеанских кукловодов, вбивших себе в головы дурацкую мысль о спасении всего человечества. Это из-за них опять вылезла грузинская грыжа, а украинский вопрос превратился даже не в щемящий радикулит, а в настоящую опасность гангрены! Хотят оттяпать у России ноги, на костыли хотят поставить мать родную!

И была получена твердая команда «Огонь!». Бомбить искромётными информационными фугасами, чтобы зловонные, отравленные брызги оставили отметины по всей окаянной территории непокорных провинциалов. И явился царский указ дать карт-бланш ретивым нукерам: применять любые средства воздействия – банковские капиталы, припасенные нефтедоллары, тайные, не без угроз, знаки парижским и берлинским законодателям политических мод и, наконец, тяжелый, давно припасенный хук непокорным киевским революционерам. Последние пусть испытают всю прелесть земной юдоли, пусть их кряхтение и скрипы болезненной плоти будут долго напоминать потомкам о том, что негоже зарываться! В стойло их, в стойло!

«Помните старый большевистский прием, – объяснял Алексею Сергеевичу развитие ситуации полковник Круг, – если необходимо пойти на ряд жестокостей, то их надо осуществить самым энергичным образом и в самый краткий срок, так как длительного применения жестокостей народные массы не вынесут. Так вот мы должны так крепко дать хохлам по зубам, чтобы отбить у них охоту даже смотреть на Запад». И точно: ряд специальных мероприятий

прокатился со зловещим грохотом, точно воз с чертями. Артеменко даже глазом не успел моргнуть, только успевал отмечать огненные вспышки. Он не способен был осознать, где подыграл, где смазал шестеренку, а где его использовали в роли забойщика. Система – не артель и отчитываться перед своими акционерами не привыкла. Она, как большая бронированная машина с полным боекомплектом на борту, тронулась в сторону Запада, и одинокий полковник в ней точно был не водитель. Пантеон славы предназначался для других, и он это хорошо знал.

В первую очередь велено было завертеть гигантский водоворот негатива в восприятии всем народом новой «оранжевой» политики. Отсечь «помаранчевых» лидеров от собственного народа – вот задача номер один. Вбить между ними клин, чем быстрее они перестанут понимать друг друга, тем легче будет отлучить одних от других. Задача, конечно, нелегкая, не для одного полевого воина, пусть даже очень подготовленного. Но и набросились ратью, хотя и действовали предельно осторожно, работая не связанными между собою группами. Основную часть дела, как водится, совершали чужими руками. Заказывали, оплачивали, получали результаты, подхватывали их на щиты. Неплохой довесок дал хлесткий социологический вертеп. От него по телеканалам и газетным полосам разошелся калейдоскоп опросов, оценок, интерпретаций и первых предостережений. Когда разные уверенные физиономии в ярких галстуках и очках с золотыми оправами стали раздавать склеенные из аналитики спецслужб рейтинги с выражениями, в которых смешаны хладнокровие и плутовство, никто особенно не удивился. А что, страна уже одной ногой в Европе, на улицах даже пирожки демократические. Поначалу все выглядело пристойно, хитрости лишь вплетались в общий узор. Например, создали ажурную и правдоподобную иллюзию равных возможностей в налаживании конструктивных отношений с Россией для успевших поссориться главных лиц новой власти. Поставили знак равенства между затянутым облачной дымкой собственных фантазий президентом Виктором Ющенко и белой феей с волшебной палочкой в руке Юлией Тимошенко. Чтобы все выглядело пристойно, на всякий случай к рейтингу с точно таким же результатом пристегнули маститого, всегда заретушированного Председателя Верховной Рады Владимира Литвина. Не только для массовости, а еще и потому, что некоторым импонировал его дар выставлять вместо себя рисованный трафарет с обезоруживающей улыбкой и беззаботно жить в его уютной тени. А вот потенциал опального оппозиционера Виктора Януковича – тоже на всякий случай – подняли, пока еще не до небес, но в полтора раза повыше – все равно очень заметно. Кругами пошел встревоженный шепот: даму, мол, велели держать про запас и тянуть немного позади фаворита. Если не появится иной фаворит, ведь возвращать их брались многие горячие головы. Да ломали копыя, потому что молодежь непредсказуемая пошла: один импозантен, но продажен, другой – превосходный лицемер, но до национального лидера недотягивает; третий просто доверия не внушает, да и на телевидении несуразен; четвертый – себе на уме и в кармане не то кулак, не то кукиш держит. Одним словом, Малороссия – провинция специфическая...

С идеей объединения Украины с Россией Центр предусмотрительно решил не спешить и обходиться предельно осторожно. Главным направлением удара предписывалось показать разные взгляды власти и народа: власть, подкупленная надменным Вашингтоном, тянет на Запад; народу же – точно в другую сторону, где объятья братьев по славянскому менталитету. Потому даже не в мозговых центрах известных ведомств, а где-то гораздо ближе к Кремлю украдкой вскинули глаза к небу и списали вещий результат: пусть пока за объединение будет шестая часть населения Украины. И то ведь немало. И надо сказать, очень неплохо эта информация укрепилась, – вассальные редакции из шкуры лезли, да и глуповатые, падкие до желтой наживки репортеры тоже не оробели: свою часть вслепую отработали. Потом информацию несколько раз повторили с трибун официальные мужи, создали телевизионное благозвучие – и она стала незыблемой аксиомой, основой для наступательной доктрины. На ее фоне родилась еще одна хитроумная задумка. А именно, запустить кометой в пространство мысль, будто бы три четверти населения страны ратуют за независимые, дружеские государства Украину и Рос-

сию, но с открытыми границами. Этот посыл был похож на правду, но правда всегда есть оружие промысла посвященных; ее можно обыграть столь различными способами, что она порождает совершенно разные ассоциации, вынуждает к принятию едва ли не противоположных решений. На логичный и вполне обоснованный посыл вначале внимания почти никто не обратил. И зря, потому что вторая его часть была припасена за пазухой, как кинжал Брута. Именно она превращала первую в оружие, в tandemный кумулятивный боеприпас. Рать в темных плащах, и Артеменко в том числе, о второй части знали, но помалкивали. А заключалась она в том, что очень скоро граница с одной стороны должна начать быстро и неотвратно закрываться, – а как же, нельзя ведь иметь открытую границу с государством, лидеры которого ведут его, как покорную корову с большими слезящимися глазами, на убой, за красные флажки. Закрывать ее будут все вместе, от рядового газетчика до президента. И пусть население, которое жаждет или объединяться, или жить в одном открытом доме, знает, что хуже им становится исключительно из-за их недалёковидных вождей и продавшихся за доллары воевод. Доверчивые массы молчаливо потребляли социологические и экспертные пилюли, за авторитетной шелухой которых светилась продуманная работа соперничающих между собой, выслуживающихся перед хозяином разведок. Разведка ведь в подавляющем большинстве случаев служит одному хозяину, хотя ее зоркие, проницательные менеджеры и возят пухлые папки бумаг многим формальным представителям официальной власти.

Наконец, смастерили еще одну информационную хлопушку, которую необходимо было общими усилиями превратить в извержение вулкана, засыпать заблудшее племя массивными хлопьями пепла негодования. Начали работу все те же социологи, объявив, что девяносто процентов украинцев, а значит, подавляющее большинство, характеризует сложившиеся отношения между Украиной и Россией как неблагоприятные. Это была хорошая точка отсчета для последующих массированных атак. Для создания завершающей картины ужасов картину основательно дорисовали в самой России. Общественное мнение должно получить образ врага и осудить этого врага на смерть. На телеканалах состоялись многочисленные публичные казни и испепеление словами всех тех украинцев, что раздували костер вражды между народами, не давали им вместе по-братски трудиться и жить. Благо, некоторые телекомпании, регулярно ключющие из рук власти, настолько преуспели в создании лабораторий общественного мнения, что через полгода уже появились волнующие результаты. К сроку рождения дитяти даже предвзятый наблюдатель был бы поражен стремлением угодить Первому. Получилось впечатляюще и трогательно: к числу враждебных государств население России стало относить заокеанское кощеево царство и потерявшую скромность Грузию. Украине, так скверно повернувшейся к Западу лицом, а к России задом, отвели пока третье место – все же не вся Украина, а только ее голова да часть неподконтрольных телес бунтуют. Тем не менее, народы медленно, но верно ввергли в гипнотический транс лихорадки. Одновременно политики и чиновники пообещали жесткий визовый режим, ракетную изгородь, и абсурдное марево затянуло горизонт уже не только отношений политиков и чиновников, но и мнительных граждан по обе стороны границы.

И вот тогда началась настоящая работа. Дипломаты и резиденты в западных государствах с профессиональным рвением принялись за свое дело – объяснять всем непонятливым, что между двумя государствами вызрело предвоенное состояние. И что Россия готова раздавать зуботычины и западным друзьям, если сунутся в это слишком интимное, сугубо семейное дело. Напоминание о зуботычинах, пусть и невоенных, вызвало смятение в не слишком стройных рядах впечатлительных политиков. Чисто русские гротески при максимализме нынешних держателей акций с их спецслужбистским прошлым – это вовсе не шутка, быстро расценили в европейских мозговых трестах. Ведь, в конце концов, что за цена вопроса: Украина?! Ну будет граница стабильности на восемьсот километров ближе, зато тяжелая болезнь будет излечена без хирургического вмешательства? Ну будет Украина не в самой Европе, а около ее границ,

что изменится от этого для беспечного парижанина или счастливого баварца? Тем более и своих проблем хватает, чего только Балканы стоят или периодическое обострение греко-турецкой болезни... Трубадуры Белокаменной тем временем все яростнее включали все тумблеры запущенного вселенского механизма противостояния, не стеснялись уж и крепких эпитетов. Дружески и с суровыми лицами настоятельно советовали привыкшим к уюту и стабильности европейцам: «Не лезьте, ради своего же блага, не мешайте! Мы-то привыкли жить напряженно, без удобств и за ценой не постоим». Наконец, и сам хозяин появился на сцене, – декораций уж сотворено достаточно. Со свойственной ему глумливой торжественностью предупредил сомневающих, хотя многие и так за легкой иронией уловили готовность высекать искры. Слишком много признаков, и далеко не только сжатые кулаки, волевые складки у рта и пылающих цветов галстуки.

В России, как в огромном ателье, не смущаясь звука, уже давно громко стрекотали ножницы – шла закройка нового образа национального гения. Нет, конечно, не поэта, не мыслителя или там ученого. Скуластого стратега, способного организовать потрясения и перевороты. История кодифицируется в образах, с них начинается разгерметизация сознания. Это отменно знают политтехнологи, на этом поприще с ними даже спецслужбы не рискуют тягаться. Одинокий образ, даже искусно сотканный, выглядит вздорно, вызывая и неправдоподобно. При писании красками нового лика ему необходимо героическое обрамление – тоже из образов. Приобщили к щекотливому делу академиков, посоветовались с маститыми учеными, послушали ушлых, набивших руку на выборных перегонах практиков. Пришли к заключению, что для укрепления имиджа нынешнего лидера подойдут древние герои России. В самом деле, не рамкой же из поэтов и мыслителей оттенять угрюмого в своей непреклонной решимости владыку. Опять обратились к телетехнологиям, усилили их современными киберразработками и спустя время аккуратно, без суеты вывели на пьедестал Петра I, Иосифа Сталина и Владимира Ленина. Немного поодаль, но тоже вблизи светилась мрачная иссиня-черная аура царя Ивана. Пусть порочно культивировать убийц, но ведь человек многогранен. Пусть вместо худших качеств сумасбродных властителей, патологического некрофила и одержимого организатора переворотов на первый план будут выведены лучшие: грозный лик, от которого трепещут враги; твердая линия в политике, несокрушимость суждений. Пестовали умы эффектом гласа народа – за счет голосования нескольких миллионов интернет-пользователей. Как сказал бы придворный писатель, картина имела анафемский успех. Лучезарные цари уверенно заняли в рейтинге национальных героев первые места, оставив далеко позади мудрецов, писателей, поэтов. Действие в очередной раз победило мысль. Аттестация завоевателей укрепила дух вождя, который с неподражаемым эффектом шоумена тут же запретил своим подданным шакалить у иностранных посольств. Впрочем, этот театральный жест вызвал неподдельный восторг у людей в касках и обморочное умиление у барышень на кухнях. А на очередной встрече Виктор Евгеньевич, ударившись в пространные разъяснения – инструкции требовали насыщения удаленных от ведомства голов правильной информацией, – даже процитировал Маркса. «Измученная Европа, в начале царствования Ивана едва замечавшая существование Московии, стиснутой между татарами и литовцами, была поражена внезапным появлением на ее восточных границах огромного государства», – после этих слов полковник так выразительно и победоносно посмотрел на Алексея Сергеевича, что Артеменко невольно с тоской подумал: «А ведь в самом деле верит в величие царя! Если полковников можно так легко зомбировать, то что ж про люд говорить?! Им только вилы дай да укажи на врага».

Но до конца сражения за Киев было еще слишком далеко. Если Россия успокоится в своих нынешних границах, – пытались вклинить в переговорный процесс американцы, – ее отношения с внешним миром будут быстро улучшаться. Да нет же, господа америкосы! Россия – на то и Россия, чтобы не успокаиваться в своих границах. Россия-то, может быть, и успокоилась бы, да вот ее штурманам негоже успокаиваться – они всегда должны хотеть

большого. На то они и цари, а у царей жажда бессмертия обостренной всегда была, есть и будет! И никто никогда не будет думать о цене! Если только примерил костюм национального лидера, должен испытывать поистине сектантскую нетерпимость к жалости, которая хуже порока. Вот так и с Украиной – только полная капитуляция! Или на колени, или будет кровь! Так бы сделал Петр. Разумеется, и Сталин бы одобрил. Да и Ленин, хоть и сдавал Украину, но не навсегда, и только ради спасения большого. Ну, а про Ивана не стоит вспоминать: он этих «оранжевых» уже изловил бы да живьем в котлы с кипящей водой!

В западных столицах о решимости намерений Москвы были осведомлены. Там же компетентные вещатели и предсказатели успели выставить диагноз – горемычный Киев болен политической непроходимостью, да и превратился уже в пастбище для российских героев темного плаща. Потому по расчетам московских шаманов, основанных на исследованиях тайных писаний спецслужб и придворных аналитиков, сытый Берлин и гибкий Париж, а уж тем более консервативный, разумный Лондон за Киев не вступятся. Им там до Киева слишком далеко, чтобы рисковать, бойко проповедовали знатоки политтехнологические истины. А вот Москва за Киев будет глотки рвать. Именно об этом по команде начали звонко и зловеще трещать сутяжные посланники, нанятые редакторы и давно пристроенные в западных столицах штрейкбрехеры.

2

На самом деле всяческих, мудреных и простых, схем было в десятки раз больше, и Артеменко не только потерял им счет, но даже перестал отслеживать истоки. Отдельные элементы целостной системы влияния одного государства на другое полковник ГРУ порой понимал лишь в ходе их взаимодействия. В какой-то момент стало неважно, ФСБ, СВР или военная разведка ведет то или иное дело. Для Алексея Сергеевича как наблюдателя важен был лишь результат, и его-то он улавливал все чаще. В Киеве, у него, лишенного постоянной информационной подпитки своего ведомства, создалось, может быть, обманчивое впечатление, что задачи и деньги текут единым потоком. А стоило все действие немалых денег, но по тому признаку, что денег уже никто не считал, Алексей Сергеевич понял размах борьбы, ее геополитические ставки. Кремль нацелился в очередной раз перекроить карту Европы; Украине из географического центра Европы и уже признаваемого европейского государства следовало трансформироваться в непредсказуемую страну больших рисков, находящуюся на окраине Европы. И строящую с Европой новые отношения исключительно в паре с Россией. А может быть, и в составе новой России – этого пока никто не знал.

Вполне естественно, что полковник Артеменко рыл землю на отдельном, отмеренном ему участке. Он принимал участие в показательных консилиумах, как в закрытых – для определенных категорий украинцев, – так и в организованных для публичного обсуждения. Он с видом оскорбленного россиянина вопрошал на различных форумах, почему с момента избрания Виктора Ющенко главой государства отношения между двумя братскими странами резко ухудшились. Он добросовестно записывал рекомендации и мнения, прикрывая фальшь и абсурд ведущейся за его спиной войны. Он неутомимо встречался с конкретными людьми, уточнял их позиции, осторожно разъяснял их возможные дивиденды при условии активного столкновения российского и западного факторов. И ему самому ситуация являлась в виде глупой фантазмагии. Два фантастических животных исполинских размеров, сплетаясь могучими рогами и сойдясь широкими лбами в напряженной схватке, не уступали друг другу ни по силе, ни по желанию владеть пространством. Маленькие люди сновали повсюду, дивясь столь грандиозному сражению и не решаясь помочь какому-либо из противников. Но именно от них, от того, чьих сторонников наберется в итоге больше, будет зависеть исход борьбы титанов. И Артеменко с каждым днем видел все возрастающее число тех, что поддерживали колосса с восточной стороны. Но этого было мало – необходимо было добиться их грызни в пыли у копыт

вздыбленных борцов, их готовности к самоуничтожению, их ясного, покорного отказа видеть и бороться за какое-либо придуманное ими самими будущее. Их будущее должно на долгие годы, а лучше – на века предопределяться другими. Только тогда возникнет эффект Палладиума, и на эту землю опустится сумрак всеобщего послушания.

Выполнял Артеменко и отдельные, довольно ответственные поручения. Например, лично участвовал в реализации задачи по уничтожению проекта строительства самолета Ан-70 – былую визитную карточку братской дружбы. И тут, как и на всем фронте борьбы, убивать нужно было не физически, не подрывать крылатого гиганта в ходе боевой операции спецназа, но уничтожить его в головах, в представлении людей. Самолет был избран мишенью не напрасно, – о нем знал каждый украинец, его убийство и последующее расчленение симптоматично, понятно даже замшелому обывателю, оно должно пугать неотступностью призрака раздора между народами. Взирая на такие потери, видя угасание нового, богатырски прекрасного самолета, а с ним и неминуемое умирание всей высокотехнологической отрасли, каждый украинец должен был самостоятельно прийти к осознанной мысли: «Да ведь это президент со всей своей командой виноват! Это власть не сумела доказать свою состоятельность, так пусть лучше сгинет она, чем все мы с прикованной к ногам гирей пойдем ко дну!» Мир впечатлений построен на контрастах, он является загадкой лишь для неискушенных. Эти контрасты, опираясь на правдоподобные подробности и яростные эмоции, и создавал полковник Артеменко. Порой делал он это так лихо, как охваченная вдохновением хозяйка готовит свое исключительное блюдо.

Приказы не обсуждаются, как не оцениваются и перспективы триумфального шествия воздушной машины или убытки от ее убийства. Сам гэрэушник отчетливо видел, что до полного низвержения проекта не дойдет – будет показательная порка, замораживание проекта на несколько лет, а потом, после долгих уговоров, с виду неохотный, а на самом деле желаемый возврат к проекту. Просто, если уж нужно доказать, что от движения заблудшей страны на Запад будут ущемлены интересы конкретных украинцев, нужны выпуклые, яркие картины людских страданий. Необходим глас народа, трубный зов, вой. Нужен ропот, мятеж против своих же лидеров. Или хотя бы крупный стресс, ведущий к бунтовским думам. Образ некогда создаваемого совместно самолета как раз достаточно ярок, вполне сочен для проникновения в самое сердце простого обитателя наэлектризованного пространства. И потому Алексей Сергеевич Артеменко по заданию Центра собирал многочисленные аргументы против Ан-70 и в пользу российских самолетов Ту-330 и модернизированного Ил-76. Он неутомимо организовывал тиражирование заявлений ответственных лиц, генералов и конструкторов. Многочисленные провокационные цитаты и обличающие несовершенство изделия технические расчеты шли в массовое употребление, как леденцы. Офицер перебрасывал их партиями упакованных идей от Центра к специальным конструкторским бюро и ответственным лицам в штабе Военно-воздушных сил, а оттуда они, уже персонифицированные, в обрамлении красивых слов, попадали в гигантский конвейер средств массовой информации. Вот решение о переводе серийного производства авиационных двигателей из Украины в Россию, вот заявление о конкретных успехах в организации дублирующих производств на российской территории, вот угрозы бывшим партнерам и заверения, что все у них обрушится и погибнет из-за вопиющего непослушания. Ему пришлось стать специалистом по тeneвым интерпретациям, влезть в самую суть проекта, овладеть тонкостями представления деталей общественности. Иногда Алексею Сергеевичу приходилось работать со сложными документами и выносить на свет божий именно те нюансы, которые прятались в их глубине, скрытые тиной. Так, изучив только что появившуюся стратегию развития авиационной промышленности России до 2015 года, он увидел, что она не предусматривает программ совместного производства самолетов, разработанных украинским конструкторским бюро Антонова. И именно эту информацию поставил во главу угла, обработал, обрамил и приукрасил другими данными и уж потом через другие руки переправил в одну из

популярных украинских редакций с российскими корнями. Эти редакции вовремя внедрились на территорию Украины, и они теперь работали, точно кузни: там все пытелo, гудело, слышались гулкие удары молотов. На поверхность выползало много светской шелухи, всяческих слухов о бездарностях, которые теперь назывались звездами. Но наряду с радостно потребляемым обывателем информационным мусором Артеменко и подобные ему игроки протаскивали такие многомерные сообщения, которые действовали безотказно, подобно уколу шпaгой или смертельному цианистому калию. Прошло совсем немного времени, и механизм заработал сам собой, как будто был вечным двигателем. Правда, сам офицер военной разведки прекрасно понимал, что непосвященными участниками проекта движет примитивный страх: лишиться своей должности и не услужить царю – именно царскую волю они улавливали в немногословном общении с представителями вездесущих и небывало авторитетных спецслужб. Когда один из директоров заводов уже заявил о том, что без сотрудничества с Россией авиационная промышленность Украины не сможет в полном объеме производить самолеты, двигатели и спецтехнику, он понял: началась никому не подконтрольная травля. Другой в своем рвении зашел еще дальше, крича на пресс-конференции, что критическая зависимость Украины от России в поставках различных сплавов – титановых, алюминиевых, легированных сталей, бортовой радиоэлектронной аппаратуры – приведет к разрушению всего самолетостроительного комплекса. Третий по собственной инициативе растиражировал заявление, что от разрушения авиационной отрасли Украина вскоре потеряет не менее 50 тысяч рабочих мест, связанных именно с высокими технологиями. Артеменко, который уже почти не прилагал каких-либо усилий, получил из Центра ясный сигнал: им и его коллегами на этом участке довольны.

Приходилось, правда, и реагировать на ситуации, которым Артеменко не мог дать однозначной оценки. Так, в одну из прохладных мартовских ночей российский десантный корабль «Николай Фильченков» с веселым свистом нарушил государственную границу Украины и в районе города Феодосии высадил разнузданный десант отдельного батальона морской пехоты. Согласно молниеносному распоряжению из Москвы Артеменко подготовил несколько извинительных текстов, часть из них были опубликованы в виде заявлений уполномоченных лиц Черноморского флота России. Но его самого смутил растущий цинизм в поведении руководства. Хотя в некоторых сообщениях и говорилось о халатности командиров на местах, в целом Алексей Сергеевич четко уловил тщательно спланированную акцию. Российская сторона предупреждала о вхождении корабля в украинские территориальные воды, однако, не предоставив информации о пассажирах и грузе на борту, преспокойно начала десантную операцию в курортной зоне. Затем, извинившись, тихо свернула ее. Он уловил: это тестирование, зондаж возможных боевых действий штурмовых сил. Когда эта мысль сама собой явилась полковнику, он впервые похолодел. Словно очнулся от чумного механического действия, которое выполнял несколько месяцев, мало задумываясь о последствиях. Он, наивный, полагал, что логика непрерывного воздействия состоит в том, чтобы постоянно держать украинскую власть в напряжении. Но никогда не думал, что все может однажды пойти слишком далеко...

То, насколько лидеры двух государств продвинулись в возбуждении нетерпимости и ненависти, Артеменко осознал, когда на территорию России не пропустили гражданина Украины, основателя украинской библиотеки в Москве. Ситуация далеко выходила за рамки досадного пограничного инцидента, тем более что видного организатора украинского культурно-национального движения в России отказались официально признать персоной нон грата. Из цепи недружественных фрагментов, заявлений и фальсификаций противостояние выросло до войны нового поколения – смещения энергетического поля нации за счет применения психотропных и психоэмоциональных атак. Подобное полковник Артеменко видел впервые и впервые принимал в таких боевых действиях личное участие.

После одной из встреч с Кругом, где Артеменко получил очередную порцию задач, он испытал потребность порыться дома в старых бумагах. Отыскав среди них маленький блок-

нотик, в котором он тайком записывал на занятиях самые важные мысли, офицер испытал невиданный прилив энергии. «Мы приближаемся к такой стадии развития, когда уже никто не является солдатом, но все – участники боевых действий. Задание теперь состоит не в уничтожении боевой силы, а в подрыве целей, взглядов и мировоззрения населения, в уничтожении существующего социума», – Артеменко прочитал когда-то с благоговением записанные слова одного из руководителей Пентагона, которые в академии цитировал профессор Сташевский. Провидец, черт возьми, настоящий кудесник. Ведь именно так все и получается, подумал разведчик, улыбаясь.

Глава шестая

(Киев, ноябрь 2007 года)

Полковник Артеменко действовал увлеченно, хотя и пытался где-то глубоко под корой своего сознания анализировать ситуацию. Даже не столько ситуацию, сколько свое меняющееся отношение к ней. Вероятно, ему никогда не пришлось бы изнурять себя землекопными работами на такой глубине, если бы он находился на территории, скажем, Алжира или Франции. Но Украина оставалась его родиной, и это невозможно было вычеркнуть из биографии. Потому и отношение к ней помимо его воли оставалось особым. Как у человека, через много лет забредшего в старый двор и нашедшего среди полностью изменившейся картины удивительно трогательные, сокровенные черты, совсем неприметные остальным, однако возбуждающие у него смутную тоску и нежные мотивы детства. Артеменко ощущал себя именно таким человеком, неспособным равнодушно взирать, как бездушный бульдозер разворачивает свои неумолимые стальные конечности для последнего акта преобразования. И пусть даже на месте старого двора запланирован дворец, тот, кто жил в нем, навсегда сохранит умиление от обветшавшего забора или милых сердцу сбитых углов.

Вначале Алексей Сергеевич даже не заметил, как отдельные эпизоды противодействия движению Украины в европейский клуб превратились в очень конкретную, ясную линию фронта. Вернее, контуров, границ этой линии не было, зато появилось ощущение настоящей войны. Алексей Сергеевич знал и даже немного изучал информационные операции американцев в Югославии и Ираке, но там они сопровождались реальными боевыми действиями. Тут же все было по-иному: стрельбы и крови не было, а война была. Зыбкий кошмар разворачивался, все более проступающие тени призраков молчаливо заполняли пространство.

Артеменко был немало озадачен еще одним обстоятельством: заметно растущим эмоциональным подъемом участников боевых действий. Если в 2005 году и сам он, и те, в ком он почти безошибочно угадывал своих коллег, рассматривали свое пребывание в Киеве как некое забористое приключение, то уже через два года у них развился не просто азарт, но пугающее остервенение. Как у животных, познавших запах и вкус крови. В начале пути и сами бойцы невидимого фронта, и их вполне реальные кабинетные наставники намеревались только потрепать и наказать оступившихся, как рассерженный родитель вынашивает желание отшлепать провинившегося ребенка, не лишая его своей любви и расположения. Но со временем Артеменко с изумлением фиксировал и тут и там страстное желание грызть, разрывать на куски врагов, низвергать до полного падения и затем добивать упавших. Однажды от одного россиянина с резко возросшим уровнем патриотизма он услышал: «Пора уже этих зазнавшихся хохлов макнуть носом в дерьмо!» Больше из любопытства, нежели из профессионального интереса Артеменко осведомился о причинах такой явной ненависти. И несдержанный мещанин ошарашил разведчика совершенной простотой рассуждений: «Да как же они отказались от своих истоков, от славянских корней? Не все, конечно, это политики их Украину разделить хотят, задумали народ и тянут его в пропасть. Взять этих баламутов да и пострелять, как при Сталине! Тогда бы знали, как на Запад ходить!» Артеменко не стал уточнять и прояснять детали — этого мнения ему было достаточно, чтобы понять, что общественное мнение давно стало лишь отражением комбинаций, разработанных в испытательных лабораториях власти. В самом деле, размышлял он, до 2005 года никто даже не заикался о перспективе разделения Украины, никто не думал даже о самой возможности такого разделения. Но вот добротню поработали спецслужбы, политтехнологи, средства массовой информации, и все стало на свои места — теперь не только каждый украинец, но и российский обыватель знает: Украина может быть разделена на Восточную и Западную. Здорово, воскликнул он сам себе. Если бы не было так горько.

Разведчик спокойно и отстраненно действовал, как если бы являлся наблюдателем, а не исполнителем. Но сомнения, которыми он ни с кем не делился, все возрастали. От понимания искусственно созданного нового водораздела в человеческих отношениях в нем все чаще поднималась волна жуткого ужаса. Более всего Артеменко боялся увидеть признаки появления у людей подлинной ненависти к таким же людям, с которыми еще недавно обнимались при встречах, а за столами состязались в гостеприимстве, вместе пили водку, на схожий манер закусывая огурцами или селедкой. У него холодело и долго ныло в груди всякий раз, когда он явственно улавливал: люди, вышедшие из одного большого корня, оказались убийственно разными по менталитету, по мировоззрению. Что же пробудило такие странные противоречия, что лежит в основе столь чудовищной непримиримости, возникшей, казалось бы, на пустом месте? Не розыгрыш ли шахматной партии, перенесенной с доски на гигантскую территорию? Не простое ли разрушительное желание одних пробудить скверное ощущение вторичности у других?

Развитие ситуации между тем все больше походило на мрачную игру, в ход которой вмешались не поддающиеся пониманию мощные энергии. Внешне игра была детским показом масок-страшилок, когда из-за угла с веселым задором появляется угрожающий рисунок, нацепленный на лицо, и тут же исчезает, чтобы освободить место для другой маски. Но в детской игре весь смысл в забавном представлении, тогда как у взрослых игра кодифицируется в точно рассчитанную траекторию движения к цели. В отличие от склонных к импровизации детей взрослые опирались на безупречно заученные роли. Точно люди были игрушками, воинственными зверьками или солдатыками с ключиками в спинах, которые кто-то незаметно подкручивал. С каждым днем ситуация менялась: люди твердели и черствели, отчего-то становились обозленными и раздражительными, в них возникала совершенно несвойственная и в то же время совершенно очевидная ненависть к тем, кто просто придерживался иных взглядов. Как если бы эти взгляды являлись не мыслями, а наставленным на них оружием. У многих прежде спокойных и уравновешенных обитателей двух государств появилась высокая, очень болезненная степень патриотизма. Как во время экспедиционной болезни, вскрылись душевные раны, о которых думали как о давно затянувшихся рубцах. Страшные, вытасченные из братских могил тени Голодомора со впалыми щеками, сталинские наместники с хлыстами и насильственной русификацией, непримиримый Степан Бандера, затаившийся Роман Шухевич с автоматом, грозные хулители украинского Петр и Екатерина, авантюрный Петлюра – все смешалось в один лихорадящий души информационный поток. Как после выбивания пробки из бутылки шампанского, в которой с небывалой активностью заиграли газы; но из горлышка должна была хлынуть вовсе не безобидная пена шампанского, а нечто ужасное, знаменующее начало бесноватого танца чертей.

Однажды во время приема в посольстве с ограниченным числом приглашенных Артеменко получил любопытное пояснение ситуации. Он любил приходить в просторное, всегда торжественно убранное и в то же время по-русски теплое помещение с высоким потолком. В тот раз, взяв бокал с красным вином, он отошел немного в сторону, чтобы осмотреться, свыкнуться с обстановкой и собравшимся обществом. Однако к нему тут же подошел с бокалом в руке довольно седой мужчина с печальными умными глазами и зачесанными назад редкими волосами. Алексею Сергеевичу бросилась в глаза запоминающаяся светлая борода, глубокие борозды морщин на лбу и многочисленные лучистые морщинки вокруг глаз.

– Алексей Сергеевич Артеменко? – вежливо осведомился он, и когда Артеменко кивнул утвердительно, он представился. – Мне рекомендовали обратиться к вам. Я – Иван Елисеевич Выхухолев, главный конструктор московского предприятия «Салют». Вероятно, вы слышали о таком.

Артеменко действительно знал это предприятие. Одно из тех, где должны были развертываться дублирующие производства той оборонной продукции, которую выпускали заводы

Украины. Алексей Сергеевич не так давно готовил Центру детальную сводку по украинским предприятиям. Он не удивился тому, что кто-то направил конструктора именно к нему: система действовала, как предельно точно отлаженный механизм, в котором схема ответственности и полномочий каждого винтика или шестеренки была понятна координаторам, указывающим новым исполнителям больших и маленьких ролей нужные направления движения и коридоры.

– Чем могу быть вам полезен? – с улыбкой спросил он и пригубил вино.

– Видите ли, – начал его собеседник, – мы с давних времен сотрудничаем с украинскими предприятиями, еще когда все были неоперившимися советскими конструкторскими и производственными базами. Сегодня же все поменялось, и у нас вот два предприятия – рыбинский «Сатурн» и наш «Салют» – рассматриваются в качестве производственной базы газовых турбин для флота...

Конструктор прервался, нервно вздохнул и виновато улыбнулся: мол, извините, что приходится рассказывать малоинтересные детали. Артеменко еще раз отметил, насколько немолод стоящий перед ним человек.

– Продолжайте, пожалуйста, – попросил он.

– Так вот, мы приступили к разработке газовых турбин для военных кораблей морской и океанской зоны, в частности фрегатов и эсминцев. Государством выделены немалые, я вам скажу, средства – миллиарды. Могу доложить, что еще два года назад один наш двигатель успешно прошел испытания, потому и мы полны новых надежд, и от нас уже ждут чудес. Продвинулись ребята и в Рыбинске Ярославской области. Но не все так просто, как кажется на первый взгляд. И мы уже немолоды, и молодежь, как говорится, не та.

Алексей Сергеевич удивился – этот человек никак не мог подойти к волнующему его вопросу. Гул говорящих нарастал, и он уже прикидывал, с кем надо поговорить во время этого неформального форума единомышленников.

– Иван Елисеевич, – решил он подбодрить разработчика, – я готов вам помочь, если это в моих силах. Но скажите, что конкретно я мог бы сделать?

– Понимаете, – он вдруг залпом допил треть бокала вина, поставил его на столик в полутора метрах от них и стал говорить смелее и быстрее, точно боялся, что потеряет собеседника, – я приехал с целью вовлечь в проект украинских специалистов николаевского предприятия «Заря-Машпроект». Если мы, так сказать, перекупим нескольких инженеров, то на годы сократим сроки налаживания собственного производства. И тут ваш фонд мог бы оказать неоценимую услугу, а все контакты с николаевскими специалистами у меня имеются.

И конструктор подробно рассказал ему, какой может быть механизм взаимодействия с фондом. Дело это было прелюбопытное, не лишенное особых козырей для практической работы разведчика – ведь речь шла о привлечении носителей технологий. В то же время Артеменко должен был доложить об открывшемся шлюзе и снабдить Центр своими предложениями и рекомендациями. Незаметно ошупывая взглядом присутствующих в зале, Артеменко пообещал содействовать в деликатном деле. Они обменялись контактными телефонами, договорились об ориентировочном времени связи, и Артеменко уже собрался оставить своего собеседника, как пожилой заводчанин вдруг озадачил его вопросом:

– Скажите, Алексей Сергеевич, вам нравится то, что сегодня происходит между Россией и Украиной?

Поговорить, что ли, ему хочется, подумал он, глядя на уже сгорбленную под тяжестью лет фигуру.

– А вам? – спросил он и сам почувствовал, как ехидство наползает на собственное лицо. Но седой бородач не обратил на это внимания, а может, в самом деле хотел выговориться.

– Вы знаете, мне очень не нравится. Миссия моя какая-то противная, мы ведь со многими производственниками и разработчиками десятилетия знакомы, связи были прочнее железных

цепей. Отношения за десятилетия сложились, как у родственников. А теперь не знаю, что произошло, почему мы по разные стороны баррикад оказались.

– И у вас есть ответ? – Алексею Сергеевичу не терпелось уйти, но правила приличия и этикета требовали последовательности.

– Да я даже не об этом, а о последствиях. У меня брат – биолог. Ученый. Так вот он считает, что это самая что ни есть внутривидовая агрессия у человека. И у современных людей должны быть веские основания считать внутривидовую агрессию наиболее серьезной из всех опасностей, которые нам угрожают в настоящее время.

Только после этих слов Артеменко прошибло, как будто он увидел вспышку, сноп яркого света, ударивший в глаза. Старик между тем продолжал:

– У нас получается, как у крыс. Если запах чуждый – шерсть встает дыбом, и крысы с выпученными, налившимися кровью глазами начинают смертельную охоту. Только у людей есть одно существенное отличие – нам запах чужака заменяет клич лидера о том, кто есть чужак. И вот я думаю: а разве не может лидер ошибаться?

– Может, пожалуй, что может, – медленно проговорил Артеменко, обуреваемый новыми мыслями о происходящем, слегка оторвавшись от реальных событий. Дальше он говорил машинально. – Но, может быть, это делается с целью усиления?

– Если бы у меня была четкая уверенность, что этот наш внутренний российско-украинский конфликт служит нашему общему укреплению в борьбе с внешними врагами, я бы, пожалуй, согласился с суровой необходимостью нынешних времен. Но беда в том, что такой уверенности у меня нет. Более того, есть уверенность, что эта искусственно спровоцированная дуэль может оказаться очень болезненной. Или даже выйти из-под контроля тех, кто ее задумал. Брат мне много рассказывал и показывал из жизни этих пресловутых крыс, которые, между прочим, весьма схожи с человеком по своей сути. Так вот, больше всего меня поразило то, что во внутривидовой борьбе хотя многие и гибнут от укусов, ранений и потери крови, больше всего животных погибает от нервного истощения, психического перенапряжения и ожидания смертельной схватки. Разве вам это ничего не напоминает из наших сегодняшних реалий?

Вопрос конструктора остался без ответа, да он его и не ждал. Двое участников этой случайной встречи, пожилой мужчина и мужчина средних лет, взяли еще по бокалу, осторожно, без звона, сомкнули их в честь знакомства и разошлись в разные стороны. В тот вечер у Артеменко состоялось в посольстве еще несколько разговоров разной степени важности, и будто бы нарочно он, увлеченно беседуя, натыкался глазами на сутулую фигуру в мешковатом, довольно стареньком костюме. Седина и плавающая старческая походка выделяли его из массы статных, хорошо одетых и великолепно держащихся людей – дипломатов, военных, бизнесменов и их изысканных леди. И мысль, непринужденно посеянная стариком, незаметно поселилась в голове у полковника. Она явилась как мгновенный ответ склонного к анализу мозга на заложенные в него данные: ведь если мы, как крысы, рвем друг друга на части, а между тем очень тщательно соблюдаем внутрисемейную верность, значит, мы точно не одна семья. Мы – разные! Вот, оказывается, в чем вопрос.

Глава седьмая

(Москва – Киев – Бухарест, ноябрь 2007 года – апрель 2008 года)

Эффект разыгранного представления становился похож на действие неизлечимой болезни в организме человека. Внешне человек вполне нормально себя чувствует, сносно работает, весело, ничего не подозревая, улыбается, наслаждается плотскими радостями или чем-то возвышенным – словом, живет. Тогда как внутри него злые силы давно ведут тихую разрушительную работу, готовят его организм к подрыву, который напомнит о тленности всего сущего и превратит подвижное, чувственное тело в гниющую оболочку, выселит душу... Клетки меняют информационный код, и... происходит смена состояния. Жизнь сменяется смертью, свет превращается в темень, на плоскости свободы прорастают сорные признаки рабства. Клетки начинают «думать» иначе, и все – человек вместо развития и счастья получает лихорадочную, никогда не оставляющую его мысль о смерти, а с нею саму смерть... Смерть и жизнь, горе и радость, поражение или победа – все зависит от единственного: информационного кода, заряда мысли.

Именно так происходит и с государством, с планетой, со Вселенной. Как всякий организм, государство развивается, движется по намеченной траектории. Но если внешние силы активно внедряются в процесс его развития и если эти силы достаточно сильны, а государство достаточно слабо, его клетки, точно от воздействия рака, меняют свой код и становятся иными. Не подходящими для данного тела, с его душой, мыслями, доктриной и намерениями... И также как человек в результате болезни переходит в иное состояние, так и государство меняется, становится другим. Так было всегда, менялись лишь способы преобразования территорий. Главный вопрос по-прежнему состоит в материализации мысли. И если раньше мысль приводила в действие мускулы, мускулы использовали железо для воздействия на другие мускулы, и вследствие этого воздействия более слабые приходили к необходимости мыслить по-другому. От фаланги Александра Македонского до танковых столкновений XX века промелькнуло лишь мгновение, и вот уже задача преобразования стала решаться без промежуточных звеньев, от мысли к мысли. Одна мысль, более сильная, более въедливая, более живучая, поглощает слабую и становится доминирующей, захватывая пространства и территории. Так незаметно выросла и трансформировалась роль разведки – от слежения за развитием чужих мускулов и железа до прямого воздействия на чужую мысль.

Алексей Сергеевич Артеменко в этот период жизни редко задумывался над глобальными вопросами, его слишком глубоко втянул ошеломляющий водоворот непрерывной, кипучей деятельности. Лишь иногда, когда фрагменты боевых действий оказывались столь впечатляющими, они тотчас навсегда врезались в память. Он отмечал это – может быть, в надежде поразмыслить о них позже. Такая же реакция была у полковника, когда в Москве он получил статистические данные ведущейся кибервойны. Если бы он был однозначен в своих суждениях, то, верно, остался бы доволен глубиной и масштабами распространения опухоли. К его изумлению, в это время только на русскоязычных блогах ежедневно появлялось не менее 6,5 тысячи записей, посвященных отношениям между соседними странами. Алексея Сергеевича особенно поразило то, что публикаций о славянской ссоре насчитывалось скрупулезными счетоводами в 7 раз больше, чем записей о сексе в тех же дневниках. Конечно, не все материалы были нацелены на изменение информационного кода украинской ментальности, виднелись следы борьбы, хаотические всплески противостояния. Но по сравнению с их подготовленной информационной машиной, развернутыми виртуальными дивизиями слов, песен, слоганов, статей, газет, журналов, книг, фильмов и прочее и прочее, украинское национальное сопротивление было попыткой карликов усмирить войско великанов. Все механизмы борьбы работали синхронно, системно, с опорой на обширный опыт прошлого. Правда, у Киева оставались еще два

явных союзника: Вашингтон и Варшава. И порой с ними приходилось считаться. Накал страстей стал критическим, когда американский сенат одобрил присоединение Украины к специальной программе приобретения членства в НАТО, и уже, кажется, не стало в городах украинцев, которые не знали бы магические слова «ПДЧ» – План действий по приобретению членства в НАТО. Только одни были уверены в том, что Вашингтон вступился за Киев, и видели в этом защиту и спасение, а другие – желание отъявленного врага покалечить Украину. Наступал момент истины, безумная лихорадка охватила всех, сверху донизу пошла цепная реакция инструктажей, жестких постановок задач. Артеменко вместе с коллегами тонул в облаке всеобщей нервозности – шаг Вашингтона Москва расценила как начало решительного наступления на свои интересы в регионе.

Разведчиков-нелегалов, работающих по всей Украине, в срочном порядке вызывали для корректировки задач. По мрачности, скорости и безотлагательности всего этого действия Артеменко понял: маховик вот-вот повернется и начнется бойня. Теперь уже не существовало направления главного удара, отныне всякий удар принимал размеры и силу главного. «Если ребята в Вашингтоне полагают, что их поддержка – это все, решенный вопрос, то они глубоко ошибаются. Потому что Европа тут, и пугать нужно этих, а не заокеанских. Пугать глобальными вещами, потерей контроля над такими вопросами, как мир и война», – слушал Артеменко наставления Центра, вложенные в уста Виктора Евгеньевича. Круг произносил их сосредоточенно, с деланой расстановкой, особенным ударением едва ли не на каждом слове, и в его виде, в пустых твердых глазах и напряженных от глухих звуков губах можно было легко угадать прямолинейность и незыблемость самой системы.

Система гудела, как пчелиный рой, только более злой и беспощадный.

Медленно и невозмутимо тикающие часы истории приближали генеральное заседание западных мужей, и все винтики системы напряглись в томительном ожидании: так отступят ли западные союзники от Украины или не отступят? «Вот увидишь, союзники – сволочи. Об этом еще Булгаков сказал, и время ничего не изменило!» – бросил Алексею Сергеевичу его куратор, и Артеменко тут же уловил, что Круг опять говорит не своими словами, что эти слова, как мантры, повторяют его начальники и начальники его начальников. Но Артеменко не мог не замечать, что в самой Европе его коллеги не на шутку засуетились. Не оглядываясь и ничего не боясь, показывали зубы налево и направо. И он не мог не признать: работа у них выходила на редкость результативная, а порой и просто виртуозная. «Такого счастья, как Украина, нам и даром не надо», – с умилением прочитал Артеменко начало одной из статей. Европейские политики начинали сдаваться под напором российской агрессивности, и публичные раскаяния следовали одно за другим, неотвратимо, как сход лавины от долго накапливавшегося на крутом склоне снега. Возникли из наэлектризованного пространства слова министра по европейским вопросам Франции Жан-Пьера Жуйе о том, что вступление Украины и Грузии в НАТО на данном этапе противоречит интересам Европы, а также может повредить ее отношениям с Россией. Из соседней столицы ему вторил госминистр МИД Германии Гернот Эрлер о том, что непримиримые политические лагеря делают все для того, чтобы весь мир с большой озабоченностью следил за развитием событий в Украине. Благо, европейцам было на кого перевести стрелки, лихие украинские властители давно уж, как и в былые времена, оторвались от реальности и в азарте коридорных сражений не замечали ничего вокруг. «Они сами виноваты, перессорились между собой, не сумели поделить власть, а теперь предлагают нам за них отдуваться, – услышал Артеменко от одного западного дипломата в неформальной обстановке на приеме по случаю отъезда какого-то европейского бонза, – пусть решат свои внутренние проблемы, а тогда уж в Европу». – «А они не решат своих внутренних проблем, потому что каждый из прорвавшихся в национальные лидеры видит власть целью, а не средством. В этом коренное отличие ющенко, тимошенко, януковичей от ваших меркелей и саркози», – почти с

ненавистью произнес один из украинских политологов. Слушая, Артеменко немало удивился словам политолога, так как точно знал, что тот старательно работает на «оранжевых».

Так отступятся или не отступятся Берлин и Париж, которые, как уже много раз в истории, вновь выросли до центров принятия решений?.. Отступятся, никуда не денутся! Вопрос о безопасности внутри Украины уже распатан до угрожающих вибраций для тех, кого приучили ценить свою жизнь, свое пространство, свои жизненно важные ценности. Отстаивая свое, они отступятся от чужого, это Артеменко отчетливо видел к началу года переломного – 2008-го.

И вскоре почувствовал. В один из приездов в Москву куратор срочно затребовал от Артеменко обновить разработки силовых сценариев в отношении Украины. Алексей Сергеевич работал сутки, не ложась спать и отрываясь лишь на короткие перерывы на кофе. Он даже вернулся к давно забытым сигаретам, с наслаждением выкурив четыре или пять в пылу интеллектуальной гонки. Естественно, он знал, что таких, как он, разработчиков не менее десятка только в его ведомстве. А сколько еще людей подключены к моделированию в других, можно было только догадываться. Он рассудил, что чем более профессиональным будет анализ, чем больше факторов будет учтено, тем больше шансов у него протолкнуть свои формулировки. И все-таки, работая над моделями военного вторжения на украинские земли, он сам не верил в реалистичность такого хода. Полковник пребывал в уверенности, что просто готовится масштабированная информационная атака. Универсальная пугалка для непосвященных. Босс просто решил закрутить вихрь, возбудить отчаяние и страх или хотя бы толки о предстоящей войне. Просто, полагал Артеменко, нынешний момент требует, чтобы украинская власть была «добита» кровавыми публикациями, а народ зомбирован идеей тотальной опасности, исходящей от теряющей терпение России и ее отважного рулевого. Но в глубинах анализа его держал в тисках загнанный в подвалы сознания ужас. А что если ситуация просто-напросто выйдет из-под контроля? Кто-то не так поймет, рассудит, что это призыв к бою. Сформирует команду экстремистов, которая будет распатывать нервы на отдельно взятом участке территории, объявится неконтролируемая группа рвущихся к власти политиков или просто радикально настроенного населения, желающего присоединиться к России. Ведь и таких немало, искренне верующих, что жить следует в одном большом доме на всех. А если перегорят провода нервов у украинских милицейских генералов, произойдет короткое замыкание у власть имущих? Что тогда?! Силовое наведение порядка, привлечение всемогущего спецназа, появление на арене срочно стянутых антитеррористических групп, кровь, истошные крики... И ответный удар. Бывший десантник размышлял, что появление на горизонте морских пехотинцев Черноморского флота будет сигналом к переброске четырех воздушно-десантных дивизий, которые располагаются почти по периметру границ Украины. И одна из них – кровавая, та, что набила руку и глаз в вечной войне в Чечне... Мысли и видения заводили аналитика столь далеко, что у него начинала трещать голова. Нет! Этого не может быть! Этого нельзя допустить, чтобы брат на брата! А другой голос точно смеялся над ним: а не забыл ли историю, полковник Артеменко, как князья-братья воевали за власть, чтобы сидеть в Киеве? Это же очень человеческое дело – истребление своих ради наращивания силы. Разве не позабыл методику взращивания крысоеда Даты Туташхия: самая сильная крыса та, которая победила сородичей и нажралась их сырого, с кровью, мяса? И разве Сталина не за то чужие боялись, что он своих безжалостно истреблял? Поэтому, взвесив все, Алексей Сергеевич решительно написал в своем отчете: при проведении десантной операции силами морской пехоты в Крыму по занятию ключевых элементов инфраструктуры украинские военные части прямым атакам не подвергать. Он подчеркнул и выделил это предложение, а затем счел необходимым объяснить. Украинское руководство, указал он в аннотации, скорее всего, будет колебаться в организации серьезного сопротивления, и это позволит провести операцию оперативно и наименее кровопролитно. Вот в это Артеменко искренне верил. И искренне не желал, чтобы кто-то, пусть даже его вождь, возвысился за счет крови собратьев.

Через полторы недели Артеменко убедился, что рассчитал верно. Когда он открыл в одном из известных и полностью подконтрольных журналов статью под названием «Операция “Механический мандарин”», то без труда среди свода милитаристских фантазий нашел свою сентенцию. Пусть хоть так, подумал он, перечитывая в десятый раз материал, отмечая, что вошло из его доклада, а что из материалов коллег. Автором статьи выступил очень близкий к Кремлю специалист в области создания образов-фантомов. Фантом сам по себе, он не стеснялся и не прятался за псевдонимы. Статья же без обиняков рассказывала, как при сдержанном варианте вторжения от Украины будет отделен Крым в качестве независимой Крымской республики или присоединившейся к России территории. Артеменко испытывал противоречивые чувства, читая о том, что Киев не станет бросать войска на освобождение Крыма, хотя и сам он описывал эту версию с горячностью знатока. Но вот более широкая версия вторжения, которую он не отрабатывал на бумаге, считая полным абсурдом, его откровенно потрясла. Алексей Сергеевич дрожал от озноба, перечитывая, как «весь юго-восток Украины», вместе с Донбассом, Харьковом и Днепропетровском, становятся российскими территориями. Вывод его покорило: «Закрепление Россией этой территории за собой в качестве дружественного государственного образования или даже путем непосредственного вхождения в состав России может иметь ряд важных плюсов». «Негодяи! Ах негодяи, все к крови идет!» – воскликнул он сам себе громко, забыв, что является офицером военной разведки страны, которая разрабатывала операцию. Это была статья-приговор. Статья-диагноз. Что ж, этот автор или эти авторы добьются того, что горячие головы соседнего государства должны испить приготовленный кровавый суррогат до дна. Артеменко считал такой шаг симптоматичным – никто уже ни от кого не прятался. Это было предвестником появления на арене первого лица, главного антикризисного менеджера. И по Украине прошла волна ропота. Первая... О войне впервые заговорили как о реальной – мысль начала материализовываться.

Полковник ГРУ не ошибся. Даром, что ли, был высоко забравшимся офицером российского Генштаба? «Что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку» – гласит древняя латинская поговорка. Если бы Алексей Сергеевич являлся стопроцентным русским, он, наверное, гордился бы, что именно ее взял за основу действий его хозяин. Но в нем текло слишком много украинской крови, потому заявления Владимира Путина во время саммита НАТО в Бухаресте не вызвали в нем того воодушевления и эмоционального подъема, которые он обнаружил у подавляющего большинства своих коллег. Россия готова и будет влиять на внешнеполитические решения украинской власти! И все тут! И хотя предусмотрительный и деликатный руководитель МИДа Сергей Лавров пытался сгладить горячность своего патрона, мир без труда узрел прямое посягательство на суверенитет соседней страны. То, что Владимир Владимирович прямо заявил о регионах, населенных целиком только русским населением, и фактически вывесил декларацию о правах России на Крым, отнюдь не воодушевило Артеменко. Он расценил это как добивание лежачего, ведь Запад уже отказался от Украины. Несмотря на страстные призывы Вашингтона, все европейские столицы проигнорировали стоны Киева о помощи. Дальше все становилось делом техники. Но грозное предупреждение Путина о необходимости считаться с российскими интересами на территории Украины означало не что иное, как продолжение войны. Придуманные Путиным семнадцать миллионов русских в Украине означают для него, Артеменко, продолжение миссии разведчика в Киеве. Даже уже не разведчика, а подрывника, ведь он работал капсюлем-детонатором. И работа эта, он был вынужден с горечью признать, не просто уже не приносила радости, но становилась попросту неприятной. И что же эти господа европейцы? Молча прожевали сухую и твердую российскую пищу да и проглотили, не запивая. Да, сволочи союзники, прав был Михаил Афанасьевич. Но вот только почему это открытие не радовало самого Артеменко, было загадкой, неприятным открытием, бунтом его природы.

Масштабное континентальное противостояние снова возникло сумрачным миражом и повисло в пространстве, как будто призрак опустился на эту скованную проклятиями землю. Кто же позаботился, чтобы этот участок планеты оказался на шатком, наполненном неожиданностями геополитическом перекрестке? Кто придумал, чтобы именно здесь разыгрывались заседания перераспределительных комиссий и сведущий, строгий в оценках синдикат вершил свою волю? Артеменко не сомневался – после натовского форума Россия будет закрепляться на отвоеванных рубежах. Позиция босса, как это всегда бывает, вынудит рьяных служак подхватить лозунг, и новое наступление на Украину не за горами. Хорошо бы, если только информационное, думал Артеменко, сам страхась своих мыслей. Неужели его отношение к ситуации, да и к самой работе, стало меняться? Будет битва за Севастополь, он ждал ее. Грядет сражение и за саму Украину, ведь не пустить в Европу – это лишь часть плана. А весь план – вовлечь в империю, сделать одной из опор империи. «Несилловые средства обеспечения военной безопасности» – вот модная формула, которую Центр довел до каждого оловянного солдатики. Это то, что должно веревочным кольцом, западней быть разложено вокруг горла непокорных. И если только пойдет не по-нашему, удавка начнет стягиваться. Удивительно, размышлял Артеменко в притихшем Киеве, куда он выбрался с очередной, вероятно, длительной командировкой, отчего тут так пусто, обморочно тихо, почему нет даже признаков волнения? Полковника военной разведки явно смущало то, что он не ощущал внутреннего ликования, чувство промежуточной победы было как-то притувлено, и он не знал, радость там глубоко внутри или уже появились признаки истощения и боли.

Глава восьмая

(Москва, 2008 год)

Почти весь день Алексей Сергеевич провел за письменным столом. Он читал и снова перечитывал выписки из одного документа, переданного утром куратором. Затем размышлял, машинально выводя какую-то остроугольную бессмыслицу отточенным карандашом на листе бумаги рядом – эти резвые движения руки его успокаивали и настраивали сбивающиеся мысли. Он опять возвращался к текстовым фрагментам. После встречи с Виктором Евгеньевичем он не поехал в офис, поскольку поздним вечером снова отправлялся поездом в Киев. Да и полученные тезисы следовало основательно изучить, ведь с собой их брать явно не следовало. То были разрозненные кусочки текста, замысловатая мозаика из тезисов одного секретного документа. «Ознакомьтесь с целями, выведенными вашими коллегами. В ближайшее время их озвучит примерная говорящая голова, и они перестанут быть секретным документом», – отчего-то весело улыбаясь, сообщил ему Круг. Он не добавил, какими именно коллегами, а Артеменко не счел нужным переспрашивать. Скорее всего, это был плод совместных усилий нескольких ведомств, прошедший термическую обработку в мозгах целого ряда высокопоставленных чиновников и всяческих специалистов по информации в президентской администрации. Но, может быть, к такой деликатной работе были допущены лишь считанные лица. Этого он не знал, как не мог знать и многого другого в круговороте информации, поступающей наверх от таких, как он, переваривающейся громадным, из нескольких отделов, желудком и бумерангом возвращающейся в виде задач и психологических головоломок. Про себя он только отметил, что давно не видел Круга таким беспричинно веселым. Сияющие глаза куратора выразительно говорили об удовлетворенности данным моментом. О том, что если и будут сообщения для его подопечного, то лишь приятные. Но Круг не прибавил ничего существенного, они быстро поговорили в его машине и разъехались, словно случайные люди, траектории жизней которых пересекались лишь в роковых точках – по необъяснимым законам тайной хиромантии.

То, во что Артеменко вчитывался, должно было бы его радовать как офицера спецслужб – фронт деятельности растягивался до невообразимых размеров, сектор возможностей для каждого участника расширялся. Но щекочущее нервы предчувствие его не особо радовало – то, что для одних открывает путь к героизму, другим порой кажется мрачной дорогой к забвению. Впрочем, он не стусеивался, когда увидел документ, отшутился и достаточно полюбезничал с куратором, чтобы тот не узрел появившихся в нем странных ощущений. Артеменко вспомнил, как у него возникло непреодолимое желание во время разговора с Виктором Евгеньевичем почесать свербящий нос, но он усилием удержался – за многие годы работы он научился безупречно контролировать не только свою физиогномику, но и каждое движение конечностей. Он научился как бы видеть себя со стороны. Но разве это меняло дело? У него возникали ощущения волонтера, случайно попавшего не на свою войну. Такое чувство выплыло из детства, когда в школе два его дружка всерьез повздорили между собой, а он не знал, как их разнять, и испытывал невыразимое чувство стыда за обоих. И когда его глаза бегло прошлись по написанному, подобное ощущение тотчас вспыхнуло в нем, и неприятный эпизод возник перед глазами.

На нескольких листах бумаги лапидарно излагались условия Украине – некие ультимативно выдвинутые ориентиры, которых следует достичь для нормального соседства. В ином случае будет продолжаться негласная война, прессинг по всем соприкасающимся плоскостям. В первую очередь Москва требовала официального провозглашения и законодательного закрепления нейтрального, внеблокового статуса Украины. Ого, подумал Артеменко, так ведь это, среди прочего, означает практическую ликвидацию законодательной власти как отдель-

ной ветви. То есть украинский парламент должен стать, как в России, ручным и послушным. Небезынтересное сходство с сенатом времен, скажем, императора Тиберия. Мысли закованы, как воины в латы. ... Еще одним безотлагательным условием дружбы и перемирия становилось приращение русскому языку, наряду с украинским, статуса государственного. Все к тому, чтобы государство тихо растворилось в кислоте иллюзий о славянском единстве. А может, оно и к лучшему, что более сильный князь объединяет земли и пространство в единое целое? Но как же тогда народы? Или мы имеем точно один народ? Артеменко разволновался. Если бы речь шла о том, чтобы внедриться танковым клином во Францию или Германию, но тут совсем иное дело. ... Он даже понять не мог, отчего возникала острая боль внутри. В школе он филонил украинский язык, не особо любил заучивать стихи Кобзаря или той же Леси. Но ведь он тогда и Есенина с Пушкиным не жаловал. ... А когда в центре Вашингтона увидел памятник Тарасу, то испытал ясное ощущение гордости и глубоко упрямой радости – вот куда сородич забрался! Но еще большим откровением стало, когда прочитал, что монумент выдающемуся украинцу поставлен даже не за трепетные строки, а за свободолюбие. Этот человек, проживший короткую и несчастливую жизнь, был возведен в ранг национальных символов свободы, готовности отстаивать независимость, право дышать и говорить! И в сравнении с этим высказанная однажды фраза полковника Круга о том, что все они цепные псы хозяина, казалась кошунственной, кинжалом полоснула по сердцу. «А что, – рассуждал тогда его куратор, кажется, не испытывая никакого дискомфорта и не понимая всей пошлости признания, – живем мы отменно, средства на нас тратятся о-го-го какие, и потому, когда команду дадут лаять или рвать кого, мы рассуждать не станем». От воспоминания Алексей Сергеевич испытал легкое чувство тошноты. Но все-таки другой голос, рациональный и прагматичный, был силен в нем и отчаянно боролся. Борьба вола с волком, которая долго не может окончиться чьей-либо победой. И украинский россиянин Артеменко признавал: сила голоса разума была достаточно сильна, чтобы отпугнуть голос сердца, жаждущий не столько справедливости, сколько индивидуальной лазейки к какому-нибудь пьедесталу, детскому желанию значимости, и значимости верной, настоящей, а не мерзкой, с душком. Хорошо, твердил голос разума, но сам же ты украинским языком без радости пользуешься, скорее для развития отношений с подлинными украинцами. И тем не менее, ты был более всего поражен на родине тем, что для стольких людей в самом деле украинский язык был родным.

Был еще один пункт, немало смутивший дотошного читателя. Сохранение православного русско-украинского единства должно осуществляться в лоне Московского патриархата. Ему, как человеку, пришедшему в этот мир с определенной целью, было глубоко наплевать на религию. Потому что он знал: вера – это важно и необходимо, религией же занимается и государство в том числе. Но твердое намерение обратить массы в свою веру, привести люд к общему, нет, не Богу, к общей символике и продюсерам этой символики – это значит закабалить религиозное пространство. Формула звучала безапелляционно: пусть они сами откроются от своего религиозного лидера, пусть славянская вера послужит укреплению империи. Господи милостивый, вопрошал себя Алексей Сергеевич, куда же мы катимся? Ведь Бог-то один, и вера одна, и играть на поводырях, подсунуть своего пастыря тем, кто вырос в колыбели христианства?! А не круто ли это, спрашивал другой голос, исходящий от полковника и вояки. По меньшей мере, беспринципно, бескомпромиссно и максимально жестко.

Остальное вообще выглядело мелочовкой. Уход со сцены власти антироссийских политиков, единые подходы в области образования, культуры и особенно обороны и безопасности. То есть согласование всех назначаемых в секторе безопасности лиц, заключил для себя Артеменко. От министра обороны до торговцев оружием! Не слабо! Это полный контроль на случай, если. ... Артеменко до боли сжал кулаки. Про закрепление флота в Крыму в документе указывалось вскользь, как само собой разумеющееся – форпост ядерной державы, пусть истощенный и ржавеющий, должен находиться в Севастополе. Артеменко хорошо знал, для чего.

Не будучи способным конкурировать по военной мощи с флотом не то что НАТО, но даже одной Турции, не имея даже возможности беспрепятственно выйти из закрытого на замок моря в воды Средиземного, флот имел одну-единственную задачу – контролировать Украину и Грузию. Впрочем, он, согласно документу, должен был за определенное время тихо и основательно перевооружиться, превратиться в реальную мощь с ракетными кораблями, подводными лодками и авиацией. Задумано системно и масштабно, не мог не признать военный, сидевший внутри полковника Артеменко.

Просто великолепно! Если этот, вне всякого сомнения, великий план будет реализован, нет никакой необходимости присоединять к России украинскую территорию. Де-факто она и так становится частью империи. А если к этим пунктам добавить еще одно дополнительное условие – закрепление особого статуса прав и полномочий Крыма с гарантией выборов власти, вот тогда Украина останется в капкане на веки вечные. А пресловутый Запад увидит, воочию убедится в том, сколь поднялась Россия, сколь весома она в мире, который эти глупцы все еще считают однополярным. Взамен же Россия сулила гарантии. Хотя и там в каждом пункте можно было без труда отыскать уловку, продуманно расставленные силки для неискушенной дичи. Все правильно, у политики должен быть кнут и пряник – азбучно просто, велосипед уже давно изобретен.

На фоне всего этого борьба с реабилитацией в украинской истории активистов ОУН-УПА и других национальных течений казалась щелканьем семечек по сравнению с разбиванием орехов в крепких доспехах. Хотя и тут аналитический мозг разведчика не мог не отметить рационализма идеи – это ведь инъекция на ментальном уровне, и состоит она в коррекции памяти и менталитета целой нации. Как и в вопросе развития оборонно-промышленной кооперации, где также содержалась заковыка: дать ряду украинских предприятий заказы, но на самом деле связать их так крепко, чтобы они не научились делать ничего более, чем комплектующие для российских производителей конечной продукции.

Так размышлял Артеменко, пребывая в замешательстве и принимая то одну сторону, то другую. На душе у него было беспокойно и безрадостно. За счет чего или кого будут осуществляться победы? Кто будет вести пропаганду возрождения союза Украины и России, кто там, внутри Украины, будет с пеной у рта доказывать преимущества единого экономического пространства и перехода от различных бизнес-проектов к единой рублевой валюте? Ответ был предельно понятен: те украинцы, кто заинтересован в персональном росте за счет сближения с Россией. Тут Артеменко был вынужден признать полную правоту руководителей его ведомства, которые делали ставки на несметное число неудовлетворенных украинцев, готовых ради собственного возвышения на сделки с соседним государством. Самое прелюбопытное в этой истории, что подавляющее большинство таких украинцев искренне верят, что только в союзе с Россией возможно улучшение жизни. Не догадываются, что вся та свежая людская масса необходима для латания демографических дыр, усиления воюющей армии славянской кровью, укрепление империи территорией. И вот теперь сам он будет подыскивать адекватных типов, способных на территории Украины построить часть России. Да, вообще забавная у него складывалась история профессиональной деятельности. Да и жизни вообще. И неизвестно, сможет он когда-нибудь рассказать из нее хоть что-то. Только жена знала некоторые подробности его деятельности, только ей он говорил о своих сомнениях. К счастью, только она одна...

Часть вторая Столкновение волкодавов

Собственно человеческое и индивидуальное составляет лишь самый верхний слой коллективного бессознательного, который, уходя вниз, достигает уровня животного.

Карл Густав Юнг

Глава первая

(Ставрополь, штаб 247-го полка 21-й десантно-штурмовой бригады, 2001 год)

1

Волкодавы бывают разными. Массивная и лохматая, как медведь, среднеазиатская овчарка с широкой лобной костью только с первого взгляда кажется неуклюжей. Когда встретится среднеазиатскому алабаю волчья стая, он смело сбивает вожака при помощи своего бычьего лба, затем мгновенно клыком подрывает волчью глотку, раздирая главную жизненную артерию. Стая при таком развитии событий предпочитает ретироваться. Мускулистые, необычайно выносливые и нечувствительные к боли американские питбультерьеры, изначально предназначенные для схваток с хищником в природе, могут в исступлении драки вырвать грудную клетку противнику или в несколько мгновений перегрызть передние лапы. Давление их челюстей, превышающее две с половиной атмосферы, превращает кость в раздробленное месиво. Хитрый бульдог обладает мертвой хваткой и может задушить любого великана, повиснув на его могучей шее.

И все-таки отважные волкодавы благородны по своей природе и очень четко понимают разницу между противником и врагом. И даже стравленные жаждающими крови людьми кавказский волкодав и американский питбультерьер ведут себя, как звери, то есть выглядят порядочнее стравивших их людей: если пит оказывается перевернутым и открывает живот, волкодав отпускает его с миром...

Иное поведение озверевших людей. Пробудившие войной свои первобытные инстинкты, превратившиеся в вечно тикающий бойцовский механизм, они уже никогда не дают слабину друг другу. Они страшнее животных потому, что кроме инстинктов включают силу сознания и намерения, материализуют преступные помыслы. И это делает человека убийцей изощренным, алчущим увидеть мучительную, полную боли и унижений смерть ближнего. Война расшвыряет людей, в отличие от собачьей бойни, никогда не носит ритуальный характер. Война сопровождается острым, дурманящим запахом произвола. Наступает момент, когда люди, вкусившие войны, уже не в состоянии думать о том, насколько их хозяева безжалостны и циничны по отношению к ним, – азарт крови заменяет им все. И хозяева, как и в случае со стравленными псами, гораздо хуже своих слуг, ищущих рукопашной схватки. Они на редкость расчетливы, а придуманные ими блестящие награды и изощренные наказания формируют искусственные ценности, фетиши, возведенные в степень такого же фиктивного абсолюта. Так было всегда, от первобытных времен до XXI века, и природа людей ничуть не изменилась с выходом в космос и расщеплением атома...

2

Подполковник Дидусь после десятилетнего участия в почти непрерывных войнах и вооруженных конфликтах на Кавказе превратился в особую разновидность волкодава, имеющего в мирном социуме облик не только вменяемого, но и даже впечатляюще вежливого человека, обладающего той привлекательной формой харизмы, какую дает мужчине неколебимая уверенность витязя. Немногие знали, до какой степени натренирована его мертвая хватка, ибо внешность худого, жилистого офицера с ироничной полуулыбкой на устах была обманчива. Жизнь научила его, что без этой хватки сражение наверняка будет проиграно, с нею же шансы выжить и победить удесятятся, хотя никогда и не гарантируют победы. Отрешенность от всего мира и мрачная, невозмутимая сосредоточенность давно уже стали основой его внутреннего стержня; они особенно подчеркивались в его облике, когда человек чутьем слышал приближение смертельной опасности. Если бы он был страстным почитателем Ницше, то, верно, обнаружил бы у него замечательную характеристику себя самого: кто хочет стать предводителем людей, должен в течение доброго промежутка времени слыть среди них опаснейшим врагом. Это было именно о нем, хотя сам он не знал того, да и редко задумывался над философскими вопросами; его научила война – лучший из учителей и злейший враг всех философов.

После «Фрунзенки», как в быту называли главное учебное заведение офицеров российской армии, подполковник Дидусь получил вполне ожидаемое предписание – принять хлопотную, но весьма почетную в любой воинской части должность начальника штаба полка. По вполне логичному стечению обстоятельств он возвращался в свою родную часть, из которой уехал три года назад успешным майором. Ко времени его службы в этой части некогда значное, солнечно-теплое место советских времен, о котором в училище он даже не смел помышлять, превратилось в выпотрошенное непрерывной войной, искалеченное, отравленное пространство. Когда-то цветущая, радующая глаз земля, с которой война быстро вымыла сынков влиятельных столичных щеголей с большими звездами на погонах, теперь имела неистребимый запах горелого и гниющего человеческого мяса, прелых ног в грязных портянках и исчезающей, просто неистребимой гари. Но она по-прежнему влекла и вездесущих живодедов, и посланных для защиты российских интересов необученных юнцов, и желающих подзаработать бывших солдат советской империи, и опытных воинов, знающих толк в войне, и рассчитывающих удовлетворить одновременно и растущие аппетиты новой власти, и свои личные амбиции. Чего греха таить, для определенной категории мужчин тут был свой золотиносный Клондайк. И только парализованные горы, словно заколдованные чудовищным кукольным вертепом, по-прежнему тоскливо взирали на обреченные человеческие существа, возмнившие себя хозяевами территорий. Почти весь Кавказ, еще недавно одинаково приветливый ко всем, теперь представлял собой гигантский дремлющий вулкан. Подобно эбонитовой палочке, он был наэлектризован агрессией и всеобщей жаждой крови. Тут допустили разгерметизацию пространства, и все, кто обитал здесь ранее и кто пришел и обжился, теперь до неистовства презирали жизнь и до бесконечности любили смерть. Порой сами того не осознавая.

Но подполковник Дидусь не опасался обволакивающего его тайного тяготения к смерти, хотя к окончанию академии его сознание все чаще будоражили по ночам сны о войне. Он знал, что война – наркотик, но все еще не верил в собственную зависимость от нее. Правда, от близости смерти чувство страха давно притупилось в нем, он давно уже не испытывал животного озноба и дрожи поджилков, и порой, слыша свист шальной пули подле себя, он почти без трепета пропускал мысль: «Ну, а когда ж меня накроет? Ведь до бесконечности не бывает отсрочки». Но как бы это ни выглядело парадоксально, только тут, на этой кровавой, вероломной и подлой войне, лишенной привычных клише цивилизованного мира, он ощущал свой рост, достижение особой значимости, чего-то реального мужского, появления заоблачной самооценки. Не

говоря уже об азарте, игре в прятки с самой смертью, что затягивало в трясины неведомой и неизлечимой болезни. Теперь, после сладкой трехлетней паузы в Москве, он с вожделием возвращался к привычному делу и даже направлялся к своему прежнему начальнику, который, как он знал, не будет его жаловать, поскольку вышел перед академией неприятный казус. Он тогда, будучи лучшим комбатом в полку, уже во второй раз нацелился на высшее военное образование; первый поход за знаниями провалился из-за непредвиденной цепи случайностей, вызванных все той же войной. Кэп¹ же, молодцеватый, не без хитринки тип, сделал своему комбату очень даже деловое предложение: квартиру в обмен за отказ поступать в том году в академию. И тогда майор Дидусь предложение принял, не без скрипа в душе, разумеется. Потому что квартира – это залог благополучия семьи, от которого он был не в силах отказаться, хотя лично ему от квартиры было слишком мало проку. Но на его беду, а может быть, и на его счастье, заглянуло в полк высокое начальство из штаба ВДВ.

– Ты что ж это, комбат, передумал в академию? – с язвительным вызовом задал ему вопрос штабной кадровик, успешный и потому улыбочивый полковник. Они встретились случайно на крыльце штаба полка, были одни, и майор Дидусь открыл ему тайну своего отказа.

– Вот что, давай не дури, пиши прямо сейчас рапорт и с судьбой своей так не шути, – настойчиво порекомендовал ему лукавый штабник, – а квартиру тебе и так давно обязаны были дать. Прохвост твой Сухоруков, хоть... может, и правильно рычаги власти употребляет.

И Игорь Николаевич решился, ибо какой настоящий солдат не мечтает стать генералом. Тут же золотой блеск генеральских звезд и трепетная линия голубого лампаса на брюках вскружили ему голову, он захмелел в своем обостренном желании. Вспомнил, что и годы летят, и война все может перечеркнуть в любой момент... Да и полковник, хорошо знавший его личное дело по прошлому году и еще больше понимавший, что майор давно потом и кровью заслужил академию, был настолько учтив, что подождал, пока прямо на штабном подоконнике нервным почерком был нацарапан рапорт. А майор Дидусь так и не узнал, как и кем этот рапорт был завизирован, но только пришел к нему неожиданно счастливой вестью вызов из громогласной и не терпящей возражений столицы. Кэп скрипел от злости зубами, но смирился и затаил обиду. Жаль ему было отданной прохвосту квартиры. «Ну, комбат, не дай бог тебе попасть еще когда-нибудь ко мне служить», – только и прошипел с нескрываемой злостью на прощанье уязвленный штабной игрой полковник Сухоруков.

И вот пролетело три года, стоял уже совсем новый 2001 год. Много воды утекло со времени того разговора, началась новая чеченская война, да и головы многие достойные офицеры сложили. И вот должен был теперь уже подполковник Дидусь влиться в строй под началом все того же Сухорукова. Подполковник Дидусь ничуть не страшился встречи со своим начальником, тем более что война смывает плесень с отношений в военных коллективах. Более того, он знал себе цену, а добытые бессонными ночами полномочия вполне позволяли претендовать на новые высоты, нацелился на новые ориентиры. Без страха и сомнения он отворил дверь в кабинет кэпа, вошел и, плотно закрыв ее, обратился к командиру, не спрашивая, как это полагается, разрешения войти.

– Товарищ полковник, подполковник Дидусь прибыл для дальнейшего прохождения службы в должности начальника штаба полка.

Командир полка восседал за большим и грубым, выдавшим виды столом, обложенный грудой бумаг. Почти ничего тут за три года не изменилось, а у него пролетела целая жизнь в столице. Кэп поднял голову, и в черных глазах его сверкнула гремучая смесь злости, попанной командирской гордости и жажды указать зарвавшемуся подчиненному его место. Конечно, он уже знал по своим каналам, что именно к нему едет новоявленный выпускник. Но и подполковник Дидусь хорошо знал, что командир вот-вот уйдет на повышение и станет начальником

¹ Командир полка.

штаба дивизии. Фактически на чемоданах сидит. Да и выхода у него не было иного, как играть ва-банк, делать начатое дело. Потому Игорь Николаевич не удивился, когда полковник надул щеки, нахохлился напыщенным индюком и, едва разжав губы, со злой насмешкой передразнил его.

– Что-что? Кто прибыл?! – командир рывкнул, как ужалил. После чего, как будто и не было никого в кабинете, вонзил взгляд в свои бумаги на столе. Но Игорь Николаевич ожидал нападения, он ничуть не обиделся.

Ох, как командир полка предвкушал порку, как готовился! И подполковник Дидусь это тоже знал. А на что он рассчитывал, на объятия? Именно теперь наступил тот ключевой момент, который и определит формат всех будущих отношений. И оба старших офицера хорошо знали об этом; командир намеревался сразу сломать подчиненного, не желая видеть в нем равного соратника, подчиненный для изменения ситуации должен был сократить дистанцию, совершить неожиданное асимметричное действие. И Игорь Николаевич сделал то, что чаще всего подчиненные считают немислимым: он пошел в запланированную на этот случай лобовую атаку. Приблизившись почти к самому столу, он наклонился и ровным, внушающим уважение, чеканным голосом очень внятно и громко произнес:

– Х.. в кожаном пальто! Ваш начальник штаба прибыл!

Что и говорить, это была неслыханная дерзость, невиданные для молодого назначенца наглость и хамство. Булатный голос нового начальника штаба заставил бы вздрогнуть кого угодно, но только не боевого кэпа Сухорукова. Полковник удивленно вскинул брови, причем глаза его в этот момент казались выпуклыми, вываливающимися из орбит. Такого он явно не ожидал. Но офицер он был стреляный.

– А что это вы, подполковник, вразвалочку стоите перед своим командиром?! А ну-ка ножки выпрямите!

Игорь Николаевич довольно улыбнулся, послушно выпрямился, стратегический эффект уже был достигнут, так что дальше будет только позиционная игра. Он видел, что кэп кипит, как чайник на огне, который забыли выключить и он, того гляди, засвистит сейчас от перенапряжения и дикой ярости. И теперь демонстрировал нарочитое послушание, тогда как командир полка с громадным трудом подавил в себе желание заорать на прибывшего да оторваться привычным шальным матом.

– Ну-ка, проверим, чему вас там научили в академиях! Доложите-ка пункты боевого устава: что необходимо сделать при организации наступления полка и обороны?

Игорь Николаевич стремился побороть бушевавшее внутри него волнение, но, несмотря на усилия, не мог. Потому перечислил не все, исказив, правда, самую малость.

– Так я и думал! Так я и думал! – победно возвестил командир, уже размышляя, какое новое испытание подsunуть своему начальнику штаба для подавления его.

– Владимир Николаевич, мне в поля сейчас собираться? – спросил вдруг начальник штаба, назвав своего командира по имени-отчеству, совсем другим, смиренно-уважительным тоном, желая показать этим, что, с одной стороны, пугать его бесполезно, а с другой, что он давно настроен на боевую обстановку и только ждет приказа. Что готов ко всему в любой момент. И то, что все считают трудной и крайне опасной работой и от чего отлынивают, он ждет с нетерпением. И что учился именно для этого, а не чтобы кичиться двумя звездами на погонах. А еще «Владимир Николаевич» вместо «товарищ полковник» недвусмысленно означало, что молодой начальник штаба безропотно подчиняется авторитету командира, нуждается в его адекватном внимании и поддержке. Не требуя, разумеется, для себя каких-либо особых условий.

Насупившийся командир опять одарил своего подчиненного брызгами искр недовольства и возмущения. Он все еще походил на работающий, высекающий молнии ярких вспышек сварочный аппарат. Он желал бы испепелить этого неподатливого подполковника, но чувство-

вал, что гнев его ситуативный, что знает он своего офицера по прежним боевым заслугам и втайне уважает больше многих других, и что понимают они друг друга с полуслова, и что справедливость будет уместнее беспричинного озлобления, ведь, в конце концов, он сам предложил бывшему боевому комбату не совсем равнозначную замену в качестве приманки. Теперь же то и дело возникало впечатление, будто они на борцовском ковре, а вот тело у подполковника будто жиром смазано, не ухватить. И сам Игорь Николаевич Дидусь отлично осознавал свое преимущество и не ошибся в выбранном способе общения со своим командиром.

– Семья на месте? – спросил ээп почти примирительно, хотя и строго, понимая, что он все-таки получил в лице этого офицера крупную поддержку, приличный заслон, а никак не удар. Опытный и прозорливый офицер, он знал, отчего его подчиненный вновь приехал на войну: ни в каком ином месте в мире он не был так остро востребован, ни в какой другой роли он не мог претендовать на то, чтобы полностью, совершенно раскрыться и проявить себя, и потому нигде ему не было так комфортно, как в зоне постоянного риска. Полковник Сухо-руков за долгие годы службы стал опытным психологом, тонко понимающим переживания и устремления окружающих. Пристально поглядев на заглаженную до беспамятства форму подполковника, на его слишком ярко блестящие новенькие звезды на погонах, приобретенные перед отъездом в московском военторге, на преданный блеск глаз и... смягчился. Он знал, что перед ним вовсе не военный франт, перед ним настоящий, бравый, способный на доблестные дела солдат.

– Семья тут и устроена. Я – в полной готовности приступить к делу...

Нехотя, кажется, не без внутренних усилий, командир указал на стул, давая понять этим, что разговор не окончен, а просто отложен. И вернется он к нему в любой момент...

Глава вторая

(Дагестан, Хасавюрт, штаб группировки войск, 2002 год)

1

Если мужская дружба возникает в момент наивысшей опасности, как правило, положить ей конец может только смерть одного из друзей. Подполковник Андрей Ильич Вишневский, замкомандира вертолетного полка, принадлежал именно к тем считанным людям, которых Игорь Николаевич Дидусь познал в черно-белые моменты чеченской войны. Познакомился, следует признать, при очень скверных и несколько странных даже для военного времени обстоятельствах. Тогда он впервые убедился, что всякая война рано или поздно ставит вопросы: да или нет, черное или белое, настоящий человек или подлый трус, истинный герой или падший предатель?!

Андрей Ильич был не просто боевым подполковником, профессионалом, каких порождает лишь война, но и редким для племени в погонах интеллектуалом. В нем воплотился симбиоз, удивительное сочетание явно несовместимого. Этот лихой пилот мог, к примеру, похулиганить и колесом своей винтокрылой машины в виртуозном полете легко, до небольшой вмятины, ударить по крыше кабины едущего «Урала» – вещь небывалая даже для мастеров. И наряду с этим он слыл знатоком классики, свободно ориентировался в дебрях философии и порой оперировал такими сентенциями, оспаривать которые вряд ли решились бы ученые мужи. Но и это еще не все. Потому что подполковник Вишневский был высоким, статным, худощавым и видным мужчиной с правильными, близкими к симметрии чертами молодцового, волевого лица, на которое могли бы засматриваться и молоденькие девушки, и зрелые дамы. Если бы они были тут, в сумасшедшем водовороте из грязи, крови, пота, солянки, пороха, прокисшей каши и холодной постели в палатке, по которой сутками барабанит неутихающий дождь. Служивцы не раз шутили, что ему бы артистом быть, а он в грешники подался. Но весь набор положительных качеств и привлекательных элементов внешности с лихвой перевешивал один существенный недостаток – был Вишневский задирист, неуживчив, колюч, тщеславен и, в общем, совершенно невыносим в быту. Очевидно, следствием этого обстоятельства и стало его многолетнее одиночество после вполне логичного, хотя и болезненного развода, – ну кто сумеет ужиться с отпетым красавчиком, который вместо комплиментов говорит гадости и вместо поиска компромисса изображает горделивого сфинкса, не желающего принимать во внимание человеческие слабости. Этот человек чувствовал себя чужим в любом обществе, и Игорь Николаевич порой, глядя на него, приходил к убеждению, что такой обречен воевать вечно, до своего последнего мгновения.

Знакомство состоялось, когда Игорь Николаевич еще был отчаянным комбатом, – судьба преподнесла ему тогда жуткое гнилое испытание неподалеку от селения Улус-Керт. По агентурным каналам была получена оперативная информация о том, что неподалеку от населенного пункта развернут мобильный мини-завод по производству самодельных боеприпасов. Более того, часто беспомощная радиотехническая разведка якобы неожиданно проявила свои скрытые таланты и запеленговала радиотелефон одного из полевых командиров, и из переговоров следовало, что внушительная группировка приближалась к этому месту со стороны чеченской косточки – Урус-Мартана. После нескольких оперативных совещаний было принято решение при помощи небольшой поисково-штурмовой группы нанести упреждающий удар по заводу, уничтожить его и сырье, а при возможности, если удастся, установить точные координаты приближающейся группировки, скоординировать нанесение по ней массированного удара с воздуха. Но изюминка состояла в том, что на самом деле никто не был уверен, что противник

еще не достиг места предполагаемого производства. А майор Дидусь, кроме того, хорошо знал, что никто не мог поручиться и за абсолютную достоверность полученных агентурным путем сведений. Жизнь на войне научила его, что нужно во всем сомневаться, когда имеешь дело с чеченцами. Но еще меньше уверенности, когда тебе что-то обещают свои. Он хорошо осознавал, что уничтожение такого объекта может превратиться в жирный плюс и для него, и для его начальников. Особенно, если на той сатанинской мануфактуре лишь охрана да доморожденные умельцы. А может, и погубить всех сразу, потому что отслеживание перемещения чеченских отрядов – дело крайне неблагодарное: они то растворяются в горах, то неожиданно фантастическим образом собираются в атакующий кулак, то выжидают, схоронившись в бесчисленных складках гор.

К тому же, это был один из тех редких случаев, когда командир не вызывал должного доверия комбата. Майор Дидусь очень хорошо знал предназначение и последствия подобных размытых задач. Если старший начальник приказывает тебе «наделать шуму и навести переполох», а потом невзначай прибавляет, чтобы взял побольше боеприпасов, это может означать одно из двух: либо начальник абсолютно некомпетентен, дурак дураком, как говорят в армии, либо дело слишком серьезное и деликатное. Такое, что точно не все вернутся назад. А замкомандира полка подполковник Шинкаренко в этом отношении его смущал основательно. Одновременно и своей явной тупостью, заметно превышающей даже армейскую норму, и невероятной, невообразимой, какой-то звериной хитростью. Этот и черта проведет, говорили о нем офицеры. Восемь месяцев тому назад, когда Шинкаренко был назначен командиром войсковой маневренной группы, ропот в офицерской среде достиг такой силы, что несколько офицеров отказались воевать под его руководством. Шинкаренко без лишнего шума заменили. Но к следующей ротации он как ни в чем не бывало выплыл снова в роли потенциального командира оперативной группы, и майор Дидусь, и комбаты Лапов и Анастасии, сцепив зубы, промолчали. Теперь он жалел об этом. Потому что командир из Шинкаренко оказался никакой. Блеклая, картонная личность, неспособная принимать толковые решения и тем более добиваться их выполнения. Он и в полку-то нередко ставил задачи от третьего лица: «Командир приказал», «Это требует командир полка», «Кэп распорядился». А на войне и вовсе был просто посредником между непреклонным голосом старшего начальника, улавливаемым по радиостанции, и суровыми мужиками-комбатами, которые вполне могли ответить отборной бранью в ответ на халтуру. Но кто-то могучий из тени столичного штаба крепко тянул этого подполковника вверх, потому что приходилось с ним мириться.

Что ж, все нагло врут. И те, кто научился врать всем – и подчиненным, и начальникам, – имеют наибольший успех на службе. Феерический карьерный рост. Но вот он так не может, не научился. Да и черт с ними! Побольше взять боеприпасов... Это сколько – полтора боекомплекта, два?

Игорь Николаевич стоял уже возле своей пропахшей едким дымом палатки.

– Товарищ майор, офицеры собраны, ждут постановки боевой задачи.

Майор упругой походкой подошел к небольшому строю, привычно дернул плечами, расправив их, и ощутил такой же привычный прилив уверенности и бодрости... Подчиненные не обязательно должны знать, что накопело на душе у их командира.

На рассвете следующего дня с довольно тяжелым сердцем майор собрал сорок три человека, из которых девять были офицерами его батальона. В труднодоступный горный район их должны были доставить три «вертушки» – транспортно-боевые вертолеты. Тут-то и познакомился Игорь Николаевич с Вишневым, который лично командовал вертолетной группой. Он хорошо помнил омерзительно промозглый рассвет, зловещее одеяние гор, сотканное из тумана саваны и замерзшие, уже приготовившиеся опасть осенние листья, застывшие в непроливаемом безмолвии. Холодная осенняя дрожь легкими разрядами пробивала у него где-то между лопаток, когда он приказал участникам операции выбросить из рюкзаков сухой паек и

заполнить место дополнительными боеприпасами и гранатами, причем к гранатам присоединить запалы. К нему тихо подошел замполит.

– Николаич, а мы... вообще вернемся? – испуганным шепотом спросил капитан. Зрачки у него были как у проститутки, которой закапали беладонны, но только возбуждение в них было иного порядка – смесь смертельного ужаса и безысходности.

– Это вряд ли... Хотя все может быть, мы ж зубастые, – очень серьезно и без тени улыбки ответил он. Шутка вышла мрачной и натуральной, отчего замполит поежился, втянул тонкую шею в плечи, как будто старался спрятаться.

– Боже мой, Боже мой, когда ж этот ад закончится, за что ж нас так... – шепотом запричитал капитан, возведя глаза к бездонному, бесконечному небу.

Игорь Николаевич только посмотрел на офицера пристальным и печальным взглядом. «Как же все трясется, когда возникает перспектива подпортить пушистую шкурку», – подумал он про себя, затем повернулся к поодаль копошащимся солдатам и офицерам для короткой, отрывистой команды. Круговым движением расправил плечи, и вышло уже ритуально. Подчиненные уже привыкли: после этого символического движения тела все второстепенное отбрасывается к чертям собачьим, начинается мужская работа без оглядки и без раздумий.

– Построение на погрузку через пять минут!

Через минуту-полторы замполит опять незаметно, по-шакальи подскочил к нему из-за спины.

– Николаич, может, что придумать можно?

«Да ты не уймешься, хороняка», – почему-то вспомнились Игорю Николаевичу слова из веселой комедии Гайдая про царя Ивана Васильевича. И он с сардонической усмешкой подумал, какой эффект они произвели бы на этого молодого человека, застрявшего в своем развитии между юношей и мужчиной. Но это было бы слишком жестоко и явно непедagogично, потому Игорь Николаевич, приблизив голову к уху офицера, сказал тихонько:

– Вот ты и придумай. Ты ж в училище изучал психологические хитрости...

Уже перед тем, как в вертолеты забралась почти вся группа, а сам он с офицерами приближался к вертолету, Игорь Николаевич вдруг резко повернулся к замполиту.

– Капитан Игольцев!

Замполит вздрогнул от непривычно официального, холодного обращения.

– Я! – испуганно и не очень уверенно ответил он, удивленно услышав звук собственного голоса, обрамленного рокотом вертолетных двигателей. Глядя на покачивающийся от потоков ветра от вертолетных лопастей козырек его камуфлированной кепки и наполненные невыразимой тоской глаза, Игорь Николаевич немного помедлил. То была тоска по жизни, не полевой, а по хорошей, сытой и разбитной жизни, которой он сам не знал и никогда не видел. Глядя на кепку капитана, комбату почему-то подумалось, что точно так же душа у этого Игольцева трепещет от одной мысли о боевой операции, которой он не желал. Но и позора тоже не желал. И вот душа металась между двумя огнями, не зная, какой выбрать, в каком сгореть... Но решение уже было принято раньше, а решения свои он менял чрезвычайно редко.

– Капитан Игольцев, сдайте оружие и возвращайтесь к батальону.

Губы у капитана вдруг задрожали.

– Николаич, ты... вы... меня отстраняете?

– Нет, просто оставляю, ты тут нужнее, – и Игорь Николаевич подмигнул, невесело, недружелюбно, но так, чтобы замполит понял, что проблемы из этого не будет. – Доложите майору Игнатьеву, что вы тут.

С этими словами Игорь Николаевич повернулся и пошел к вертолету, а капитан Игольцев так и остался стоять как вкопанный, не понимая еще, что произошло и что ему делать. «Полудобро – основная трагедия человека», – крутилась в голове у майора Дидуса чья-то замеча-

тельная фраза; то ли где-то ее слышал, то ли когда-то прочитал, но въелась она в мозг, как пиявка, почему-то именно сейчас...

Минут через двадцать после взлета, когда приближались к месту высадки десанта, подполковник Вишневский вдруг повернулся к Игорю Николаевичу.

– Я вас высаживаю, и на базу.

Голос Вишневого был ровен и спокоен, казалось, что он даже не напрягался, чтобы быть громче натруженных моторов грузенной десантниками «восьмерки». Умные глаза понимающе глядели прямо в душу комбату. Может, проверяет шуткой, почему-то подумалось комбату перед тем, как в его голове возникло землетрясение чувств.

– Что?! – взревел Дидусь так, что его голос ясно и грозно пробился сквозь шум двигателей; офицеры и солдаты внутри железного брюха встрепнулись.

– У меня четкая инструкция командира полка – обеспечить высадку и прибыть на базу.

Вишневский говорил спокойно и аргументированно, никаких нервов, ничего личного. Игорь Николаевич знал, почему у подполковника такое предписание – потому что вертолет на войне важнее взвода, порой даже роты бойцов. Солдат и офицеров новых пришлют, в России их сколько угодно, а вот новых вертолетов и классных летчиков не дождешься. И если они попадут в засаду, то с ними вместе и три вертолета уничтожат, а это уже крупная потеря для всей группировки. Но когда могильный, холодный запах смерти приближается быстрее сверхзвукового истребителя, в голове за доли секунды происходит столкновение вихрей, проигрывающиеся чудовищные картины, единственно возможное решение появляется чрезвычайно быстро.

– Ты вот это видишь?! – Игорь Николаевич ткнул пальцем за свою спину, где из десантного рюкзака торчал одноразовый гранатомет РПГ-22. – Если ты или кто другой взлетит, получит от меня пилюлю.

Подполковник слегка опешил, но не сдавался.

– Не посмеешь по своим, – прошипел он в бессильной ярости.

– Еще как посмею, у меня сорок две жизни на шее, и я за них бороться буду, и за ценой не постою! Приказываю – ждать моего возвращения. Я все сказал, – крикнул майор вертолетчику, хотя прекрасно понимал, что приказывать заместителю командира полка комбат не имеет полномочий. Но вместе с тем он хорошо знал человеческую породу, и особенно интеллигентов, к которым сам не принадлежал и которых готов был бесконечно слушать в условиях уютной квартиры, но недолюбливал в моменты предельного риска и напряжения. Они умны и могут быть смелыми, но они линейны, их мысли симметричны. И если находится воля, способная их перешибить, подавить и подчинить, они сдаются и перекладывают ответственность на чужие плечи. А Дидусь в момент близости смертельной опасности являл собой именно такой сгусток воли.

Жизнь – штука поразительно непредсказуемая и изменчивая. Где ожидаешь легкого участка, обязательно выйдет неимоверно сложный, а где уже приготовишься к смерти, преподнесет тебе вдруг неожиданный подарок. Именно так и произошло в том боевом выходе, который-то и запомнился Игорю Николаевичу как непохожий на остальные своей азбучной простотой. Все произошло, как в волшебной сказке. Они довольно легко обнаружили секретный пункт боевиков, в котором, кроме хорошо налаженного мини-производства, был еще солидный продуктовый лабаз. Все находилось именно там, где кэп на карте поставил карандашом аккуратный крестик. Майор Дидусь расставил охрану, выслал разведку и одновременно приказал саперам основательно проверить базу на предмет ловушек – мин и фугасов. Предупредил, чтобы ни в коем случае ничего не касались руками и тщательно осматривали деревья, на которых могли быть закреплены самодельные фугасы или радиоуправляемые мины. Минут через двадцать старший сержант доложил, что на базе взрывоопасных сюрпризов нет. Это казалось настолько невероятным, что комбат не поверил. Дождался докладов трех разведгрупп и приказал выставить вокруг базы наблюдателей. Все было чисто, однако он все еще ждал подвоха.

Но делать было нечего, пришлось поверить в фантастическую иллюзию мимолетного счастья. Осмотрев базу лично, он приказал собрать весь имеющийся тротил, специально доставленный для уничтожения производства, а также все мины. Суровый комбат уперся взглядом в мешки с селитрой и серебрянкой, и горькая усмешка судорогой прошла по его лицу. Как, оказывается, просто создавать оружие промысла на человека, этого зверя, мнящего себя умным и изворотливым...

И Игорь Николаевич задумал рискованный шаг – вместо того чтобы просто уничтожить базу и уйти, он решил угробить и определенное количество подходящих боевиков. Для чего с минерами неугомонный командир расставил несколько замаскированных мин-ловушек и фугасов. Таким образом, чтобы срабатывание одной из них стало сигналом появления на базе боевиков и позволило с помощью дистанционного радиоуправления вызвать детонацию тридцатикилограммового тротилового заклада, уложенного под мешки. Риск состоял в возможном преследовании, в том случае если группировка боевиков окажется крупной. Тогда цена сорока двух жизней будет определяться быстротой достижения ими вертолетов и оперативностью взлета винтокрылых птиц. Но им опять несказанно повезло, с тех пор комбата вообще прозвали везучим. Хотя он-то сам знал, что никакой он не фартовый парень, просто уважение к собственной цели заставляет его мозг постоянно шевелиться, выдумывать что-то новое, рисковать, мучить бойцов и офицеров изнурительными тренировками, просчитывать каждый шаг любой операции.

Когда через три с половиной часа они дождались прихода боевиков, то заставили содрогнуться горы от кощунственного вмешательства в их вековую неприкосновенность. Уходя к вертолетам, Игорь Николаевич увидел на плоском камне большую мертвую птицу с расплюсченной, окровавленной головой – ее, верно, вынесло на три сотни метров взрывной волной. На миг комбату стало невыразимо жаль и эту несчастную птицу, и эти величественные горы с райски чистым воздухом, с их феноменальной тишиной. И этот божественный участок земли, как и многие другие участки, они превращают в очередной филиал горящего Ада. Ведь это сигналы, которые подает Природа, и за годы войны он научился безошибочно распознавать их. И удивляться. Тому, что ему не жаль бородатых горцев, которых ему определили врагами, но жаль распластанную птицу, разорванную в ходе людских разборок. И вдруг стало майору стыдно, но не за конкретную операцию, которая развивалась с редким успехом, а вообще за всю их нечеловеческую кутерьму тут, за осознанное распространение чумы в пространстве, от которой гибли и противник, и они сами. Нет, не научились они любить ближнего, не умеют любить и себя, еще не время! А когда придет это время и придет ли?!

Спазм первого, самого сильного шока позволил маленькой группе оторваться от жаждущих мести боевиков. «Вертушки» во главе с Вишневым смиренно ждали их с отправленной к ним еще раньше большей частью отряда, и группа прикрытия, с которой оставался и комбат, без единого выстрела откатилась к уже гудящим двигателями вертолетам, успев расставить на пути боевиков несколько мин на растяжках. Одна из них оглушительным взрывом возвестила о раскрывшихся для кого-то смертельных объятиях, когда вертолетный караван был вне досягаемости переносных зенитных ракет. Уже через час полковник Сухоруков докладывал в штаб дивизии о небывалом успехе, выпавшем на долю его части.

2

Вот с этим-то Вишневым и сидел Игорь Николаевич в пошарпанном, с облупленной краской армейском КУНГе² за бутылкой великолепного французского «Мартеля», привезенного специально для боевого товарища по случаю своего прибытия в лагерь. Экзотический

² Аббревиатура, обозначающая тип закрытого кузова-фургона для грузовиков.

«Мартель» не вязался с обстановкой, но уходил самым чудесным образом. Казенное место могло бы поразить неказистостью и унылой серостью любого пришельца с «Большой земли», но только не Игоря Николаевича, который боялся сам себе признаться, что соскучился по нехитрой офицерской обстановке: покрытому пластиком столу, обитым жестью стенкам, прикрученным табуреткам. Атмосфера войны с запахом гари и приготовленного в полях обеда была ему ближе мягких кресел уютной квартиры и теплых домашних тапочек. Вернее, он готов был некоторое время наслаждаться роскошью, но лишь непродолжительно, в качестве награды за достигнутые победы.

Прошло уж больше часа с момента их встречи, и они успели вспомнить многих живых и помянуть погибших товарищей, обсуждая разные эпизоды абсурдной войны, в которой бесшабашный героизм смешался с нелепостью бесконечного множества смертей.

– А что, Ильич, правда, что вторая чеченская кампания жестче первой выходит? Нам в академии об этом все уши прожужжали.

Игорь Николаевич любил разговаривать с Вишневым, щеголявшим не только редким боевым опытом, но и знавшим толк во многих отвлеченных, далеких от войны вещах. Порой он брался за объяснение столь запутанных вещей, что у собеседников дух захватывало, особенно когда у него действительно вылетала из уст неординарная формула.

– Что значит «жестче»? – Андрей Ильич откинулся на табурете и оперся плечом о стенку. – Люди и тогда и сейчас гибли, жестокости хватало всегда с обеих сторон, и сейчас ее выше крыши. Но, пожалуй, нынче дело стало более дрянным, протухшим, с явно гнилым, болотным душком. Мы тут, как в трясине, засели. И знаешь почему, Николаич?

– Почему? – Игорь Николаевич налил из литровой бутылки по полрюмки добротного офицерского напитка и потянулся за консервной банкой с жирной селедкой. Рюмки были латунные, блестящие, сделанные из боеприпасов, и даже они, казалось, излучали к Игорю Николаевичу особую, лагерную приветливость. Дорогой коньяк смотрелся несуразно в окружении этих жестянок, на фоне матерого военно-холостяцкого быта. Сам же он часто оглядывал убогое убранство КУНГа и незаметно от других глубокими вдохами впитывал запах войны. В нем присутствовала особая дерзость, странная страсть, схожая с сексуальной, азарт похлестке любой игры в казино. Он думал, что вот опять на войне, там, где он нужнее всего, и завораживающий призрачный дух вселенской борьбы медленно проникал в недра тела и в глубины души – через ноздри, через уши, через рецепторы на пальцах после прикосновения к лагерным вещам. Он медленно становился неотъемлемой частью самой войны. Дидусь ощущал чувство непреодолимой нежности и к грубой обивке КУНГа, и к непримиримому, неподражаемому Вишневскому, и к закопченным солдатам, с которыми уже через считанные дни придется участвовать в боевых действиях.

– Я тебе объясню перемены. Просто больше безысходности стало, больше откровенности, оголтелости больше. Уже никто ничего не скрывает. В первые годы чеченской войны, еще при Ельцине, отсутствовало централизованное руководство и каждый генерал пребывал в уверенности, что выйдет из войны великим полководцем. Помнишь, ваш Грачев толкал прожекты и авантюры, и все, радостно повизгивая, спешили на смерть? Себя вспомни даже комбатом – много ли ты думал о причинах и странных перипетиях этой войны?!

– Ну, я и тогда, и сейчас служить пришел, так что мне чем хуже, тем лучше, – вставил Дидусь поспешно, хотя его никто не просил отвечать. И про себя тотчас подумал, что глупо и не к месту он сказал, и его ощущения, возможно, вызваны мимолетной эйфорией прибытия в лагерь. Действительно, Вишневский прав: разве до анализа приказов было, надо было думать, как себя обозначить в однообразном строю цвета хаки да людей сохранить.

– Вот-вот, на таких рвачах вся война и держится, – тотчас ухватился Вишневский, – да еще на таких пришибленных, как я, которым в том мире места не находится. Но сегодня даже солдаты знают, почему и зачем они тут воюют, и в этом трагизм всего этого военного фарса.

Вот Паша-Мерседес, наш замечательный полководец, заявил, что Грозный может за два часа захватить один воздушно-десантный полк, и как потом там легко, за одну только фразу, положили несколько сотен мальчиков неопытных, отправленных просто на смерть. Я не завидую пехотным командирам – с каждым днем все труднее убедить солдата, что он воюет во славу отечества. И те, что с жуткими обрубками вместо рук или ног уже вернулись домой, тоже подковали идущих следом относительно того, какова цена «Великой России».

– Ладно, давай! – Игорь Николаевич поднял самодельную рюмку, потому что не хотелось сразу получить большую дозу негатива, – чтоб никто не сомневался в величии России.

Они легко коснулись рюмками и с наслаждением поглотили содержимое, приятно обжигающее внутренности пряной сладостью. Ухватив на вилку кусок селедки, а потом еще пару колечек крупно порезанного лука, Вишневский жевал с наслаждением, закатив глаза к жестяному потолку. Вот такие простые у нас запросы, улыбнулся про себя Игорь Николаевич, глядя на эту идиллическую картину.

– Такую закуску обычно под водку употребляют...

– Да наплевать мне, что делают обычно. Мне так кайфово! Давно такого коньячку не пивал... Ты не против?

– Я – нет, конечно, – заверил друга Игорь Николаевич.

Вишневский продолжил рассуждения.

– Понимаешь, Дед, – начал он с оттенком доверительности, употребив училищное прозвище Игоря Николаевича. На паралингвистическом языке их общения это означало, что дальше речь пойдет о слишком наболевшем, сугубо личном. – Мы тут на чьих костях строим победу? Мы опираемся на молодых пацанов с мозгами, забытыми примитивными идеологическими лозунгами. К ним прибавь тридцатипяти-сорокалетних мужиков из глубинки в латаных-перелатанных камуфляжах, загнанных в угол нищетой и безысходностью. Они, кстати, очень хорошо понимают все скотство этой подлой войны, но идут в надежде накормить семью. Ну добавь еще офицеров, пусть и порядочных, как ты, например, но желающих вылезти из дерьма за счет войны, потому что нет у тебя в Генштабе в Москве папы или дяди в лампадах. И с другой стороны, мы имеем уже совершенно ясное понимание, кому и зачем нужна эта война. И мало кто хочет умирать за банальную формулу «наведение конституционного порядка в Чечне».

Вишневский взял ломоть хлеба, обильно намазал на него лососевый паштет и кивнул на консервную банку.

– Вот те, которые жрут это каждый день, а не так, как мы, раз в полгода, отмечая важные для нас события, вот они давно засветились.

Игорь Николаевич внимательно слушал, все больше изумляясь перемене, которая произошла в товарище за три минувших года. Его сознание и восприятие ситуации остановилось в момент ухода в академию, а тут, оказывается, произошло много событий, которые трактуются вовсе не так однозначно, как он полагал. Да, он не понаслышке знал, что продолжительная война затеяна для усиления России, которой нужен враг. Он слышал, что в войне заинтересованы кремлевские лидеры, чтобы поддерживать у населения страны острое ощущение опасности и нужду в защите. И благодаря войне укрепить свой имидж. Но прежде никогда не задумывался об этом всерьез, потому что академия была целью, и вот теперь должностной рост превратился в наиболее важный критерий самооценки. Многое из того, что в этот вечер в лагере говорил Вишневский, было для него ново, непонятно и непостижимо. Вертолетчик же тем временем развивал свою мысль, и его сильный бас заставил вибрировать все маленькое пространство КУНГа, создал в нем изломанные ритмы, похожие на заклинания шамана.

– Ты хорошо знаешь, сколько людей полегло из-за бездарных приказов при двух штурмах Грозного. Хотя ты, на свое счастье, второй штурм Грозного пропустил. Но, посуди сам, если вторая чеченская война началась аккурат после вторжения Басаева и Хаттаба в Дагестан,

взрывов жилых домов в Москве и Буйнакске – а ты-то хорошо знаешь историю Шамиля Басаева, – то кто ее начал, эту вторую войну?!

Игорь Николаевич понимал, что Вишневский стал расходиться. Ему и хотелось послушать о новых веяниях в самой армии, и вместе с тем он боролся, чтобы не переборщить с водочными посиделками. Но он был сегодня почетным гостем авторитетного вертолетчика, а значит, должен играть по его сценарию.

– Так наливай!

Игорь Николаевич послушно разлил по половинке. На войне он мог сколько угодно брать на себя руководство, а вот в обстановке серьезной беседы всякий раз терялся, сознательно отдавая инициативу в руки других. Кроме того, Вишневский был важен для него не только как боевой товарищ, но и как более опытный и, чего греха таить, более искушенный в политике человек. Он мог дать ему ключи к пониманию некоторых вещей, суть которых даже при их очевидной открытости оказывалась глубоко упрямой.

Они выпили еще, немного закусили. Чувствовалось, что Вишневский хочет еще что-то сказать, и Игорь Николаевич не мешал ему, почтительно не перебивал.

– Но есть еще один нюанс новой кампании. Если раньше мы, русские, приходили на чужую землю со своими законами, но приходили без злости, без злобы, без желания убивать и крушить все подряд, то сейчас все не так. Сценаристы довели ситуацию до логического неприятия, лютой ненависти друг к другу, готовности разрывать друг друга на части. И поверь старому, не ищущему славы воину, все это достигнуто искусственным путем, после открытия шлюзов для спуска крови в сознании российской нации!

Последние слова Вишневский выдал из себя зловещим шепотом – так шипит змея, когда ей наступили на хвост. Его мутные глаза налились кровью, и Игорю Николаевичу стало не по себе от этих откровений.

– Да-да, – продолжал летчик тем же шепотом заговорщика, теперь немного гнусавым, – если раньше москвичей пугали видеокассетами с заснятыми убийствами российских солдат, то теперь никого не удивишь и камерами пыток, в которых федералы калечат и насилуют не то врагов, не то первых попавшихся под руку. Да, война есть война. И я сам имею почти три сотни боевых вылетов и не одного «чеха» завалил. Но это в бою, и это не имеет никакого отношения к осознанному пробуждению в людях звериных инстинктов. Мы слишком одеревенели, слишком хотим избивать инакомыслящих насмерть, у нас у всех выросли острые клыки на почве личного страха, внушенного властью. Так вот, эта война заключается в том, что мы все слишком далеко зашли и делаем это для поддержания имиджа одного человека.

– По-моему, надо нам завершать встречу... – начал было Игорь Николаевич. Но Вишневский не стал его слушать и не позволил договорить.

– Я тебе вот что скажу, Николаич. – Глаза Вишневого вспыхнули огнем, но огнем холодным, обжигающим недоступностью и удаленностью от действительности, как две мерцающие звезды. Игорь Николаевич знал, что это не пьяный блеск, это такие оттенки душевного пламени. – Другому бы не сказал, тебя просто уважаю как профессионала и смелого человека. – Он опять сделал паузу и облизал губы. – Так вот: что Афган, что Чечня – все одно. Речь идет о простейшем – порабощении, подавлении, присоединении. По праву сильного. Никакими благими намерениями тут и не пахнет, никакими революциями и уж тем более мифической помощью отсталым народам. Мы – захватчики и поработители, понял?! И еще... Мы добились того, чего хотели, – пожизненной культовой ненависти наших народов. Теперь для любого россиянина любой чеченец – кровный враг, и наоборот.

– У-у, – протянул Игорь Николаевич, – а ты изменился... Заметно. Сильно изменился. А что ты-то сам делал в Афгане?! Что ты тут делаешь, если такой праведник?!

– Ха, – выдохнул озлобленно и презрительно Вишневский, и от выдоха потянуло коньячным паром. Как от коровы в хлеву несет пережеванной травой, когда она тянет свою большую

наивную морду к хозяйке. – Ну, во-первых, мне нравится быть на стороне сильного, мне нравится поработать. Нравится быть вождем. Нравится быть сверху. Я этого не скрываю.

А во-вторых, тут уже личное давно действует. И не только личная жажда отмщения за конкретных товарищей, но и личная, старательно пробуждаемая в течение долгого времени жажда конкретной крови! Понимаешь?!

Теперь, когда Вишневский почти кричал, то возвышаясь своей статной фигурой, как крестоносец в доспехах, то приближаясь потерявшим красоту и скорее безобразным теперь лицом и навязчиво проникая в интимное пространство Игоря Николаевича, ему стало вдруг неприятно продолжать разговор.

– Не понимаю. И предлагаю перенести разговор.

– Нет, ты подожди. Ты на меня не обижайся. Ты что, правды боишься?! Не бойся, я тебе ее выкладываю для общего понимания. Давай – на коня, и расходимся.

«Завелся, орел. Теперь долго не уgomонится, и это я сам виноват. Придется дожидаться окончания пьяного бреда, потому что все равно не успокоится, пока не скажет до конца. А ведь часа два всего сидели. Старееет, видать», – Игорь Николаевич покосился на литровую бутылку, в которой осталось меньше трети. Но почему тогда у него самого в голове порядок, от перевозбуждения? А Вишневский как будто сканировал его мысли:

– И это, Николаич, не пьяный бред, а откровения бывалого человека. Так вот, ты не задумывался, почему на наших дедов, радостно повизгивая, гитлеровские орды шли, а на прадедов – наполеоновские? Все очень просто. Гитлер и Наполеон просто высвободили тайные желания масс, – тут голос Вишневского опять перешел на злобное шипение, – зверье, которое живет в человеке и жаждет людской крови, выползло наружу и начало кромсать ближнего. И не просто кромсать, а делать это изощренно, с пристрастием. Ты знаешь, я когда мочу этих тварей сверху, нурсами или из пулемета, я чувствую, что они – твари, а я – убийца. Гнусный убийца. Ну и что?! Мне, лично мне, это приятно, тем более что, по Путину, я – благородный освободитель, защитник конституционного строя, мать его так.

Игорь Николаевич заглянул Вишневскому прямо в его расширенные, как две маслины, зрачки и ужаснулся: там теперь точно поселился бес, окруженный чем-то гиблым, пустынным и inferнальным. Он не ожидал таких перемен в Вишневском, раньше это дурманящее исступление никогда не прорывалось в нем. Только теперь он заметил в товарище, которого не видел три года, следы разрушений от алкогольных возлияний. Голос, особенно изменился его голос, став тягучим, протяжным. Изменилась заточка мысли, как если бы станок, ее производивший, постарел, отупел и изнашивался. «Неужели это первые признаки распада личности?» – Дидусь сам изумился своей внезапной мысли и отогнал ее. Но от того прежнего вертолетного лихача в самом деле осталась разве что вечно коробящая, глупая наколка в виде кольца на одном из его покрытых темными волосками пальцев. Как и раньше, мазня на коже выглядела вызывающе нелепо и совершенно не стыковалась с его истинной породой, динамичным интеллектом. Но, может быть, Вишневский всегда был таким, а он просто не знал об этом, потому что не было раньше таких доверительных отношений. Все-таки сказанное больно задело его самого.

– Андрей Ильич, ради бога! Ты, брат, нажрался и несешь тут черт знает что! – попробовал он пойти в наступление. – Я вот не испытываю никакого такого влечения убивать. И служу тут ради самой службы, славы и достатка...

– Ради достатка служат у тебя контрактники из Тобольсков, Сызраней, Красноярское, – грубо перебил его Вишневский, – им там жрать нечего да семьи надо кормить. Но и они быстро меняются после пары-тройки убийств, тоже становятся деревянными, как языческие идолы. А ты просто еще мало убивал в полях. Признайся, мало?! – заорал он, и в голосе уже был нечеловеческий скрежет, настойчивое дребезжание стекла, – попробуй, тогда поговорим.

Игорь Николаевич теперь молчал, сжав челюсти. Он твердо решил подождать окончания монолога и не вступать в спор. Но Вишневский затих, успокоился. Встал, пошатываясь

прошелся по маленькому пространству КУНГа, совсем как загнанный зверь в клетке. Игорь Николаевич искоса наблюдал за ним и недоумевал. Почему он так изменился за последние три года? Ведь так не может быть, чтобы человек почти всю жизнь воевал, а потом – бах! – и наступило прозрение?

– Я сейчас, – бросил ему Вишневский и вышел. Через минуту-две неуверенные, тяжелые шаги подполковника опять затопали по КУНГу, он попал в поле зрения Игоря Николаевича, с деланой веселостью крикнув ему издали магическое слово «Наливай!». Когда Андрей Ильич оказался под лампочкой, тускло-желтый свет выхватил на один миг его лицо из сумрака незаметно надвинувшейся ночи. И опять Игорю Николаевичу бросилось, как постарел и осунулся его друг, как теперь сгорбилась некогда бравая, молодецки резвая фигура, как поползли по лицу жирные черви морщин, а две глубокие черточки между глаз, которые он всегда относил к внешнему проявлению интеллигентности, теперь выражали скорее глубокую озабоченность. «Какой он, в сущности, одинокий и уставший человек, и война, скорее, тут не причина, а следствие», – подумал он, когда Вишневский усаживал свое долговязое тело на жесткий неподвижный табурет. Но теперь он уже не выглядел столь опьяневшим, как двумя минутами ранее.

– Все, на коня – и расходимся. Ты, брат, не обижайся. Я над этим всем много думал. И знаешь, что понял? Путинский призыв пробудил тут наших темных демонов, ох, пробудил! Похлеще, чем в Афгане, это я тебе присягаю. Там была власть Советов, особый отдел и все такое. Нас заставляли маски миротворцев носить, и истязания подвернувшихся под руку носили слишком скрытый характер, чтобы говорить о массовом масштабе. Когда при Ельцине тут воевать начали, тоже все это не так очевидно прорывалось. Да и много неопределенности было: то наступай, то отдай технику боевикам, то перемирие, то еще какая туманная договоренность. А сейчас поверили в то, что «их надо мочить в сортире». И сейчас «мочиловое» объявлено взрослое. Друг друга сейчас и «чехи», и мы по-настоящему ненавидим. И бьем по-настоящему, нещадно и с наслаждением.

Вишневский опять перевел дыхание и облизал губы, пересыхающие от волнения.

– Так что ты об этом думаешь, дорогой мой москвич?

– Думаю, что ты – дурак запивший. А завтра проспийся, и все пройдет.

Игорь Николаевич сказал это ласково, с оттенком сожаления и жалости. Сказал, вставая, и поднимая наполненную самодельную рюмку.

– Андрей Ильич, за тебя! За нас! Чтоб все у нас было хорошо... – Он проглотил содержимое, крепко хлопнул по плечу вертолетного аса и удалился уже не слыша, как Вишневский с горькой досадой проронил сам себе:

– А для чего, чтоб у нас все было хорошо?.. Сам ты... дурак, батенька. Ни черта-то ты и не понял.

Потом он еще долго сидел неподвижно, уронив голову на руки, сложенные на столе.

3

После встречи, которая неожиданно вылилась в тяжелую беседу, Игорь Николаевич еще долго не мог уснуть. Он широко раскрытыми глазами уставился в штопанный рубец на потрепанном скате палатки, который во мраке выглядел затянувшейся раной на шкуре старого, в мучениях доживающего свой век животного. Было неловко и грустно, как будто он узнал о товарище какую-то непристойную подробность, и от этого остался осадок причастности к чему-то омерзительному, к грязи, которая пристает не к ботинкам, а сразу налипает на душу. Смутная тревога, беспокойство неясного происхождения заполнили его всего до такой степени, что по телу несколько раз прошел нервный, безотчетный озноб. В чем истинная причина его волнения? Не в том ли, что в противоречивой судьбе вертолетчика он видит инвариант своей собственной? Эдакий трафарет для любого военного, пусть и удачливого, но задержавшегося на войне. А

что, Вишневский уж пятый год заместитель командира полка, и хотя к карьерному росту почти равнодушен и своего кэпа не подсиживает, наверное, вот-вот станет командиром части. И при этом все так же летает, словно командир звена или эскадрильи. Но и он сам так делает. И комбатом ходил на боевые, и сейчас, став начальником штаба полка, будет так делать... Им обоим пока везет... Пока... Но дело не в этом. Тогда в чем, в новом взгляде на старые воспоминания?

И тут Игорь Николаевич невольно вспомнил, как однажды по долгу службы оказался свидетелем допроса у разведчиков. Они перехватили посыльного к одному из полевых командиров, за которым уже давно вели охоту. И рассчитывали, что немолодой бородач поведаст о месте расположения крупного отряда противника, к командиру которого он направлялся. Но хотя чеченский пленник на вид казался немощным и худым, как больной рахитом, в его блуждающих глазах жил неожиданно крепкий дух и неугасимая вера фанатика. Вначале его взгляд был соткан наполовину из страха и ненависти, но очень скоро страх улетучился, оставив лишь бессильную ненависть и невыразимую тоску. Через полчаса изощренного допроса чеченец был без передних зубов, с вывернутым набок носом и разорванным левым ухом. Его лицо уже представляло собой медленно набухающее кровавое месиво, и даже неясно было, откуда сочится кровь, тотчас превращающаяся в багровую слизь, смешанную с потом, слюной и грязью. Полуживое тело подвешивали к прикрученной к потолку скобе и в сопровождении лавины грубых ругательств, пыхтя и сплевывая прямо на каменный пол «комнаты исповеди», методично отбивали внутренности. То, что осталось от пленника, хрипело и тихо, как подыхающая от укусов собака, выло. Человек постепенно сливался с забрызганными, в бурых пятнах от крови стенами, растворялся в них. Жизнь медленно покидала хлипкое, поломанное тело, и его хозяин, кажется, сам молил о том, чтобы скорее расстаться с этим миром, когда один из пытавших предложил последний способ. «Или подохнет, или расколется. А поскольку все равно подохнет, то грех не попытать счастья», – буркнул вспотевший от истязания спецназовец-контрактник, пыхтя сигаретой и доставая из встроенного металлического ящика провода, похожие на телефонные. «Разрешите, товарищ майор?» – спросил он и, получив молчаливый знак согласия своего начальника, еще дважды пыхнул сигаретой и ловким броском отправил окурок в угол. Игорь Николаевич, далекий от нежных ужимок, до этого спокойно и бесстрастно наблюдал за избиением – его интересовал результат, и убиваемая человеческая оболочка являлась не просто врагом, но прежде всего носителем важной информации, которая может спасти завтра не одну жизнь его солдат и офицеров. Потому, если бы даже его руками разорвали пленника на части взамен за точное местонахождение врага, ни один мускул не дрогнул бы на его лице. Он молча смотрел и смотрел, ненавязчиво впитывая флюиды подкрадывающейся смерти, не подозревая еще, что они воздействуют, как заразная инфекция, с обратной силой и на тех, кто убивает. С появлением проводов он обнаружил, что нечто, напоминающее любопытство, проснулось в нем. Он стал оживленнее наблюдать за развитием событий, за самим процессом истязаний и в какой-то момент даже забыл, зачем он пришел в эту холодную сумрачную камеру. В это время один из спецназовцев руками разорвал на подвешенном безжизненном теле штаны, ошметки которых повисли внизу, зацепившись за обувь. Поразительно сильными руками разведчик разорвал и свисающую чуть ли не до колен полотняную рубаху, невероятно грязную, в разводах вязкой крови. Он не стал отрывать рубаху, а запихнул ее рваное полотно за ее же края возле шеи пленника. Взорам наблюдателей открылись коричневые ягодицы пленника, впалые и тощие, а само висящее костлявое туловище в сплошных гематомах теперь чем-то напоминало кошмарные документальные съемки концлагерей времен Второй мировой. Целеустремленный детина, очевидно знающий толк в процедуре, наступил ботинком на оборванные части штанов, так что пленник стал похожим на растянутую и закрепленную сверху и внизу боксерскую грушу. Затем одной рукой ухватился за шуплую ягодицу, чтобы раздвинуть зад, а другой с силой воткнул в него провод. «Чех» легко дернулся, по меньшей мере присутствующие теперь знали точно, что жизнь еще не покинула его. После этого здоро-

вяк в камуфляже резко нажал пленнику двумя пальцами за ушами, и тот, как выброшенная на берег рыба, инстинктивно захлопал от резкой боли ртом; тотчас второй конец провода оказался у него во рту. Второй парень, такой же отборный силач с лицом городского хулигана, только и ждал этого, потому что мгновенно воспользовался моментом и туго притянул челюсть к черепной части головы медицинским жгутом. Перед тем как запустить генератор, первый контрактник приблизил свой устрашающий лик к скованному жгутом, застывшему черно-желтому лицу пленника и задал прежний вопрос. Мучитель и мученик встретились взглядами. Первый был непреклонен и суров, с налившимися кровью глазами, в которых исчезли метафизические переживания и оставалась лишь твердь призрака, овладевшего на миг исключительным правом убийцы. Второй, и Игорь Николаевич это отчетливо видел, уже простился с земной юдолью, в глубине его глазных впадин осталось только траурное мерцание приготовившейся отлететь души. Пленник возвел глаза к небу. Заурчал генератор, и тело вдруг охватили конвульсии, оно стало беспорядочно сотрясаться, как будто кто-то раскручивал его волчком. Его теперь легко можно было бы принять за большую куклу, если бы в какой-то миг остатки человеческого не явились свидетельством его принадлежности к еще живому существу: желчная пена с кровью повалила изо рта, а по ногам потекла вызвавшая отвращение палачей смесь мочи, жидкого кала. В тесном, тусклом помещении стало распространяться зловоние, но прежде чем Игорь Николаевич отвернулся, он успел заметить неожиданно концентрированный и удивительно сильный, как толчок землетрясения, биоэнергетический импульс смерти. Он ощутил, как этот непостижимый разряд из сверкнувших в последний раз глаз умирающего пронизал его током сверху вниз и исчез вместе с отлетевшей душой. Игорь Николаевич не был уверен, что послание умирающего предназначалось ему одному, но по какому-то окаянному стечению обстоятельств случилось именно так. Когда генератор затих, изуродованная мумия с закатанными, навечно остекленевшими глазами перестала двигаться. Лишь по инерции безжизненное тело продолжало еще некоторое время покачиваться, да две неясного цвета капли упали на пол, напоминая, что только что в нем была смутная форма жизни.

Самой удивительной и неожиданной для Игоря Николаевича оказалась звериная молчаливость пленника; за все время экзекуции он вообще не проронил ни единого слова. В какой-то момент Игорь Николаевич даже хотел спросить коллег-разведчиков, уж ни немой ли этот «чех». Но теперь, лежа в палатке, он знал наверняка: тот человек с самого начала настроился умереть и сумел самовнушением отстраниться от боли и от самого жуткого – ожидания приближения смерти, медленного ее удушья. И теперь он отчетливо помнил, что поразился больше всего моменту исчезновения жизни из тела, выраженному в том последнем взгляде – апофеозе забвения, который спустя годы остался таким же отчетливым и будоражающим сознание, как и в тот момент. А еще он запомнил выражения лиц окружающих. Сидящий на высокой табуретке майор-разведчик скривился от отвращения к грязной плоти, хотя глаза его были безотчетно сыты, как у плотно пообедавшего человека, знающего толк в пестовании воображения. Помощник палача почему-то восхищенно возвестил товарищу: «Ажурная работа, ничего не скажешь». Сам же гурман молчаливо улыбался жуткой улыбкой дикаря-каннибала, и его белые ровные зубы сверкали в полумраке. Невозмутимая улыбка его твердила с тихой настойчивостью: «Ничего не поделаешь. Но раз не удалось выбить сведения, то хоть потешились». С гадливой миной офицер бросил контрактникам: «Снимайте тушу, и в яму», а потом Игорю Николаевичу: «Пойдем, Николаич, разочаровал молчаливый звереныш...» И подумав, добавил, как бы объясняя ситуацию: «Религиозная вера у них, чертей, сильная, дает возможность подохнуть, не расколовшись».

Игорь Николаевич проиграл в воображении всю страшную картину убийства, теперь уже осознавая, что оно оставило в его душе вечный осадок прикосновения к греху. В сущности, он ни в чем не был виноват, как не были виновны и жестокие разведчики: они боролись за то, чтобы выжить и победить, и в этом логика их действий. И, возможно, мстили за погиб-

ших товарищей. Будь они мягче, «чехи» сами перегрызли бы им глотки. И все-таки что-то тут было не так. Что конкретно, он еще не знал, не понимал до конца. Но что-то спуталось, сбилось с курса, как компас под воздействием большого магнита. Посещение музея ужасов не прошло бесследно, и не случайно до сих пор подробности того вечера встают перед ним грандиозной ужасающей силой. Тягостные переживания понесли его дальше, как щепку несет в безбрежное море. Действительно, почему так получается, что на этой войне правая рука не знает, что делает левая. Почему уже столько лет сохраняется кособокое управление войсками, почему ВДВ, бывшая элита армии, выполняют сугубо полицейские функции, и все они смешались с милиционными частями, пограничниками, мотострелками, спецназом. Все в этой войне перевернуто вверх ногами, все кружится чудовищной сатанинской каруселью, центробежная сила которой одним дробит кости, разбивает мозги, отрывает конечности, а у других, как у Вишневого, нарушает мировосприятие, отнимает чувство реальности, лишает возможности любить и быть любимым. Он поймал себя на мысли, что подумал об Андрее Ильиче как о давно умершем, погибшем человеке, вместо которого осталась, случайно сохранившись, оболочка и ищет с фатальной неотвратимостью возможности своего физического разрушения.

Игорь Николаевич не верил в то, о чем твердил ему Вишневский. Его устами говорит усталость от войны, простейшая усталость. А сквозь эту усталость неизменно проступает благородство Андрея Ильича, его офицерская честь. Ведь и на том совместном боевом задании Вишневский мог бы увести машины и преспокойно ожидать вызова на эвакуацию группы по радиосвязи. Но он так не сделал, и вовсе не потому, что испугался пуска ракеты по своим. А из понимания, что они вместе двигаются по краю большой могилы. Из святости, свойственной русским офицерам, из чувства чести не смог оставить их... И как только все это уживается в людях одновременно – и великое, и низменное?! И сам он, подполковник Дидусь, пришел на эту войну, потому что хорошо осознавал с самого начала: только жизнь в опасности, в смертельной опасности, только предельный риск, понятный военному сообществу, может обеспечить ему реальный рост. И не только рост карьерный, но рост самооценки, рост личности, приближение к его индивидуальной гармонии.

...И все-таки где-то далеко и глубоко в словах Андрея Ильича прятались отголоски правды. Как осколки от разорвавшейся гранаты, которые посекали не прикрытое бронезиловым человеческое тело... Они-то, эти осколки, и не давали теперь жить начальнику штаба, принуждали думать, думать и по-новому смотреть на войну. С большим трудом он забылся тяжелым, дремучим сном, и неясные кошмарные тени еще долго держали его в своем цепком потустороннем плену.

Глава третья

(Чечня, Новогрозненский, 2003 год)

1

Гноящаяся, кровоточащая аура войны немилосердно нависла над Природой, обволокла ее губительной пеленой, уничтожила ее гармонию. Въедливая, как кислота, энергетика разрушения необратимо входила в сознание каждого, кто ступил на эту землю. Очень многие, очутившиеся в ее гиблой власти, пребывали под гипнотическим впечатлением, что так было всегда, что война – нормальное состояние этой территории и этих людей и что, придя сюда по воле судьбы, неизбежно вести войну. Попутно опыт и сам инстинкт выживания убеждали новые пополнения в том, что вести войну необходимо жестоко и кровожадно, по правилам хищников, и только устойчивая милитаристская установка может оказаться залогом выживания. Что ж, традиция эта не нова, она лишь подзабывается, когда целому поколению случается прожить без войны. Но тотчас восстанавливается, ибо генетический код человека хорошо помнит все те истребляющие целые народы сражения, испепеляющие города войны, выжигающую сердца немилосердность. Человек привык убивать, это его древнейшая специальность. Он не отдает себе отчета, что деятельность эта к тому же приятна избавлением от необходимости думать и возможностью вести себя в соответствии со своей первородной звериной природой, неотъемлемой частью человеческого.

Только лишь приехав в Чечню во второй раз, подполковник Дидусь задумался об этом всерьез. Став командиром более высокого ранга, он одновременно был вынужден постигать и большие масштабы разрушительного действия войны. Удивляться тому, что на фоне цепи военных фиаско и позиционных побед, достигнутых за счет многих жизней солдат и младших офицеров, поднялась целая плеяда генералов, прославивших выдающимися, компетентными и победоносными. Он изумлялся странной пропорции: чем более губительными для войск, чем более шумными оказывались следы того или иного военачальника, тем стремительнее очередной лиходея взлетал к вершинам военной доблести, приобретал почет, как шерстью, обрастал обманчивой харизмой непобедимого воителя.

В один из хмурых, затянутых дымкой дней поздней осени подполковник Дидусь сидел на броне командирского бронетранспортера и угрюмым взглядом из-под насупленных бровей взирал на тяжелую картину разрушений когда-то цветущего горного поселка. Очередной раз он командовал войсковой маневренной группой, рассекающей территорию Чечни, зачищающей ее населенные пункты и одновременно – ведь это война – карающей тех, кто мог оказать сопротивление. Подполковник ощущал, что очень изменился за время после академии: стал и чувствительнее, и кровожаднее одновременно. Так не бывает, скажет кто-то. Он бы и сам согласился, если бы не призраки, посещающие его с неотвратимой цикличностью), как видения больного белой горячкой. В нем попеременно просыпался то бдительный философ, то жаждущий крови гладиатор. Каждый образ был силен, каждый вызывал мрачные переживания, и он все чаще пребывал в недобром настроении, а если когда и случалось ему чувствовать себя королем, то непременно темной масти. Ибо как он ни старался стать лучше и человечнее, если его доброе начало сталкивалось с непреложной силой приказа, воля демона всегда брала верх, и он становился организатором новых, порой еще более изощренных злодеяний.

На выезде справа из-под груды обломков торчали, как вылезшие из ран кости, части деревянных конструкций, по которым можно было угадать когда-то находящийся тут добротный дом. Слева через два десятка метров большой железной тушей насмерть забитого зверя лежал на обочине обгоревший перевернутый КамАЗ. Пока они проезжали через посе-

лок, начальник штаба насчитал не более десятка уцелевших домов. Особенно поразил его один, стены в котором были пробиты насквозь и через дыру было видно какую-то сгорбленную, высохшую старушку в темных лохмотьях. Неподвижная и видимая всей колонне, она, как безумный, блуждающий полупрозрачный фантом в балахоне, безупречно дополняла всю безжизненную фантасмагорию ледящего прощания с местом погрома. Почти все здесь было разворочено, разбито, приплюснуто, взорвано, продырявлено, и если хорошо постараться, то можно было бы найти следы еще десятка таких же наездов в гости, больше известных под названием «зачистка». Почти всё казалось оцепеневшим, застывшим ваянием какой-то нереальной скульптурной группы, чьей-то дикой фантасмагорией. Подполковник копался в памяти: не был ли он тут в 95-м, когда они впервые ступили на горную тропу войны? Память отказывала, а может, декорации слишком изменились, потускнели. «Вот что достигнуто почти за десять лет войны... И если к этому стремилась пресловутая цивилизация, если это прямые последствия хваленного научно-технического прогресса, то, может быть, стоит прекратить его стремительный бег? Или чем тогда вся эта картина начала XXI века отличается от мрачных красок средневековья, от беспощадной инквизиции или даже от крестового похода?!» – думал Дидусь, соболезнующим взором окидывая покинутый поселок.

Горная дорога предсказуемым серпантином поворачивала, и дальше уже не было продырявленных и искалеченных строений. Подполковник глубоко вздохнул, прощаясь с очередным развороченным селением, погруженный в мысли о докладе о прошедшей операции. Они, вне всякого сомнения, отличились, безупречно выполнили тактическую задачу. Но он отдавал себе отчет в том, что в глобальном смысле развитый успех – ничто, потому что в этих горах давно потеряна граница между боевиком и мирным жителем, тут российскую армию уже давно не выносят и, затаившись, ждут своего часа. Он хорошо знал обманчивость достигнутой тишины, как и то, что уже завтра сюда могут вернуться боевики, и не дай бог, чтобы какая-нибудь малочисленная группа россиян оказалась тут, позабыв об осторожности. Конечно, улов впечатлил кэпа: двадцать семь «чехов» было уничтожено, еще двенадцать передано на фильтр ФСБ, где их попытаются сделать разговорчивыми. Но и свои потери, хотя несоизмеримо меньшие, не давали покоя. Молоденький, необстрелянный лейтенант первого батальона в первый же день подорвался на mine с растяжками и после пятичасовых мучений умер. Может, и лучше, что умер, ведь его лицо было изувечено до неузнаваемости, оторвана до колена правая нога, вся дальнейшая жизнь стала бы мучительной борьбой за существование и поиском доказательств, что ты не живой труп. Еще два солдата погибли, когда хотели войти в сарай и открыли его двери: из зияющей пустоты их встретил неожиданный шквальный огонь. Вот ведь судьба какая! Солдат было четверо, и двое из них оказались только легко ранены – их спасли бронежилеты. Считай, отделались легким испугом. А двоих других скосило насмерть, пулевые ранения в голову – одному из них полголовы снесло, как будто бритвой срезало. Сарай потом в упор расстреляли «шмелями», а разорванные гранатометными выстрелами тела оборонявшихся «чехов» потом собирали по кускам. Но убитых все равно уже не вернуть... А еще были раненые, тоже искалеченные судьбы. Всего шестнадцать, из которых три тяжелых. И что начальнику штаба было обиднее всего: два ранения вынесены не из боя. Сухоруков диким матом вопил в трубку, когда узнал, что старлей и контрактник случайно слетели с брони БМД во время движения и попали под идущую сзади следующую машину. Теперь оба с передавленными гусеницами ногами завершили боевой путь. Может быть, офицера попытаются представить к награде, чтобы как-то облегчить его послевоенную участь. Может быть, даже квартиру дадут, ведь хороший, добрый малый, но просто не для войны... Дидусь даже удивился, что так подумал о молодом офицере; раньше он судил исключительно по профессиональным качествам, а «профессии хороший парень – нет». Действительно, разве этот старлей не знал, что можно стать калекой и вблизи войны? И что он искал тут – убеждение в великом предназначении России? А тот разорванный миной отважный лейтенант был уверен, что его священная

миссия состоит в безропотном служении Отечеству... Молодец, парень! Хорошо, что погиб, не задавая себе лишних вопросов, не зная, что ВДВ давно превратились в репрессивный орган Кремля. Да и что из всех этих смертей можно вынести? То, что русские бабы еще нарожают, как когда-то пронизательно заметил любимый им в юности полководец. Да, они могли погибнуть и в автомобильных катастрофах, а так – отдали жизни или здоровье во славу Родины. Главное – не впустить в души подчиненных сомнения, не допустить двусмысленности, поддерживать священную иллюзию особой миссии, показать, что на нашей общей судьбе история замкнула момент пересечения великого, нетленного и временного, зыбкого существования. Тут нельзя допустить паршивой душевной слизи, уж лучше твердить о великой роли и выдающейся исторической миссии. Так и жить проще, и умирать легче! И подполковник подумал, что в первую очередь надо по прибытии в район дислокации провести идеологическую работу, поднять морально-психологический дух, придумать какой-то новый допинг...

2

Неожиданно внимание начальника штаба полка привлек нехарактерный шум несколько поодаль от дороги. Игорь Николаевич пригляделся и уловил в стороне от дороги неразборчивую возню человека в камуфляже и женщины с картинно черными волосами в темной, наполовину изодранной мужской одежде. Между прерывистыми злобными рыками зачумленных моторов ему послышалось другое, человеческое рычание, смешанное с руганью, и женские вопли, переходящие порою в странные, нечеловеческие звуки. Рычание или необычно громкое шипение, что-то необъяснимое и не поддающееся описанию. Он сделал знак механику повернуть бронетранспортер и приблизиться к месту действия. Метров за тридцать от экзотической сцены Игорь Николаевич остановил машину. Не глуша двигателя, вслед за командирской остановились другие машины колонны, сначала задние, а затем и следующие впереди. Подполковник ловко спрыгнул с брони и стал приближаться к небольшой группе людей, явно не из его полка. Его ожидало крайне неприятное зрелище: какой-то незнакомый офицер, невысокого роста, но плотный и мускулистый, нещадно, с какой-то особой страстью избивал местную женщину, нанося ей крепкие, увесистые удары по всему телу, порой намеренно стараясь попадать точно в лицо. Дидусь видел его со спины, так что вместо лица Игорь Николаевич мог обозревать лишь крепкую бычью шею спецназовца. Зато было хорошо видно искаженное от боли и бессилия суровое лицо женщины. Молодая, не более тридцати лет, с астенической фигурой, напоминавшей бамбуковую жердь, она была облачена в грязное мужское тряпье и выглядела несуразно. Из-под сильно надорванного левого рукава выглядывало голое плечо с большой сиренево-красной ссадиной. Ее левая губа и левая бровь были рассечены и успели припухнуть, бордовая кровь заливала ей глаз, а от разодранной губы струйки спускались к грязной, с разводами шее. Неправдоподобно черные, как воронье крыло, длинные волосы были растрепаны, рот приоткрыт, и из него вырывались при каждом новом ударе звуки, похожие на смесь рыка и глухого стога. Женщина не кричала и не плакала, мужественно снося издевательства; она еле держалась на ногах, но офицер не давал ей упасть. Подходя, Дидусь отчетливо увидел, как он методично и целенаправленно бил ее кулаком в живот, и когда она изогнулась пополам, из рта выплеснулась струя вязкой слюны с кровью, повисая на нити и не касаясь земли. Однако одержимый бесом рыцарь в этот момент быстро подтащил ее за волосы и нанес следующий сокрушительный удар – между грудей; она громко ахнула от неожиданно пронзившей боли, опустилась на колени, а он опять не дал ей упасть. Рядом, в четырех-пяти шагах, стояли два других офицера, капитан и старший лейтенант. Небрежно закинув автоматы за плечи, они молчаливо курили и лишь косо и тоскливо поглядывали на затянувшееся избиение. На плече у капитана висел третий АКСУ с пристегнутым пулеметным магазином, принадлежавший, по всей видимости, их товарищу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.